

Райнхольд Месснер

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

Райнхольд Месснер

Хрустальный горизонт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139747

*Райнхольд Месснер. Хрустальный горизонт. Der glaserne
horizont: Планета; Москва; 1990
ISBN 5-85250-185-9*

Аннотация

Райнхольд Месснер, первый альпинист, покоривший все 14 восьмитысячников мира, талантливый альпинистский писатель, посвятил эту книгу своему самому яркому спортивному достижению – одиночному восхождению на Эверест без кислорода в 1980 году.

Содержание

Предисловие	6
Эверест – с севера – с юга – в одиночку	30
Эверест – легенды и действительность	36
Домой	36
Катманду	46
Почти сказка	58
Мэллори и Ирвин	78
Встреча с Неной	92
Канчунг – тайны и табу	100
В Европе	100
Пекин	112
Морис Уилсон	121
Денман и Ларсен	138
Мотивировка	148
Успех японцев	154
Моя долина и ее люди	159
Тибет – приволье для кочевников	169
Отъезд	169
Успех китайцев	180
Лхаса	184
Чудо света в Шегаре	201
В последней деревне	212
Монастырь у вечных снегов	220

К Нангпа Ла	231
Северная седловина – муссонный снег	240
Ледник Восточный Ронгбук	240
Десять долгих дней	253
Кто был первым?	264
Лавинный снег	269
Под северной стеной	277
Ронгбук – по следам культурной революции	292
На запад	292
Шиша Пангма	296
В двух часах езды от Катманду	302
Джомолунгма – путь к вершине и возвращение	312
Перерыв в муссоне	312
Теперь или никогда	322
1300 метров	342
Сизиф на Эвересте	381
Высокая цена	416
«Ганьбэй, ганьбэй!»	428
Единственная ночь в Пекине	433
Эверест – хроника и библиография	462
Эверест	462
Успехи и неудачи до 1981 года	465
Эверестская хроника 1982—1988 гг.	482
Споры и размышления	486
Восьмитысячники Р. Месснера	489

Райнхольд Месснер

Хрустальный горизонт

*Моей матери, открывшей передо мной
этот таинственный мир*

Предисловие

Месснера называют альпинистом всех времен, и имя его неизменно появляется в печати с эпитетами превосходной степени: самый удачливый альпинист, самый плодотворный альпинистский писатель, самый страстный защитник природы, наконец, самый популярный человек вообще, превосходящий по популярности известнейших спортсменов и артистов... И все это вдобавок к вееру его фактических альпинистских рекордов. Наш современник Месснер на глазах у нас становится легендой.

В 1986 году Месснер взошел на вершины Лхоцзе и Макалу в Гималаях и таким образом стал первым человеком, побывавшим на всех восьмитысячниках мира.

Райнхольд Месснер может служить эталоном целеустремленности, работоспособности и одновремен-

но противоречивости в делах и утверждениях. Чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию этой незаурядной личности, присмотримся прежде всего к его альпинистской биографии.

Впервые Месснер приехал в Гималаи в 26 лет (1970). К этому времени он прошел сложнейшие стены Западных и Восточных Альп, побывал на Кении в 1971 году (5195 м), в 1969 году вместе с Петером Хабелером взошел на Иерупайю в Перуанских Андах (6643 м) по юго-восточному снежно-ледовому гребню, технически очень сложному. Однако альпинистом с большой буквы он в это время еще не был, хотя уже в тот первый свой приезд покорил Нангапарбат.

Восхождение на второй восьмитысячник – Манаслу (8163 м) – состоялось в 1972 году по непройденному маршруту (с юга). В 1975 году Р. Месснер и его партнер Петер Хабелер совершили образцовое восхождение на Хидден-Пик в Каракоруме (8068 м), по непройденному пути (с севера), без кислородных приборов. 8 августа они начали подъем, 10 августа достигли вершины, 12 августа были в базовом лагере. Этим восхождением началась эпоха так называемых альпийских восхождений на восьмитысячники. Движение в альпийском стиле, то есть максимально облегченно и максимально быстро, означает в условиях восьмитысячников восхождение без предварительной обра-

ботки маршрута – без разбивки промежуточных лагерей, без челночных переносок грузов наверх по заранее навешенным перилам, без помощи носильщиков. Это было смелое начинание, которое дало возможность резко сократить стоимость и сроки экспедиций, позволило использовать очень недолгие периоды хорошей погоды. При альпийском стиле все бесчисленные аспекты альпинистской работы фокусируются на одном человеке (даже если их двое или четверо), требуя от него особой подготовки ввиду полной личной ответственности, самоконтроля и самооценки.

Слава первого альпиниста мира пришла к Месснеру в 1978 году. 8 мая он и Петер Хабелер вззошли на Эверест по обычному пути через Южную седловину, как и первовосходители. Новое слово этого восхождения: впервые на Эвересте без кислородных приборов и быстрый темп, вызванный, как объясняет Месснер, нежеланием ночевать без кислорода выше 8000 метров. За один день они достигли вершины, выйдя из лагеря на седловине (7900 м) и спустившись на нее. Оценить этот темп можно, лишь сравнивая его с темпом других восхождений. Первовосходители Тенцинг и Хиллари штурмовали вершину из лагеря IX (8054 м) и спустились на Южное седло; два американца в 1963 году ночевали на подъеме на высоте 8350 м и имели холодную ночевку на спуске на высоте 8540 м;

индийцы выходили из лагеря на 8518 м; холодные ночевки были еще у ряда групп (см. «Эверестскую хронику 1982-1988 гг.»).

Ровно три месяца спустя Месснер осуществил свою «безумную идею», зародившуюся еще в 1970 году во время трагического спуска с Нангапарбата, – взойти на эту «гору ужасов» в одиночку по непройденной Диамирской стене. Месснер объявил свое восхождение «первым абсолютным соло на восьмитысячник по новому пути». Всего три носильщика участвовали в подноске грузов под стену. Наверх он взял рюкзак весом 15 кг, в котором были: легкая палатка, спальный мешок, подстилка под мешок, кошки, ледоруб, веревка, один скальный крюк, один ледобур, газовая плитка, питание на 10 дней. Строгие критики не простили Месснеру этого единственного крюка, считая это нарушением принципа «свободного лазания», на котором Месснер всегда настаивал. Позже, в 1980 году Месснер отказался не только от крюка, но и от веревки. Но нам, безусловно, хотелось бы поставить другие акценты, подчеркнуть смелость и даже кажущееся безрассудство всего замысла, который опирался, однако, на правильную оценку Месснером своих сил. Далее – мощный темп: 3500 метров с тремя ночевками на маршруте (не считая лагеря на морене). В книге «Нангапарбат в одиночку» Месснер пишет

о том, что самое трудное в этом восхождении состояло в преодолении страха перед одиночеством. Это соло и было предпринято им ради борьбы с собственным страхом.

В 1979 году состоялась встреча с самой красивой и самой суровой среди восьмитысячников – вершиной К-2 (8611 м). Экспедиции Месснера не удалось пройти новый маршрут, и связка Р. Месснер – М. Дахер поднялась на вершину по классическому пути в альпийском стиле за пять дней. Это восхождение Месснер оценивает как относительно легкое. По возвращении в Европу он заявил, что на К-2 он почувствовал границы своих возможностей и что Эверест-78 был всего лишь разминкой по сравнению с К-2.

Границы собственных возможностей интересуют его более всего во время одиночного восхождения на Эверест в августе 1980 года. Оно было совершено в тактике абсолютного соло, без кислородного прибора и других технических средств, но главная новизна этого восхождения – муссонный сезон, то есть время, немыслимое для восхождений в Гималаях. Вместе с поляками, совершившими в феврале этого же года фактически зимнее восхождение, Месснер способствовал снятию сезонных запретов на Эвересте.

В 1982 году Месснер осуществил блистательный «хет трик», взойдя на Канченджангу (8586 м), Гашер-

брум II (8035 м) и Броуд-Пик (8047 м). В 1983 году он снова среди первопроходцев: Месснер, Михаэль Дахер и Ганс Каммерландер прокладывают частично новый маршрут на Чо Ойю (8201 м) – по юго-западной стене.

Весь мир считал победы Месснера, и остановиться перед последними четырьмя восьмитысячниками уже было не в его власти. Что бы ни говорил он сам или другие о нем – теперь это уже была логика спортивной борьбы. Гималайский альпинизм к этому времени стал настоящим спортивным состязанием. По пятам Месснера шли другие альпинисты, которые могли и обогнать лидера, «взяв» набор восьмитысячников раньше него. Швейцарец Марсель Рюди в течение одного года побывал на пяти восьмитысячниках, причем три из них он покорил за 15 дней. Явно более высокий темп, чем Месснер держал поляк Ежи Кукучка. Трезвый анализ ситуации и спокойный расчет своих возможностей помогли Месснеру остаться абсолютно и бесспорно первым. Месснер принимает решение завершить свою идею без лишнего риска, не отвлекаясь ни на что постороннее. Он оставляет пост издателя журнала «Альпинизм» в Мюнхене и сосредоточивается на последних четырех восьмитысячниках, которые покоряет лишь иногда по «спокойным» классическим маршрутам: 1985 год – Аннапурна (8091 м по северо-

западной стене в экстремальных условиях) и Дхаулагири (8167 м), 1986 год – Макалу (8463 м) и Лхоцзе (8516 м).

Итак, Райнхольд Месснер к 42 годам покорил все восьмитысячники мира, осуществив мечту, зародившуюся у него в 1982 году. Тогда как, впрочем, и много позже, эту идею никто не принимал всерьез – общество не воспринимает «безумных идей», пока они не осуществляются. Путь его к блистательному титулу богат выдающимися спортивными достижениями и большими печальми...

Райнхольд и его младший брат Гюнтер вошли весной 1970 года в состав международной гималайской экспедиции, организованной К.М. Херлигкоффером в память Зигфрида Лёва, погибшего на Нангапарбате в 1970 году. Цель экспедиции – Нангапарбат по южной (Рупальской) стене. Обстановка в экспедиции не была дружелюбной, участники, в особенности Райнхольд Месснер, были раздражены вялостью Херлигкоффера, отсутствием у него четкого плана восхождения. Райнхольд и Гюнтер проявляли нетерпение и недовольство, а руководитель не имел ни характера, ни авторитета, чтобы нейтрализовать горячность братьев и тем более сплотить отдельных горовосходителей в единую команду для надежного штурма вершины. Мы бы сказали, что запас прочности в этой экс-

педиции был очень невелик. Последовавшие затем несчастья многократно описаны в литературе и приобрели всемирную известность как «история с ракетами», которая вкратце состояла в следующем. После длительного переживания непогоды, в обстановке нервозности и ссор было принято решение о еще одной (последней) попытке штурма вершины – и принято, надо подчеркнуть, не руководителем, а Райнхольдом Месснером. К 25 июня Гюнтер и Райнхольд находились в лагере V (7350 м, начало желоба Меркля). Еще два участника, Куэн и Шольц, поднеся грузы, остались в лагере IV. 26 июня по радиации Райнхольд договорился с базовым лагерем (лично с Херлигкоффером) о дальнейшем движении. Если официальный прогноз подтвердит опасения насчет плохой погоды, то базовый лагерь сообщает об этом наверх красной ракетой. В этом случае рискует один Райнхольд: он попытается в блицтемпе взойти на вершину. Если же прогноз будет хороший, базовый лагерь дает синюю ракету. Тогда Гюнтер, Райнхольд и еще один участник выходят на обработку желоба Меркля, после чего к ним присоединяется четвертый, и они все вместе пытаются взойти на вершину. Такова договоренность. А происходит все не так. На 27 июня обещана великолепная погода. Но ракеты перепутаны, вместо синей дана красная. Райнхольд действует согласно до-

говоренности, в 3 часа утра он стремительно выходит наверх один, без веревки. Через некоторое время Гюнтер, видя, что погода хорошая, действует на свой страх и риск: идет вслед за братом, конечно же, тоже без веревки и безо всего прочего, с чем ходят группы. В 17 часов братья обнялись на вершине. На спуске у Гюнтера начинается горная болезнь, в результате чего – ночевка на перемычке Меркля, чуть ниже Южного плена вершины, без палатки, еды и питья. Утром 28 июня еще одно роковое непонимание: Куэн и Шольц слышат крики Райнхольда и проходят мимо метрах в 80—100, считая, что у братьев все в порядке. Без веревки Райнхольд и Гюнтер не решаются спускаться по пути подъема (по стене Рупала), они спускаются в сторону Диамира. Уже в самом низу Гюнтер погибает в ледовом обвале, а Райнхольд после безуспешных ночных поисков брата спускается в долину с обморожениями II и III степени. В Европе эта трагедия усугубилась взаимными обвинениями и оскорблениями, причем никто не остался в долгу. Райнхольду, который в 1971 году опубликовал без согласования с Херлигкоффером книгу «Красная ракета на Нангапарбате», пришлось уплатить штраф за нарушение договора об экспедиционных публикациях.

Было омрачено трагедией и второе восхождение на восьмитысячник, в 1972 году. На этот раз погиб парт-

нер по связке Франц Эгер, который, на пути к вершине отстал от Райнхольда, повернул назад и потерялся в снежном буране буквально в нескольких шагах от палаток. Во время поисков Эгера погибает также участник второй связки. Эти трагедии, разыгравшиеся на глазах Р. Месснера и их резонанс в прессе, наложили тяжелый отпечаток на его характер, заставили о многом задуматься, повлияли на всю его последующую деятельность в горах. Горы, более чем все остальные «свободные стихии», представляют опасность для жизни человека. Альпинизм всегда связан с риском. Риск – сложное социальное и философское понятие, и в данном очерке невозможно подступиться к нему. Впрочем, имеется даже формула риска, что-то вроде $P=C(n)/C$, где P (риск) – отношение случайностей, которые данная личность умеет преодолевать, к случайностям, которые могут этой личности встретиться на данном маршруте. Эта формула кажется безнадежной. Вывод из нее один: риск всегда остается, даже если человек умеет свести его, как ему кажется, к минимуму. К тому же безусловно верно и то, что на четырнадцати восьмимысячниках риск по крайней мере в четырнадцать раз больше, чем на одном...

В чем же секрет успеха Месснера? Некоторые видят ответ на этот вопрос в уровне современной техники, вооружившей альпинизм, что называется, до зу-

бов. Правда, Месснер выступает как раз против «технизации» альпинизма, он принципиальный сторонник минимальных технических средств на горе, однако, и он признает решающую роль в своем успехе таких предметов, как легкая палатка, легкий (титановый) ледоруб, кошки, газовая плитка и т. д. Будучи у нас на Кавказе в 1983 году, он бесконечно радовался приобретению высококачественного советского «железа», обмененного, между прочим, на высококачественную же альпинистскую одежду и обувь. Безусловно сказался на его успехе современный уровень горной медицины, физиологии, диететики, не говоря уже о самолетах, дорогах, об отношении к альпинизму правительств Непала и Китая. Все это необходимый фундамент, без которого не было бы Месснера, но который не делает всех альпинистов Месснерами. Одной из составляющих успеха Месснера является его профессиональный подход к альпинизму. Он вырос в горах, лазит по горам с раннего детства. Вопросы страховки никогда не стояли перед ним: если бы он не лазил абсолютно надежно, он бы не дожил до своего триумфа. Подготовка к высотному восхождению состоит у него из ежедневных тренировок, целенаправленных, основанных на знании физиологии и столь интенсивных, что наблюдатели называют их мазохистскими. Месснер применял даже сбрасывание

веса посредством научно поставленного голодания. В период интенсивной подготовки Месснер может сконцентрироваться на альпинизме, отбросив буквально все. Профессиональный подход дает Месснеру большие преимущества, у него больше шансов выжить в высотных переделках. История научила нас не искать секретов в особых физических данных первопроходцев, герои сами создают свое физическое состояние. Но в случае с Месснером умение «сделать себя» сочетается со счастливой конституцией: соотношение роста и веса 174/64. Сам Месснер склонен видеть главную причину своего «везения» не в физической силе или техническом умении и, конечно же, не в снаряжении: «Если мне удалось подняться на все 14 восьмитысячников и остаться живым, это потому, что я всегда знал, когда нужно остановиться; я чувствовал, когда риск был слишком велик. Я терпел поражения, отступал в 11 гималайских экспедициях, и поэтому я жив». Эти слова свидетельствуют о том, что Месснер владеет высшим альпинистским искусством, доступным единицам, — искусством отступать. Месснер не один раз отступал из-под Макалу, Дхаулагери, Лхоцзе, Чо Ойю, Нангапарбата. Одиннадцать отступлений — это тоже рекорд, из числа тех рекордов, о которых редко пишут, которые редко стараются перекрыть. Только альпинисты знают, сколько силы во-

ли и мужества нужно для отступления там, где есть хоть что-то, что оправдывало бы движение вверх. Может быть, именно этого особого мужества не хватило Мэллори и Ирвину в 1924 году? Деятельность Месснера дает новый материал для размышлений над «тайной Мэллори», интерес к которой в мире не ослабевает, и к которой часто обращается Месснер в книге «Хрустальный горизонт». Набор восьмидесяти тысячников Месснера можно считать законченным экспериментом, поставленным им на самом себе. Эксперимент оказался удачным не случайно – это результат высочайшей личной надежности его исполнителя. Возвращаясь к теме риска, можно сказать, что Месснер никогда не играл со смертью. Феномен Месснера давно является предметом пристального изучения. Все наши вопросы касаются фактически сущности человеческого духа, которая так ярко проявилась в этом альпинисте, и они еще долго будут оставаться без ответа. Невозможность прямых и окончательных ответов на них компенсируется радостью соприкосновения с великой личностью, деятельность которой проходит в столь «высокой» сфере.

Один из путей познания феномена Месснера – его книги. В «Хрустальном горизонте» описывается высшее из его спортивных достижений – Эверест-80. Это было абсолютное соло с тысячью «без»: кислорода,

веревки и крючьев, без подготовленных биваков на маршруте, без группы подстраховки, без моральной и психологической поддержки, без надежды хотя бы услышать человеческий голос (без рации). И без внутренней защиты. Доминирующий образ книги – горизонт, ограничения вне и внутри человека и их преодоление с помощью крайних физических нагрузок на труднейших альпинистских восхождениях. Автор обращается к самой сущности человека, говоря, что Эверест до предела обнажил его душу, как бы лишил ее защитных оболочек и тем самым позволил ей слиться с необъятным внешним миром. Цель этого трудного восхождения для него – прежде всего познание себя. Один из ранних биографов Месснера Родерих Менцель в книге «Великие спортсмены. Райнхольд Месснер» (Дюссельдорф, 1981, на немецком языке) выражает сомнение в возможности применять для самопознания столь сильное средство, как деятельность в условиях кислородного голодания, когда по приговору врачей, должен давать сбои сам орган самопознания. Книга дает в этом смысле ценный материал, показывающий победу сознания. Месснер заставлял себя не только двигаться, но и мыслить, копить впечатления. Документальная передача равных мыслей с повторами, недоговорками, переключениями воспринимается как законный художественный

прием, отражающий реальную тяжесть восхождения.

Можно сказать, что Месснер совершил открытие в области человеческих переживаний и их описания. В ряде своих книг он подвергает анализу чувство страха, тем самым разбивая романтическое представление о герое, не ведающем страха. То же самое и в большей степени он делает и в книге «Хрустальный горизонт». На первых страницах о чувстве страха говорится как о философской категории: страх является условием активной жизни, он мобилизует силы на преодоление опасности, то есть присутствует всегда. В эпизоде падения в трещину на стене Северной седловины страх рассматривается анатомически, как рефлекторное дрожание тела. Месснер испытывает чувство страха, но не боится его – таков результат исследования им этого чувства. У Месснера достаточно мужества и уверенности в себе, чтобы не бояться неблагоприятных о себе отзывов, порой очень серьезных. Он неоднократно подвергался упрекам в том, что дает дурной пример для подражания, его обвиняют в развращении юношества и считают ответственным за жизнь тех, кто, не обладая спортивными данными своего кумира, устремляется в горы в одиночку. Что ж, подобная боязнь за молодежь стара как мир, и приводя в своей книге эти высказывания без комментариев, Месснер добивается правильного впечатления

о себе. Стоит напомнить, что в свободное от горовосхождений время одна из главных его забот – школа альпинизма на его родине, в Южном Тироле. А в 1984 году вышел в свет учебник по альпинизму, в котором Месснер пропагандирует свои принципы поведения в горах: максимальная безопасность при занятиях альпинизмом, бережное отношение к природе, приверженность альпинистским традициям.

Нет, Месснер не мизантроп, не монстр, не одиночка. «Один на восхождении, но не в жизни», «уединение, но не одиночество» – он знает цену истинной дружбе.

Словами своей спутницы Нены, которая тоже не щадит его, Месснер выражает одну из наиболее сильных идей книги – о высокой цене, которую платит человек за честолюбивое желание покорить гору. Со слезами на глазах, по-детски доверчивый, буквально прозрачный физически и душевно, преодолевший последние метры до палатки на плечах у женщины – именно в этом состоянии он наиболее человечен и наиболее близок читателям.

Итак, альпинизм конца XX века дал нам нового героя в жизни и в литературе. Его называют то романтиком, то антиромантиком, он полон противоречий, он счастлив, и несчастлив. Месснер бежит из города, – и ему удастся раствориться в космосе, почув-

ствовать себя частицей мироздания. Он умеет переживать моменты не только гармонии, но полного растворения в природе. Однако старый романтик никогда в нем не исчезнет – ибо ему нужен, как он говорит, и западный мир. Один из самых раскованных и независимых людей современности оказывается одновременно типичным представителем Запада и даже своей долины, узость которой он так стремится преодолеть. Оставив в стороне его взаимоотношения с родным для него западным миром, обратим внимание на страницы книги, посвященные Тибету. Месснер влюблен в Тибет, как он влюблен и в другие горные страны, в которых ему приходилось бывать. Эта любовь, помноженная на талант, подарила нам целый ряд прекрасных описаний природы, людей, архитектуры. Эта же любовь заставляет его волноваться из-за разрушений, причиненных тибетским святыням во времена культурной революции. Его волнение оправдано. Месснер попал в Тибет как раз накануне коренного поворота политики КПК в сторону ликвидации последствий культурной революции и, конечно, не мог видеть результатов этого поворота. Но альпинист Месснер далек от глубокого понимания политической жизни Тибета, что и естественно, и извинительно, ибо – перефразируя его же собственные слова, – чтобы понять Тибет, нужно иметь там тысячелет-

ние корни. Подробное обсуждение этого вопроса уело бы нас далеко в сторону от альпинистской тематики, основной в книге. Наиболее интересные моменты истории и политики Китая, затронутые в книге, комментируются, в примечаниях. Книга снабжена ценным справочным материалом.

Хроника покорения Эвереста в ней охватывает события с 1892 по 1981 год включительно – на момент выхода книги в свет. Учитывая особую важность этого материала для читателей-альпинистов, мы не сочли себя вправе ограничиться переводом хроники. Она дополнена данными из более ранней книги Месснера «Эверест. Экспедиция к полюсу», 1978. Тот, кто захочет составить для себя более детальное представление об истории освоения и покорения этой горы, по-видимому, обратится к соответствующей литературе. На русском языке есть только краткое изложение ранней истории Эвереста и хроника до 1956 года в книге П. С. Рототаева «Покорение гигантов», М., 1958.

В русском переводе месснеровской хроники мы опустили информацию о якобы имевшей место русской экспедиции 1952 года. Наша альпинистская история у нас на ладони, еще живы люди, наперечет знающие все альпинистские события того года. Переводчик и издательство «Планета» надеются на доверие Месснера к нашим мотивам, не позволяющим

нам культивировать эту совершенно очевидную для нас выдумку. Отдавая должное жанру, мы продолжили хронику до момента выхода в свет настоящего перевода, поместив ее в качестве приложения. В целях унификации фактов и в надежде на их дальнейшую статистическую обработку «Эверестская хроника 1982—1988 гг.» представлена в форме, принятой в книге «Эверест-82» (автор хроники Е.Б. Гиппенрейтер). Работая над продолжением хроники Гиппенрейтера, мы столкнулись с несовпадениями в нумерации восхождений в зарубежной и советской хронологии Эвереста. Несовпадение вызывается главным образом отсутствием полной ясности с китайскими экспедициями. Если считать китайское восхождение 1960 года успешным, то порядковый номер советского восхождения будет 25 (так в книге «Эверест-82»), если же не учитывать его (как это делают З. Ковалевский и Я. Курчаб в книге «На Гималайских вершинах», Варшава, 1983 на польском языке) — то советское восхождение будет иметь номер 24. Общий порядковый номер советской экспедиции 62, если не учитывать вторую и третью попытку китайцев в 1966 и 1968 гг. (так в книге «Эверест-82»), и 64, если эти попытки учитывать (так, например, у Месснера, Ковалевского и Курчаба). Мы предпочли учитывать по возможности все, что и отразилось в нумерации восхождений в «Эве-

рестской хронике 1982-1988 гг.». К числу справочных материалов относится также карта-схема маршрутов, пройденных на Эвересте. К восьми маршрутам, обозначенным на схеме Месснера, мы добавили последующие прохождения, в соответствии с имеющимися у нас данными.

Литература по Эвересту, как известно, огромна. Однако советскому читателю затруднительно составить о ней представление ввиду самой простой причины: у нас нет никакого библиографического указателя по этой теме. Указатель в книге «Хрустальный горизонт» содержит 120 наименований – и это ценно уже само по себе. Этот материал был также доработан нами в соответствии с правилами публикации библиографий. Над материалами Приложений к книге Р. Месснера кроме переводчика работали:

Карпович Наталья Марковна – сотрудник Института Востоковедения АН СССР – консультант по Непалу и собственным наименованиям непальского происхождения.

Богословский Василий Алексеевич – сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. Им проконтролирована вся обширная «тибетская» сторона книги, приведены в соответствие с современной транскрипцией собственные наименования тибетского происхождения, составлены комментарии по Тибету.

Фрейдман Андрей Витальевич – московский инженер, альпинист, автор публикаций по альпинизму. Он составитель «Эверестской хроники 1982-1988 гг.»; собранные им материалы по истории Эвереста использованы в настоящем предисловии и в «Маршрутах на Эвересте».

Ройтер Тильман – австрийский русист, преподаватель Венского университета. Он любезно проделал для нас работу по сверке библиографического указателя Р. Месснера, снабдил наименования указателя необходимыми выходными данными.

Можно не сомневаться, что нас ожидают новые открытия Р. Месснера как в сфере практической деятельности, так и в области художественного слова. Хочется также надеяться, что будет пополняться пока еще очень короткий список его книг, переведенных на русский язык.

27 июня 1980

Дорогой Райнхольд!

Пишу тебе в Тибет, хотя не знаю, застанет ли тебя мое письмо. Ведь ты живешь совершенно в другом мире по сравнению со своими братьями, я имею в виду не только горы.

Я знаю, ты не можешь иначе, но будь осторожен! Ровно десять лет назад ты был с Гюнтером на Нангапарбате.

Тогда я надеялась, что это в последний раз.

Но ты снова пошел в горы, и несмотря ни на что я не удерживала тебя. Я не делаю этого и теперь. Между тем здесь, в Европе, многое переменялось, горизонт становится все уже.

Я все лучше понимаю твой образ жизни.

Если у нас начнется война или революция, – оставайся в Тибете. Но будь осторожен.

Я все время думаю о тебе.

Твоя мама

Эверест – с севера – с юга – в одиночку

«О восхождении на Эверест люди мечтали еще 30-40 лет назад, – писал в 1921 году сэр Фрэнсис Янгхазбенд. – Этот непокоренный исполин волнует всякого альпиниста. Пусть нет ни денег, ни времени, ни условий для подготовки – желание взойти на высочайшую вершину земли не оставляет тех, кто любит горы».

Но что влечет человека на Эверест, уже неоднократно побежденный? Да к тому же в самое неподходящее для этого, муссонное, время? Я уже был однажды на его вершине. Зачем же еще раз?

«Потому, что Эверест существует», – сказал Мэллори в 1924 году.

Это еще не все. Мотивировок на самом деле много. В 1978 году во время восхождения на Эверест с Петером Хабелером я измерил вершину количеством дней, высотных метров и своими страданиями. Однако со временем она стала снова казаться мне полной загадок. И вот, наконец, новая идея овладела моим сознанием.

«В жизни каждого человека наступает момент,

когда ему необходимо выразиться до конца, дойти до предела своих возможностей. Кто рожден для живописи, будет сам не свой, пока не возьмется за кисть и краски. Другому все время мерещатся фигуры из дерева, камня или металла, и руки чешутся создать их. Третий во что бы то ни стало должен петь, а иные стремятся завораживать своими речами слушателей, владеть их настроением. У каждого есть внутреннее влечение, которое должно проявиться. При этом в человеке исподволь вырабатывается очень высокое мерило – самое высокое, какое только для него возможно, и он стремится испытать себя этой высшей пробой. Он не достигнет согласия ни с самим собой, ни с окружающим миром, если не поднимется на ту высоту, которая представляется ему пределом».

Шальная мысль – взойти на Эверест снова, на этот раз в одиночку – долгое время была, так сказать, бестелесным умственным построением. Я искал поддержки в книгах о Морисе Уилсоне, Джордже Мэллори, монахах Ронгбукского монастыря. И когда, наконец, моя идея приобрела конкретные очертания, превратилась в ясную цель, начался один из увлекательнейших периодов моей жизни.

Я расскажу о том, как зрело это решение и как оно воплощалось. Я расскажу о Тибете, каким я его уви-

дел. И дневник Нены, и страницы, посвященные пионерам Эвереста, связаны все с тем же вопросом: зачем?

Поход англичан в Лхасу во главе с сэром Фрэнсисом Янгхазбендом в 1903-1904 гг. и китайская революция 1911 г. способствовали ослаблению китайского влияния» в Тибете (*Речь идет о вооруженной интервенции Англии в Тибет. 3 августа 1904 г. английские войска вступили в Лхасу, 7 сентября 1904 г. интервенты принудили тибетские власти подписать неравноправный договор, устанавливающий зависимость Тибета от Англии. Договор не был ратифицирован цинским правительством Китая. Проникновение Англии в Тибет вызвало также противодействие русского правительства. По англо-русскому соглашению 1907 г. обе стороны обязались уважать территориальную целостность Тибета и не вмешиваться в его внутренние дела. Соглашение признавало сюзеренные права Цинской империи в Тибете. В период Синьхайской революции (1911 — 1913 гг.) цинские войска и чиновники были изгнаны из Тибета. После свержения династии Цин XIII далай-лама объявил о прекращении всех связей с Пекином. В дальнейшем отношения между Тибетом и Китаем несколько нормализовались. В Лхасе было открыто представительство гоминьдановского правитель-*

ства, однако вплоть до образования КНР и подписания соглашения 1951 г. правительство Тибета проводило самостоятельную политику.) До 1949 г. страной правил далай-лама (Далай-лама – титул тибетских первосвященников (от тибетского «лама» – учитель и монгольского «далай» – море мудрости). Первоначально это были главы секты (школы) Гэлугпа («желтошапошников»). С середины XVII в. далай-ламы – духовные и светские правители Тибета и одновременно духовные главы буддистов-ламаистов, проживающих вне Тибета.) Тибет был фактически автономным теократически-ламаистским государством, хотя не имел соответствующего юридического статуса. Здесь выращивали ячмень, фасоль, просо, горох и разводили скот на летних высокогорных пастбищах. Имелось кожевенное производство, литейные и бумажные предприятия. В городах были развиты ручные промыслы – работы по серебру, золоту, украшение оружия, ковроткачество, резьба по дереву, керамика. В монастырях, средоточии науки и просвещения, занимались живописью, изготовлением масок и ксилографических досок. В стране почти не было дорог, только караванные тропы. Именно этими тропами между Канченджангой и Шишей Пангмой шли первые экспедиции к Эвересту. С 1921 по 1949 гг. англичанами было организовано семь эверестских экспедиций

(если считать и две нелегальные одиночные попытки).

В октябре 1950 г. в Тибет вошла армия Китайской Народной Республики, хотя коммунистический Китай в специальном сообщении гарантировал Тибету самоуправление *(В октябре 1950 г. части Национально-освободительной армии Китая (НОАК) начали наступление в области Чамдо (Восточный Тибет))*. 23 мая 1951 г. в Пекине представители Центрального народного правительства Китая и местного тибетского правительства подписали соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, в котором говорилось о «возвращении» тибетского народа в «большую семью народов Китайской Народной Республики», о праве тибетского народа на национальную районную автономию и о вводе частей НОАК на территорию Тибета.) Китайцы построили в Тибете сеть дорог, между Лхасой и Ченгду было открыто воздушное сообщение. Недовольство местных жителей китайским присутствием вылилось в 1959 г. в восстание. После подавления восстания далай-лама и еще 20 000 человек покинули страну и бежали в Индию, Непал, Бутан. Тибетское правительство было окончательно низложено. Тибет, занимающий территорию в 1,2 миллиона квадратных километров, большая часть которой лежит на высоте более 4000 метров над уровнем моря,

был поделен на пять провинций. С созданием в 1965 г. Тибетского автономного района присоединение Тибета к Китаю было закреплено юридически. Во время культурной революции в 1967 г. Тибет снова был охвачен волнениями. Начиная с 1979 г., китайское правительство путем кое-каких уступок (свобода торговли, свобода вероисповедания) пытается погасить недовольство тибетского народа. Только умиротворенный Тибет может стать оплотом против агрессии с юга и запада.

Эверест – легенды и действительность

*Силы гор простираются в высь и в ширь...
Умение гарцевать по облакам – это от
гор,
И умение поспевать за ветром – тоже от
гор.
Из сутры о горах и реках*

Домой

Освальд Оэльц, по прозвищу Бык, проснулся, когда первые лучи солнца заглядывали в крошечные окошки шерпского жилища. В глиняном очаге горит огонь. Утро. Вчера Бык захрапел сразу же, как только расположился на узкой лавке у окна. Сейчас ровно семь. Начинается новая жизнь. Через час мы должны быть в Тьянгбоче, оттуда самолет доставит нас в Катманду. Бык берет из оконной ниши свои брюки, выглядывает наружу. Холодный, ясный осенний день. На траве иней, горы к югу от нас покрыты снегом. Стада яков перегоняют вниз, к Намчебазару. Еще долго мы слышим бречание их колокольчиков.

Стены Джомолонго

Бык молчит, но молчит так, что я читаю его мысли. После совместного пребывания в горах мы с ним часто разговариваем таким манером. Сейчас, когда безрезультатно закончилась наша экспедиция на Ама Дабланг, Бык подавлен, он считает, что не полностью выложился. Когда еще будет такая возможность? Бык любит свою работу. Он работает врачом в клинике, живет один, и если в перспективе нет увлекательного

путешествия, начинает хандрить.

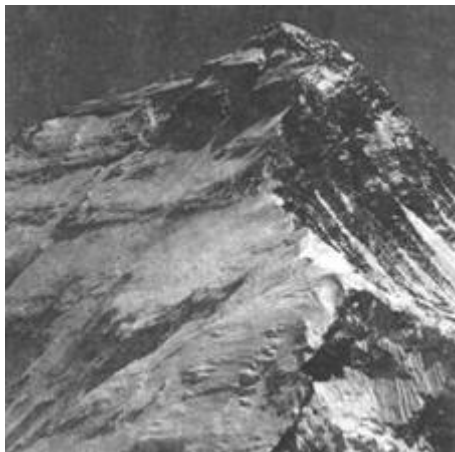
Горная область Соло Кхумбу – совершенно особый мир. Здесь в горах можно было бы остаться, построить хижину и жить годы. Страна шерпов излучает покой и безмятежность.

Говорят, что Ама Дабланг – прекраснейшая гора в мире. Мощно вздымается она прямо над домом, в котором мы ночевали, освещенная утренним солнцем.

Небольшой самолетик, стоящий на каменном пятачке в Тьянгбоче, разгрузился. Он привез несколько туристов в отель «Вид на Эверест» и должен отправиться обратно в столицу. На летном поле появляются отъезжающие. За яками, нагруженными ящиками, идет тощая пожилая женщина с ядовито-зелеными волосами, опираясь на две лыжные палки. Следом за нею шерпы несут на носилках больного горной болезнью. А высота здесь едва 4000 метров. «Увидеть Эверест и умереть», – иронизирую я про себя.

Среди вновь прибывших еще одна зеленоволосая, лет шестидесяти, пальцы унизаны кольцами. Явно занята тем, чтобы потратить деньги, которые скопил ее счастливый супруг. «Не правда ли, великолепно?» – восклицает она и беспрестанно щелкает затвором фотокамеры. Однако ее восторги относятся не к горам, не к пейзажу и не к людям, окружающим ее. Они обращены к отелю, самолету, к пустому кислородно-

му аппарату. Что надо этим людям в Непале?

Вид на вершину Эвереста с середины западного гребня

Еще 30 лет назад страна была недостижима для иностранцев *(Речь идет о политике изоляции, проводившейся феодальным кланом Рана. В 1951 г. господство Рана было ликвидировано, и в стране установлена конституционная монархия.)* Высочайшие горы мира, в течение сотен лет защищавшие государства Гималаев от всех вторжений, привлекли в последнее десятилетие сотни тысяч альпинистов и туристов. Сегодня туризм здесь является важнейшим источником иностранной валюты. Непал становится азиатской Швейцарией. «Мы знаем, что наши горы

представляют интерес для всего мира, – сказал Бирендра Бикрам Шах Дэва – молодой король Непала, обладающий почти абсолютной властью. – Мы пригласили весь мир приезжать и наслаждаться нашими красотами».

Я был в Непале более десяти раз. Я научился держаться в этой стране как настоящий непалец. Только в отношении гор я остался европейцем: настырным и честолюбивым.

Вид на вершину Эвереста с северо-востока

Ужинаем мы с Быком в отеле «Вид на Эверест». Этот японский отель на высоте 4000 метров – Мекка для европейских и американских состоятельных буржуа. Беседуя у очага, вновь и вновь смотрим в окно на Лхоцзе, на Эверест. Вспоминаем, какое бесподобное чувство испытали, покорив высочайшую гору мира. Мы с Быком это сделали в 1978 году и теперь под-

мигиваем друг другу.

Эверест, мечта!

Комнаты отеля оснащены кислородными масками, в помещениях жарко натоплено. Снаружи, в рододендроновых деревьях воет ветер. Рядом с нами разглагольствует зеленоволосая: «Мои внуки будут страшно довольны, когда получат мои открытки из-под Эвереста». Когда администратор отеля сказал своим клиентам, что Бык и я были на вершине Эвереста, нас засыпали вопросами.

На первый из них: «Почему вы отважились на такое опасное предприятие?» Бык лаконично ответил:

«Каждый человек нуждается в чем-то исключительном в эпоху, когда за деньги можно иметь все». Вопрос ко мне: «Вам было страшно?»

«Страх — наш постоянный спутник. Совсем без страха активно жить невозможно. В критические моменты он усиливается. Когда я взбираюсь на гору, у меня нет ни сомнений, ни забот. Я обстоятельно взвешиваю свои возможности. Но страх все равно присутствует. Он естествен. Даже сознавая, что смерть это часть жизни, невозможно подавить в себе утробный страх сорваться вниз или быть сметенным ураганом».

Вид на перевал Лхо Ла с юга

«Стали бы вы подниматься на восьмитысячники, если бы ваши успехи не интересовали общество?»

«Я начал лазить по горам в пять лет, и до последнего десятилетия обо мне мало кто слышал. За первые двадцать лет занятий альпинизмом я покорил около 2000 вершин в Европе и Южной Америке. Никто об этом не говорил, и однако же это доставляло мне удовольствие».

«Какое эксцентричное хобби! Что побуждает вас добиваться все более высоких результатов, мания величия?»

«Мальчишкой я облазил все горы у себя дома. Потом на велосипеде стал ездить в Доломиты, после этого – на мотороллере в Швейцарию к Северной стене Эйгера и к Маттерхорну. Сейчас, чтобы полностью выложиться, мне нужен Эверест или Южный Полюс».

«Не иллюзия ли то, за чем вы гонитесь», – интересуется один из гостей, психолог по профессии. «Может быть», – перебивает его Бык, вставая и идя к выходу. «Нам нужно в Кхунде, мы там ночуем». И, обратившись ко всем, добавляет: «Каждое сообщество идет к собственной гибели с иллюзиями».

Наши инквизиторы качают головами. Бык ухмыляется. Мы прощаемся и выходим в темноту.

Вид на Эверест с севера

«Лишь в своих альпинистских буднях эти люди живут полноценной жизнью. Когда мысль течет спокойно, кровь быстрее циркулирует в жилах, чувства обострены, весь человек становится более восприимчив, – тогда он слышит голоса природы, к которым до того был глух, видит красоту, которая открывается только отважным».

Такое понимание альпинизма, принадлежащее первооткрывателям Эвереста, не потеряло своего значения и для нас. Прежде всего для Быка. Четыре недели в Непале сделали его моложе.

Катманду

На следующий день мы узнали, что билетов на самолет пока нет. Тогда мы решили дойти пешком до следующего аэродрома, в Лукле. Туристы проходят это расстояние за два дня. Преодолеть его за один день было нелегко, часть пути мы бежали, а последний отрезок шли уже в темноте. Разбитые, выдохшиеся, добрались до отеля «Шерпская кооперация». Съедаем по куску ячьего мяса, наслаждаемся уютом и теплом. До полуночи сидим у огня, беседуя, попивая пиво.

На другой день достаем два билета на первый рейс в Катманду. Своими настойчивыми требованиями мы вывели из терпения служащего, ведущего список отъезжающих, и он делает все, чтобы отправить нас побыстрее. И Бык, и я так спешим, что готовы в десятикратном размере заплатить за эти билеты. Меня поджимают сроки турне с докладами, Быка ждет работа в клинике.

Ожидая посадки на краю прижатой к склону террасы взлетного поля, Бык разговорился с двумя девушками-канадками. В самолете они сели рядом с нами, рассказывали о своем путешествии по стране шерпов. Когда подлетали к городу и уже стали вид-

ны небольшие деревеньки, извивы ручьев, тропинки, мы как-то неопределенно условились встретиться вечером. Однако, ступив на землю, мы тотчас забыли об этом свидании. Дел было по горло. Прежде всего надо было записаться на самолет в Европу, а остальное время мы собирались употребить на то, чтобы получить разрешение на следующую экспедицию. Есть в Катманду одна женщина, которая в этом плане все досконально знает: это Элизабет Холи, журналистка, живет здесь более 20 лет. Захожу в ее бюро общества «Вершины тигров» и тут же узнаю, что знаменитый японский альпинист Наоми Уэмура

Наоми Уэмура

(Наоми Уэмура погиб 16 февраля 1984 года, возвращаясь с Мак Кинли (6193). Последний раз его видели на высоте 5180 м.) получил разрешение на оди-

ночное восхождение на Эверест зимой 1980/81 года. Новость пронзила меня, как молния. Да это невозможно! Это же моя идея! Уже год я втайне вынашиваю ее. Что же делать? Моментаально рождается конкретный план. Нет, целая лавина планов проносится у меня в мозгу. Действовать нужно быстро. Уже в 1978 году, после Нангапарбата, я понял, что и Эверест можно пройти в одиночку. Потом эта мысль превратилась в твердое убеждение. Уверенный в том, что никто меня не опередит, я хотел отложить попытку на середину восьмидесятых годов. И вот меня обошли. Что же делать, чтобы до завтрашнего утра получить разрешение на мое соло? Во мне говорит в этот момент не только задетое самолюбие. После неудачной экспедиции на Ама Дабланг мой организм испытывает потребность в предельной нагрузке.

Самая высокая гора земли, зимой, в одиночку – абсолютный рекорд альпиниста.

Однако как же мне опередить этого цепкого Уэмуру, который в одиночку на собачьей упряжке достиг Северного полюса и стоял уже на пяти из семи высочайших вершин всех континентов? Наоми Уэмура не только выдающийся альпинист, смельчак, вынослив, как шерпа. Он еще и авантюрист. Я встречался с ним в Токио в 1976 году, мы долго беседовали. Тогда мне стало ясно, что этот невысокий коренастый парень с

обожженным всеми ветрами лицом способен выполнить все, что бы он ни задумал. Нас с ним роднит общность взглядов на альпинизм и на жизнь вообще. На этот раз Наоми оказался ловчее! Чем больше я ему завидую, тем больше уважаю.

Надо что-то предпринять. Я должен быть первым.

Покрытый льдом и снегом западный гребень Эвереста все время стоит у меня перед глазами, и я спрашиваю у Лиз Холи, есть ли надежда получить разрешение на послемуссонное время 1980 года?

Она полагает, что это не исключено.

Но западный гребень бесконечно длинен и чрезвычайно подвержен осенним штормам. Там мои шансы равны нулю.

«А что еще?»

«На другие маршруты разрешений не будет».

Пойти с севера? Но это из Тибета, а китайское правительство до сих пор выдавало разрешения только после тягостных переговоров на самом высоком государственном уровне. Я понимаю, что для одиночного восхождения северный гребень является единственным подходящим маршрутом. Так называемый обычный путь – из Непала через Западный цирк ледника Кхумбу и Южное седло – исключается из-за сильной разорванности ледопада на Кхумбу. Опасный ледопад проходят с помощью шерпов, для полного соло

он не подходит. Восточная стена еще не пройдена. А вот тибетский северный гребень был пройден англичанами чуть ли не до самой вершины еще в двадцатые годы. Там можно пройти и в одиночку. Я взволнован, как на экзамене на аттестат зрелости. Но это не парализует, а мобилизует меня. Надежда окрыляет, радостные картины встают передо мной. Мне все время вспоминаются выдержки из старых альпинистских книг, как будто я их когда-то выучил наизусть, чтобы теперь опереться на них, принимая решение.

«Одна хорошо акклиматизированная связка может дойти от Ронгбукского лагеря до вершины за шесть дней».

Это мнение Мэллори. В памяти всплывает и другое его высказывание:

«Двоих слишком мало, так как один человек не сможет оказать помощи, если со вторым что-то случится».

Следовательно: двое — это слишком много! Да, один — вполне достаточно, если этот один поднимется на Северное седло, если будет время на спуск и если он готов умереть, когда это станет неизбежным.

«В Гималаях все слишком огромно. В этих гигантских горах непогода длится долго. Соответственно нужно длительное время, чтобы установилась хорошая погода, благоприятная для восхождения. Здесь

возможности для человека хуже, чем в других горах. Солнце жжет сильнее, штормы злее, подходы длиннее. Все здесь чрезмерно».

До сих пор никто еще не искал на Эвересте неблагоприятных погодных условий в качестве дополнительного спортивного требования.

Сейчас – после того, как фаза первовосхождений на восьмимысячники закончилась, когда пройдены отвесные стены, когда ходят без кислородных аппаратов, – должны начаться первые зимние восхождения. Логическое развитие этой идеи – Эверест зимой и в одиночку. Отсюда новая мысль: а разве в восточных и центральных Гималаях нет лета – муссонного времени, самого неподходящего для восхождений? Во время муссона, с конца мая до середины сентября в высокогорье почти непрерывно идет снег, гремят лавины, из-за тумана невозможна никакая ориентировка. Конечно, зимой гораздо холоднее, но зато декабрь и январь, два месяца, предоставляемые властями Непала для зимних восхождений, при полярном холоде и ураганных ветрах отличаются, как правило, прекрасной погодой в том смысле, что в это время здесь мало снега, невелика лавинная опасность, нет палящего зноя. Муссонное время на Эвересте куда хуже.

Из двадцати высочайших вершин мира тринадцать

целиком или частично расположены на территории Непала. Для восхождения на эти горы нужно предварительно получить разрешение, во время самого восхождения подчиняться предписаниям. На экспедицию, предпринятую в муссонное время, эти правила не распространяются. Весной 1979 года правительство опубликовало новый список так называемых разрешенных вершин. Теперь число вершин, на которые можно совершать восхождения, доходит до сотни. На высочайшую гору мира разрешается обычно две, а в виде исключения четыре экспедиции в год: одна в домуссонное время, одна в послемуссонное, третья и четвертая допускаются, если команды идут разными маршрутами. Осенью 1979 года должны быть выданы, кроме того, разрешения на зимние восхождения. А почему бы еще и не на муссонное время? Само разрешение стоит 1200 долларов. Это немного для того, кто платит, сравнительно с общими затратами примерно в 100000 долларов, но возможно достаточно для правительства, чтобы использовать и лето для приезда альпинистов в страну. Непал нуждается в восхождениях, получающих мировой резонанс. Может быть, в Министерстве туризма только и ждут моего предложения.

Непал – слаборазвитая страна с небольшой сетью шоссейных дорог. Большая часть его 14-миллионно-

го населения работает носильщиками. Носильщикам нужна работа, в том числе и летом. Если мое восхождение в муссонный период окажется успешным, пойдут и другие группы. Летние восхождения привлекли бы посетителей прежде всего в самый глухой, северо-западный район Непала. Расстояния в Непале измеряются количеством ходовых дней, и отдаленность оценивается большими деньгами. В экспедиции обычно работает несколько сот, а то и тысяча носильщиков. А подходы далеки, они занимают иногда несколько недель. Таким образом, нет никаких оснований отказывать мне в моей попытке муссонного восхождения.

Я иду по городу, мечтаю, строю планы. Потом спохватываюсь. Надо получить разрешение на лето 1981 года. В сопровождении Бобби Чхетри, менеджера «Маунтэн трэвэл» («Горный туризм»), ведущей туристской организации в Катманду, я иду к господину Шарма в Министерство туризма. «Маунтэн трэвэл» организует не только туристские, но и альпинистские экспедиции, и мой друг Бобби мог бы провести необходимую подготовку здесь в стране, если бы я получил ответ еще до отъезда в Европу.

Разрешения на муссонное время мне не дали. Однако идея одиночного восхождения вызвала такую заинтересованность, что мои надежды вновь воскрес-

ли. И не без оснований: господин Шарма пообещал мне, правда, неопределенно, разрешение на восхождение осенью 1980 года по западному гребню. Я написал ходатайство, приложил нужные данные, карту-схему, сроки восхождения.

Теперь, имея это устное обещание, я чувствовал себя нахалом, желающим совершить путешествие на Луну.

Я очень хорошо понимаю, насколько малы шансы взойти на Эверест по этому длинному и утомительному, открытому западным ветрам гребню. Тем не менее я веду себя так, будто мне любое предприятие по плечу. В эти дни, курсируя между Министерством туризма, «Маунтэн трэвэл» и бюро Лиз Холи, я все время ловлю себя на «нелегальной» мысли перебраться через перевал Лхо Ла в Тибет в долину Ронгбука и попытаться оттуда взойти на Эверест по старому пути англичан. Лиз Холи легко разгадала мои мысли, и я тут же узнал от нее, что скоро должна открыться непальская граница у Кодари. Это был бы самый удобный и, конечно, самый дешевый путь в Китай, в Тибет, к Эвересту.

Но как посмотрело бы китайское правительство на мое лишенное идеи и политических мотивов намерение взойти на Эверест в одиночку, совершенно приватно?

Катманду принадлежит к числу тех городов, которые неизменно вызывают во мне желание побродить, побездельничать. Здесь тесно, грязно, все полно оживления. Я не знаю другого города, который имел бы столь сильный запах жизни. На старом базаре, наполненном звоном велосипедных звонков, с утра до ночи без малейшего перерыва движется плотный людской поток, зловоние от гнилых овощей, запах пряностей и курильниц смешивается со смрадом экскрементов и мочи. В удобной позе лежит посреди улицы белый бык, жующий жвачку. Я обхожу его, как и все остальные, как будто это спящий хищник. Бык почитается священным, и каждый проходящий остерегается его потревожить, не говоря уже о том, чтобы согнать с места.

Захожу в лавку «Два снежных льва» к моему старому другу Гиальтсену, тибетцу, ушедшему из Тибета в 1959 году, с далай-ламой. Как и я, он говорит на пиджин-инглиш. Он тут же велит принести чай, зная, что разговор предстоит долгий. Я страстный собиратель всего тибетского и не могу устоять перед его сокровищами. Самые лучшие вещи он держит, разумеется, дома, а не в лавке. На этот раз это два старинных тибетских ковра, на натуральных красителях и в прекрасном состоянии.

Вечером захожу посмотреть их. Его жена специаль-

но для меня готовит мо-мо, изысканные пельмени с мясом и овощами. Ковры великолепны, но дороги.

«Сейчас стало трудно, – говорит Гиальтсен. – Китайцы никого не пропускают через границу. Недавно были убиты два торговца, везшие контрабанду».

На одном из ковров изображена таинственная тантра (здесь *магическая формула, заклинание*), оккультные знаки и точки на человеческом теле. На втором – всякие животные, феникс, снежные леопарды среди облаков и горных пиков. Я очарован этими работами. Я должен их приобрести.

Горные пики из шерсти тут же напоминают мне мою утопическую идею об одиночном восхождении. И я спрашиваю Гиальтсена таким тоном, как будто мое путешествие в Тибет – дело решенное.

«А в Лхасе еще остались бронза, ковры, древности?»

«Да, – говорит он, – в Тибете все гораздо дешевле. Только нужно суметь живым перейти через границу». Он усмехается.

«Ты альпинист. Там наверху даже у китайцев нет пограничников».

Я на минуту представил себе, как я иду через Эверест с рюкзаком, полным контрабандных товаров, и рассмеялся.

«Видишь ли, я поеду в Тибет совершенно офици-

ально. Через Китай, с разрешением. Так что мне не надо будет ничего вывозить тайно».

«Ты думаешь, китайцы пустят тебя?»

«Конечно, – подбадриваю я сам себя. – Это только вопрос времени».

«Непременно навести моих родственников в Лхасе. Они, может быть, помогут тебе».

Вот и Гиальтсен говорит так, будто разрешение уже лежит у меня в кармане. Я иду в отель с двумя коврами под мышкой и пытаюсь вообразить себе Лхасу. Звездное небо там, должно быть, еще ярче, чем над ночным Катманду. Какое-то наваждение с этим Тибетом. Я мечтал о нем еще в детстве, прочитав книгу Генриха Харрера. У меня такое чувство, что без Тибета мне не прожить. Я стремлюсь туда, как будто там моя прародина. Тибетцы убеждены, что человек впервые появился именно на этом плоскогорье, окаймленном девственными горами. В Тибете лежит сердце мира – священная гора Кайлас. Мне приходит в голову дикая мысль: теперь, когда люди на Западе охвачены страхом перед последним взрывом, который уничтожит все, не самое ли время вернуться в колыбель мира?

Почти сказка

Ночью мне приснился странный сон. В дымной пас-тушьей хижине моя мать по какой-то тонкой тетради читает мне историю первой экспедиции на Эверест. Мне снится, что я тоже иду с Брусом, Нортонем и Мэллори. Проснувшись, я вспоминаю, что 30 лет назад мать и в самом деле читала мне сагу об Эвересте. В горной долине Гшмаген, где мы детьми проводили летние каникулы, мы вечер за вечером заслушивались этой историей.

Эверест лежит на границе между Непалом и Китаем. До 1920 года европейцам был запрещен въезд как в одну, так и в другую страну (*Частные поездки европейцев в Тибет были действительно запрещены, но после заключения в 1904 г. Тибето-английской конвенции в Гьянцзе была открыта британская торговая миссия. Дальнейшее следование в Лхасу требовало, однако, специального разрешения правительства Тибета.*) Только в 1920 году далай-лама, глава тибетской церкви в Лхасе, впервые дал разрешение на проведение экспедиции к этой таинственной горе.

Все, что знали в то время об Эвересте, было почерпнуто из сообщений геодезистов Индийской топографической службы. Они проникали в страну, маски-

руясь под паломников, монахов или торговцев. Свои наблюдения они записывали под покровом темноты и маленькие бумажные свитки прятали внутрь своих моельных мельниц. С помощью компаса они измеряли местоположение гор и рек, высоты определяли термометром по точке кипения воды. Ни один человек не подошел в то время к Эвересту ближе, чем на 80 км.

Эверест заслонен от взоров цепью других гор, и ни один исследователь в то время не ступал на его огромные ледники. Его оторванность от обжитого мира и молва о древнем ламаистском «монастыре из снега», служители которого сторожат троны богов, возбуждали любопытство всех горовосходителей. Лишь во время военного похода в 1904 году его руководителю Фрэнсису Янгхазбенду впервые удалось вырвать у далай-ламы согласие на восхождения в тибетских Гималаях.

Итак, англичане вбили себе в голову, что именно они должны первыми покорить Эверест. За сто лет до этого они с той же мыслью атаковали вершины в Альпах. Путь с юга, через Непал, был бы короче, однако это гималайское королевство было в то время еще закрыто для иностранцев. А Индия была в то время британской колонией.

Доктор Келлас

Доктор Келлас, опытный исследователь Гималаев, изучил возможности подхода к северному подножию Эвереста из Дарджилинга через Тибет, и в 1913 году молодой армейский офицер Джон Ноуэл без разрешения отправился в Тибет. Одетый, как местный житель, он подошел к Эвересту на расстояние примерно в 60 км.

В 1921 году состоялась первая экспедиция. Она шла длинным окольным путем, через Сикким и Тибет к Ронгбуку, к окутанному преданиями монастырю у северного подножия Джомолунгмы, как называют Эверест тибетцы. В составе альпинистской группы этой экспедиции был Джордж Лей Мэллори, один из талантливейших британских альпинистов того времени. На базаре в Дарджилинге наняли шерпов из глухих

уголков Непала, которые должны были тащить грузы экспедиции по дорогам, ущельям и перевалам Тибета.

Поход начался в середине мая. Европейцы тяжело переносили влажную тропическую жару. Дорогу местами преграждали оползни. Шоссе вскоре сменились проезжими дорогами, проезжие дороги – караванными тропами, которые лепились к скалам высоко над ущельями. Мулы индийской армии отказались идти, пришлось использовать тибетский вьючный скот. Доктор Келлас, врач экспедиции, перенес сердечный приступ за 600 км до Ронгбука. Наконец, достигли ламаистского «монастыря из снега», одного из самых высокогорных монастырей в мире. К этому святому месту паломники шли пешком иногда месяцами.

Разбили лагерь выше монастыря. До Эвереста оставалось всего 30 км. Задачей экспедиции была основательная разведка. Надо было найти самый легкий путь подъема на гору. Только в этом случае можно было рассчитывать на успешное восхождение.

«В Альпах сейчас ищут наиболее сложные маршруты. Так как там даже Маттерхорн ежегодно посещают сотни людей, то удовлетворять потребность в острых ощущениях можно только на нехоженных путях. Но Эверест не позволяет с собой такого обращения. В его безвоздушном простран-

стве дышать так тяжело, что только самые легкие склоны могут дать какую-то надежду на успех. Вот почему первое лето должно быть посвящено основательной разведке» – так определил Янгхазбенд цели экспедиции. Да фактически она и не была готова к восхождению.

Джордж Лей Мэллори

Сначала был исследован ледник Главный Ронгбук. Джордж Мэллори нашел такое место на нем, с которого удалось заглянуть на юг. Он увидел там ужасающий ледопад. Гигантскими глыбами дыбился там ледник Кхумбу. Нагромождение льда вызвало у Мэллори содрогание. Верхняя часть ледника ему не была видна, и Мэллори решил, что трещины полностью пре-

граждают путь в верхнюю часть долины и что подход к Эвересту с Западного цирка невозможен.

Мэллори и Ирвин в Тибете

Прошло два месяца, прежде чем экспедиция нашла проход на ледник Восточный Ронгбук. Они не заметили узкую перемычку, связывающую оба ледовых потока. Сделав обход в несколько сот километров, через долину реки Кхарты, группа в конце сентября подошла к подножию Северного седла. В конечном счете Мэллори и еще два альпиниста пробились через ураганные ветры до высоты 7000 метров. Оттуда они увидели возможный путь к вершине. Мэллори был доволен: Эверест можно «взять».

Едва экспедиция вернулась в Лондон, Эверестский комитет начал новые приготовления, и в марте 1922 года началось первое наступление на гору.

Из Дарджилинга вышла небольшая армия. Она состояла из 13 англичан, 160 высотных носильщиков,

в ее распоряжении было более 300 вьючных животных. Руководил экспедицией бригадный генерал Чарлз Брус. В состав экспедиции входили лучшие британские альпинисты: Нортон, Сомервелл, Финч, Мэллори. Брус имел за плечами сорокалетний опыт восхождений в Альпах и Гималаях. Никто лучше его не знал, как вести себя с местным населением: он 30 лет прослужил в гуркхском полку.

Участники экспедиции 1922 года: (первый ряд слева направо) Мэллори, Финч, Лонгстафф, генерал Брус, Страт, Кроуфорд;

(второй ряд слева направо) Морсхед, капитан Брус, Ноуэл, Вейкфилд, Сомервелл, Моррис, Нортон

В районе Эвереста до мая длится зима, а уже в июне туда приходят муссонные штормы с Индийского

океана. Теплые ветры делают снег и лед непрочными. Таким образом, в распоряжении экспедиции было слишком мало времени. Дорог был каждый день, каждый час. На пути к вершине выстроили цепь небольших высотных лагерей, оснащенных палатками, провиантом и спальными мешками.

Капитан Финч разработал остроумный план восхождения с кислородными аппаратами, которые должны были облегчить альпинистам дыхание на большой высоте. Дома в Англии он проделал опыты над самим собой, закрываясь в камере с низким атмосферным давлением. Подача воздуха в камеру регулировалась снаружи. Финч сидел в камере, из которой медленно выкачивали воздух до тех пор, пока давление не доходило до уровня давления на высоте 8880 метров. Он провел два опыта: без подачи и с подачей кислорода. В опыте без кислорода он ощущал бешеное сердцебиение, давление на голову и уши, потерял сознание. После подачи кислорода все соматические явления прекратились. Во время опытов за ним вели наблюдение два врача. Тесты однозначно свидетельствовали о том, что, начиная с высоты 9100 метров, человек может выжить только с помощью подачи кислорода из кислородного аппарата. С резиновым мундштуком во рту, по которому поступал кислород, Финч чувствовал себя в барокамере свежим и

бодрым.

В легких стальных цилиндрах по 15 килограммов на человека Финч и его товарищи, впервые в истории альпинизма несли на гору кислород.

На преодоление ледопада Северного седла ушло несколько дней. Лагерь IV был разбит на седле, почти на высоте 7000 метров. Сразу после лагеря IV шел относительно простой участок, а дальше начинались новые трудности. С высоты 7600 метров движение вверх стало почти невозможным из-за жестокого мороза и сильного ветра. Морсхед страдал от тошноты, Мэллори, Нортон и Сомервелл получили обморожения. Несмотря на это, все, кроме Морсхеда, продолжали подъем. На высоте 8230 метров из-за отсутствия кислорода и невероятного холода они вынуждены были повернуть назад. Несколько дней спустя Финч и Брус-младший достигли высоты 8321 метр.

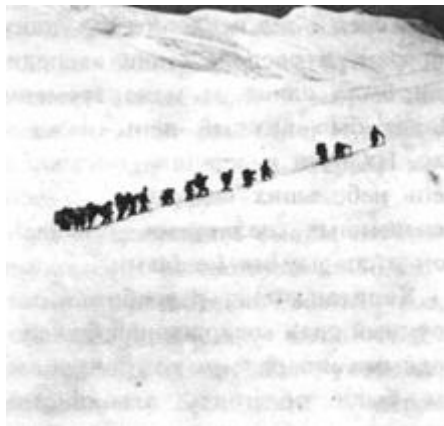

Вторая связка экспедиции 1922 года во время спуска

«Хотя по прямой оставалось каких-нибудь 500 метров, идти до вершины нужно было не менее 800 метров, – рассказывал Финч позднее. – Мы были так близко, что можно было видеть отдельные камни небольшого осыпного бугра на самой вершине. Мы испытывали танталовы муки, так как, ослабев от голода и борьбы, не в состоянии были подниматься дальше. Мне было ясно, что если мы пройдем еще хотя бы 150 метров, мы не вернемся назад живыми».

Базовый лагерь между тем был похож на воен-

но-полевой госпиталь. И тем не менее Мэллори и Сомервелл предпринимают еще одну попытку. Когда они с другими членами экспедиции и носильщиками лезли по крутым склонам ледопада, произошло несчастье.

Восхождение на Чанг Ла (1922)

«Мы никогда еще не встречали более плохого снега. Было солнечно и безветренно. Говорили мало. Было слышно, как работали легкие.»

Райнхольд Месснер в 1977 году во время испытательного полета на высоте 9000 м без кислородной маски

Тишину вдруг нарушил какой-то непонятный нам, пугающий звук.

Он был резкий, мощный и в то же время мягкий, как взрыв нерастертого пороха. Никогда раньше не слышал я в горах такого звука. И все сразу поняли, что это такое, как будто слышали его каждый день. Спустя мгновение я увидел, как ровная снежная поверхность рядом со мной покрылась рябью и раскололась. Я сделал несколько отчаянных шагов, пытаясь выскочить на берег потока, однако медленно стал двигаться вниз, влекомый силой, всякое сопротивление которой бесполезно. Мне удалось лишь повернуться так, чтобы не лететь голо-

вой вниз. Несколько секунд мне казалось, что опасность невелика, так как снег плавно увлекал меня за собой. Потом веревка натянулась и дернула меня назад. Снежный вал накрыл меня, и я решил, что все кончено. Воспоминания обо всем прочитанном и слышанном о лавинах пронеслись у меня в мозгу. В качестве лучшего средства спасения предлагалось делать плавательные движения. Я протиснул руки над головой и сделал нечто вроде этого. Под снегом, где нет никаких ориентиров для сравнения, я не был в состоянии судить о скорости. Не обращая ни на что внимания, я боролся с накатывающимся на меня снегом. Через несколько мгновений последовал удар, и я ощутил нарастающее давление на тело. Я уже спрашивал себя, насколько сильно я зажат, когда лавина остановилась. Руки у меня были свободны, ноги находились близко от поверхности. После непродолжительной борьбы я освободился и с ужасом, не дыша, стал смотреть на успокаивающееся снежное пространство. Привязанная к груди веревка была натянута, из чего я заключил, что шедший за мной носильщик погребен в снегу. Как же я был удивлен, когда он вдруг появился невредимый. Сомервелл и Кроуфорд также освободились и стояли вблизи меня, хотя они шли выше на целую веревку. Из их рассказов позднее выяснилось, что с ними

происходило то же, что и со мной. Но где остальные?»

Наихудшие опасения Мэллори подтвердились: семь носильщиков были мертвы. О дальнейшем подъеме не могло быть и речи.

Убитые горем, альпинисты вернулись в Дарджилинг. Мэллори взял всю ответственность на себя. Он так ответил на нападки:

«Эверест лежит вне сферы обычного контракта, вне денежных отношений. Носильщики были равноправными участниками экспедиции и умерли, честно выполняя обязанности, которые сами на себя взяли».

Первая связка экспедиции 1922 года

После этого в печати с новой силой разгорелась дискуссия о целесообразности подобного мероприя-

тия. Какой смысл, спрашивали газеты, в этом подъеме на Эверест? Он стоил не только человеческих жизней, лишений и страданий, но и очень много денег. А польза для общества равна нулю. Альпинисты попытались объяснить, ради чего они это делали.

«Потаенной целью нашей деятельности является желание побольше узнать о собственных возможностях. Когда мы выполняем тяжелую задачу, мы подбираемся к границе наших возможностей. Никто пока не знает, где этот предел».

Альпинисты писали еще вот о чем: *«Смысл нашего существования – это в конечном счете радость жизни. Мы живем не для того, чтобы есть и зарабатывать деньги. Многие из нас знают по собственному опыту, что горю восхождение – величайший источник радости. Как прекрасно состязаться с горой, пробовать свои силы на естественных препятствиях и ощущать, как человеческий дух одолевает мертвую материю».*

Расширение пределов человеческих возможностей, радость от преодоления чрезмерных нагрузок, тесная связь с природой – эти мотивы гималайского альпинизма сохраняют свою ценность и до сих пор. И по-прежнему остается актуальным этический вопрос использования местных жителей, непременных участников любой опасной для жизни экспедиции. Де-

ло в том, что для них это желанный источник заработка.

Спустя два года, в марте 1924, из Дарджилинга через тропический лес Сиккима двинулась новая эверестская экспедиция. Худощавый, похожий на мальчика Мэллори снова здесь, в третий раз. Брус и Нортон руководили экспедицией, как военной операцией. Была выстроена цепь лагерей, но на этот раз люди были захвачены врасплох холодами, доходящими до 30°, и мощными снегопадами, и это в мае – самом «экспедиционном» месяце в Гималаях. Команды дважды вынуждены были отступать из всех высотных лагерей и спускаться в базовый лагерь. Спуск в снежную бурю и в условиях лавинной опасности стоил жизни двум носильщикам. Когда в последние дни мая наступила, наконец, хорошая погода, экспедиция была ослаблена. Несмотря на это альпинисты еще раз поднялись во все высотные лагеря вплоть до самого верхнего – на Северном седле. Преодоление ледового камина на стене Чанг Ла было блестящим достижением тогдашнего ледолазания. Удалось даже установить штурмовой лагерь на высоте 8145 метров. До этого большинство специалистов по высотной физиологии считало это невозможным.

4 июня при идеальной погоде Нортон и Сомервелл вышли на штурм вершины. У Сомервелла на-

чался мучительный высотный кашель. Приступы удушья вынудили его отказаться от дальнейшего подъема. Нортон один пошел дальше и дошел без кислородной маски до высоты 8572 метра – рекорд, который оставался непревзойденным более 50 лет. После этого он повернул назад. Экспедиция отказалась от дальнейшего подъема.

Джорджа Лея Мэллори я любил еще в 60-е годы, в те времена, когда я проходил труднейшие маршруты своей альпинистской карьеры. Я любил его, как и англичанина Альберта Фредерика Маммери – пионера Нангапарбата, за страстные выступления против применения искусственного кислорода. В те времена, когда индустриализация альпинизма лишь началась и когда применение технических средств в общем расценивалось как прогресс, оба они были против того, что мы сегодня признаем «честными средствами».

Среди ледяных башен ледника Восточный Ронг-бук

Они уже тогда понимали, что с применением технических приспособлений мы в чем-то существенном обкрадываем себя. Позже таким же образцом стал для меня Пауль Пройс, осуждавший применение скальных крючьев. Для меня, как и для этих людей, альпинизм – это лазание собственными силами. Мы живем в технизированном мире. На нашей планете мало осталось свободного пространства, где можно забыть индустриальное общество и беспрепятственно испробовать свои силы и способности. Каждый из

нас тоскует по первобытному образу жизни, при котором можно вступить в единоборство с силами природы и познать при этом самих себя. Вот почему я за чистое отношение: человек – гора. И не хочу портить мое единство с горой техническими средствами. Живя в мире бетонных пустынь, в мире разобщенности, шизофренически остроумной управленческой или технической компьютеризации, я нуждаюсь в таком противовесе, как гора.

Кто не понимает моего отчаяния, кто осуждает мою философию «собственных средств» – пусть совершит путешествие в базовый лагерь под Эверестом на ледопаде Кхумбу. Там он увидит мусорную кучу длиной с километр, которую оставили после себя передовые альпинисты Запада со своей чертовой техникой. И тогда он поймет меня.

Подъём по камину на стене Чанг Ла (1924)

Мэллори и Ирвин

Следующей попытке суждено было окончиться трагедией. Штурмовая связка Мэллори – Ирвин не вернулась. Об их трагическом исчезновении написаны горы литературы. При этом все время обсуждается вопрос, достигли они вершины или нет.

Надеясь вскорости увидеть Эверест с севера, я начал систематизировать все, что знал об этой истории. Я поймал себя на мысли, что мне хочется верить, что

Мэллори и Ирвин сорвались на спуске с вершины, а не замерзли, поднимаясь на нее. Мне очень хотелось так думать, хотя сам Мэллори написал после одной из попыток:

«Успех... Это слово здесь совершенно ничего не значит...»

Утром 6 июня 1924 года Мэллори и Ирвин начали подъем с Северного седла. У каждого был рюкзак весом около 12 килограммов. Была прекрасная погода. Они быстро дошли до лагеря V. Там Мэллори записал в дневнике:

«Здесь наверху ни малейшего ветра, похоже, что у нас есть шансы».

На следующий день они дошли до лагеря VI. Оделл и шерпа Ньима в это время поднялись в лагерь V. 8 июня Мэллори и Ирвин вышли из лагеря VI для решающего броска на вершину. Оделл один поднялся в лагерь VI. Около полудня он увидел две крошечные фигурки высоко вверху на острие гребня.

«Туман вдруг рассеялся надо мной, вершина очистилась. На снежном пятачке под предпоследней ступенью перед вершинной пирамидой я обнаружил черную точку, которая приближалась к скальному уступу. За первой двигалась вторая точка. Первая начала проходить крутой участок. В то время как я стоял и пристально вглядывался в них, все опять, к

сожалению, закрылось туманом».

Оделла удивило, что Мэллори и Ирвин к 12.50 находились еще так низко. Однако он не мог точно сказать, на первой или на второй ступени он их видел. Мэллори предполагал быть у второй ступени не позднее 8 часов. Вторая ступень находится у подножия вершинной пирамиды и является началом короткого, покрытого фирном ключевого участка северо-восточного гребня. Оделл также не мог точно сказать, мог ли второй по связке догнать первого.

Сообщение Оделла является одним из ключей к тайне исчезновения этой двойки. Оно не удовлетворяет меня. Где же истина? Оделл спустился в нижний лагерь, чтобы освободить место в верхнем на тот случай, если Мэллори и Ирвин все же вернутся. Сквозь летящие клочья облаков ловил он блики на гребне, увидел огненный закат солнца – и больше ничего. К ночи мощные порывы ветра грозили сорвать палатку. Нечего было ждать, что Мэллори и Ирвин вернутся рано. Путь до вершины долог. Кто знает, где их настигла темнота: на пути к вершине или при спуске. Медленно тянулась ночь. В нижних лагерях все напряженно всматривались в склон, надеясь увидеть какие-нибудь признаки восходителей. Слабый лунный свет, отражающийся от снежной поверхности вершины, мешал увидеть световой сигнал, даже если он и был. К

тому же никто не знал, были ли у них с собой лампы или факелы. Твердо известно лишь то, что средства сигнализации были в последнем лагере: много лет спустя альпинисты нашли их остатки среди разбросанного имущества этого лагеря.

Мэллори и Ирвин перед своим последним подъемом (1924)

Ночью поднялся ветер, похолодало. К утру буря стала еще сильнее. Носильщики, находившиеся в лагере V, совсем заковенели и лежали не шевелясь. Лишь один Оделл, мучимый сильным кашлем, без кислородной маски, еще раз вышел на поиски. Дважды он поднимался до высоты 8220 метров – в надежде обнаружить хоть какой-нибудь след своих товарищей. Полностью убедившись в бессмысленности

всех усилий, он вернулся.

«Прежде чем покинуть палатку, я бросил последний взгляд на вершину, проглядывавшую сквозь летящие облака, – писал он позже. – Суровым и холодным показался мне ее лик. На мои вопросы о друзьях насмешливым ревом ответил шторм.

Вершинная башня Эвереста – одно из самых неприятных мест на земле, особенно когда ветер хлещет по ее угрюмым склонам. Суров этот ветер, преградивший путь нашим товарищам».

Оделл пока еще не спрашивал себя, как и где они погибли. С ламаистской покорностью он принял этот факт. «Может быть, мы осквернили святыню?» Но потом он снова всматривался в вершину и чувствовал ее умиротворяющее дыхание.

«Кто приблизится к ней с молитвой, того она примет без сопротивления, тот должен достичь самой высокой и самой святой точки жертвоприношения. Друзья задерживаются, потому что они заколдованы».

Должно быть, Мэллори и Ирвин сорвались или, что мне кажется более вероятным, замерзли. Вопрос, достигли они вершины или нет, волнует меня сейчас так сильно, что я всю ночь читаю старые книги об Эвересте, которые мне дала Лиз Холи. В дневнике Сомервелла есть такая запись:

«Мэллори и Ирвин погибли. Это печальная очевидность. Что же: все наши усилия и жертвы бесполезны? Нет, утрата этих выдающихся людей – это часть цены, которая должна быть заплачена за то, чтобы в мире сохранялся дух риска. Никто не может сказать, что жизнь, отданная в борьбе с природой, потрачена зря».

Эндрю Ирвин

Упорный Мэллори, человек, сделавший больше, чем все остальные, чтобы открыть тайну Эвереста, тот, чья воля являлась движущей силой трех экспедиций, – стал легендой. Каков же он, этот человек? Товарищи характеризуют его так:

«Мэллори был необыкновенным человеком. Физи-

чески он был для нас идеалом альпиниста.

Он смотрелся очень хорошо. Если у мужчины в 37 лет такое замечательное мальчишеское лицо, это говорит о несокрушимом здоровье. Его мускулистая фигура была создана для неутомимой деятельности. Никто не шел вверх таким легким летящим шагом, как он. Еще искуснее был он на спуске, показывая и большую тренированность, и высокую технику.

Талантлива была и его душа, душа истинного альпиниста. Его сила воли была неистощима. Никогда не было видно, устал он или нет, он всегда был готов выполнить все, что требовалось. Он был душой любого предприятия, в котором участвовал. Победа над Эверестом была его святым призванием, и он посвятил ей месяцы тяжелой работы.

Dear Noel
We'll probably start
early to-morrow (8th) in order
to have clear weather. It
won't be too early to start
looking out for us either
crossing the neckband under
the pyramid or going up slopes
at 8.0 p.m.

Yours
G. Mallory

Записка, оставленная Мэллори Ноуэлу Оделу, с просьбой следить за его восхождением на вершину. Мэллори имел сильное, хорошо тренированное тело, и по физическим данным он превосходил жителей высокогорных деревень (выше 3600 м), хотя, конечно, не был так хорошо, как они, приспособлен к высоте. В его душе горел огонь, который гнал его к предельным нагрузкам, не позволяя праздного времяпрепровождения. Именно этот огонь вынудил его пойти на тот последний штурм».

Из этого описания можно заключить, что Мэллори был по природе нетерпелив – это могло отразиться

на его взаимоотношениях с Ирвином, что проливает некоторый свет на причины трагедии.

«Ирвину было всего 22 года, это был почти мальчик. Однако среди взрослых он держался со скромностью равного. Широкие плечи и сильные ноги свидетельствовали о том, что он не зря был в команде гребцов Оксфордского университета. Его альпинистский опыт ограничивался горами Великобритании и одним восхождением на Шпицбергене. Мэллори выбрал его для главного штурма, видимо, за ловкость и сноровку. К тому же никто лучше Ирвина не умел обращаться с кислородными аппаратами».

Сначала Мэллори и Сомервелл отказались от искусственного кислорода. В 1922 году они вместе с Нортоном поднялись без кислорода до 8200 метров. Они считали, что естественные способности человека надежнее, чем искусственные средства. Что бы там ни было, лучше всего полагаться на возможности собственного организма, который вовремя подскажет, не переступил ли человек пределов своих сил. Искусственные же средства ставят человека перед гибелью, если аппаратура внезапно откажет. Несмотря на эти мудрые мысли, Мэллори предпринял свою последнюю попытку с кислородными аппаратами. Он выработал план восхождения, соединявший преимущества всех точек зрения. Этот план был принят еди-

нодушно.

Когда участники экспедиции вернулись в Англию, началось нескончаемое обсуждение вопроса, покорена ли вершина Эвереста или нет. Компетентные мнения основывались на дневниковых записях, на сообщениях Оделла о том, что он видел собственными глазами, на общеизвестной информации о высотных проблемах северной стороны Эвереста.

Хиллари и Тенцинг в лагере IV на спуске с вершины в 1953 году

Постепенно загадка Мэллори и Ирвина увлекла меня больше, чем собственное предстоящее одиночное

восхождение.

После исчезновения должно было пройти восемь лет, прежде чем далай-лама выдал разрешение на новую экспедицию в Тибет. Божественный владыка и его советники отнеслись с порицанием к экспедициям 1922 и 1924 годов, закончившимся гибелью людей, и вернулись к политике изоляции. В 1932 году, однако, Тибет уступил настояниям политического представителя Великобритании в Сиккиме и выдал, наконец, разрешение на проведение четвертой экспедиции.

Выехали из «Англии» в 1933 году. Руководил экспедицией Хью Раттледж. Хотя экспедиции удалось установить верхний лагерь на 200 метров выше лагеря Мэллори, штурмовая группа, обессиленная, вернулась, не преодолев второй ступени. Зато эта группа просмотрела вблизи вторую ступень и путь Мэллори. Смайс выразился скептически относительно удачи Мэллори на второй ступени. Старый путь Нортон, напротив, он считал проходимым. Дискуссия об оптимальном пути восхождения разгорелась с новой силой. В своей книге „Эверест 1933“ Раттледж утверждает:

«Будущим группам можно рекомендовать исключить из своих планов путь Мэллори».

Специалистов, которые до этого момента верили в успех Мэллори, стало меньше.

В 1933 году товарищи Раттледжа Хэррис и Уэйджер нашли левее и ниже первой ступени на высоте около 8450 метров итальянский ледоруб, который мог принадлежать лишь Мэллори или Ирвину. Не исключено, что Ирвин, более слабый, спускался один, поскольку наклонных плитах и сорвался. А Мэллори? Дошел ли он до вершины? Может быть, мне слишком хочется видеть в Мэллори героя. Меня занимает теперь не только тайна гибели Мэллори и Ирвина. Меня волнует их бесстрашие и вообще отношение к альпинизму:

«Одержали мы победу над врагом?

Его не было вне нас.

Достигли мы успеха?

Это слово не значит ничего.

Завоевали мы королевство?

И нет, и да...»

Только в 1953 году, в девятой, блестяще организованной экспедиции на Эверест со стороны Непала, англичане, наконец, покорили вершину. Эдмунд Хиллари и шерпа Тенцинг Норгей не только стояли на вершине высочайшей горы, но и вернулись живыми.

Эверест был покорен в 1953 году, это факт. Но неясен ответ на следующий вопрос: были ли Хиллари и Тенцинг действительно первыми на вершине. Сомнение остается, хотя Хиллари не обнаружил следов

предыдущего восхождения.

Встреча с Неной

В своем гостиничном номере в Катманду я читаю в одной старой книге про Эверест:

«На больших высотах ощущается отсутствие ясности мысли.

Хотя затуманенному сознанию трудно распознать собственную затуманенность, тем не менее я не исключаю, что восходители на Эверест попытаются когда-нибудь идти задом наперед или делать другие нелепые вещи. В разреженном воздухе не только тяжело четко мыслить, но исключительно тяжело преодолеть желание ничего не делать. Слабость воли, обусловленная кислородным голоданием, причина того, что удача не всегда сопутствует нам».

Я подумал о Быке, как он во время камнепада на Ама Дабланге прижался к стене и смотрел вверх. В его взгляде не было никакого тумана, наоборот. Он стоял с сосредоточенным видом и казался мне более разумным, чем когда бы то ни было. Его реакции быстры, как у хищного зверя.

Я со смехом отложил книгу и посмотрел на ручные часы – семь часов. Отдаюсь приятной усталости. Довольный тем, что могу еще полежать в постели, пере-

катываюсь на спину, кладу руки под голову и думаю. Теперь, когда я вернулся с гор, меня начинают одолевать новые заботы.

Первая – моя работа в бюро. Вторая – план одиночного восхождения на Эверест. Меня ждет масса писем и много других дел. После возвращения я часто оказываюсь перед таким обилием обязанностей, что не видится никакой возможности их выполнить. Кое в чем мне изредка помогают случайные люди, но тем не менее работа обычно растягивается на недели.

С другой стороны, меня все время мучит мысль о моем одиночном восхождении. Я весь поглощен мыслью во что бы то ни стало попытаться счастья в 1980 году.

Во время завтрака за мой столик сел один немецкий турист. Примерно сорока лет с небольшим, среднего роста, тучноватый. Из тех людей, которые никогда ни на одну гору не поднимались, но инстинктивно настроены против тех, кто путешествует не так добросовестно, как они. Мы разговорились.

«Почему вы ездите именно в Гималаи?»

«Вероятно, потому, что Гималаи существуют».

«Я видел вас в фильме об экспедиции на К-2. Подъемы и подъемы. Шаг за шагом вверх. Вдох. Выдох. Все время одно и то же. Взвалить на плечи тяжесть и, стона от усталости, все идти и идти вверх, рискуя

свалиться. И, по-видимому, большую часть вашего писательского гонорара отдаете на альпинизм. На это бессмысленное занятие».

Я не ответил.

«И родителей мне ваших жаль. Они вас учили, а теперь вынуждены смотреть, как их сын только и делает, что лазит по горам. К тому же вы еще и разведены. Не так ли?»

«Это нравоучение?» – спрашиваю я.

«Нет, я хочу вам помочь. Посмотрите на вашу жизнь. Все выше и выше, все дальше от людей. Никто не может вас понять. К чему все это приведет?»

Спешу закончить завтрак. Этот человек чувствует себя гораздо уютнее в суете толпы, где можно забыть о своей изолированности. Как объяснишь ему очарование высотного альпинизма? Как вообще человек, ценящий благополучие и чувство безопасности, может понять, что я только тогда ощущаю себя полноценным, когда мне удастся через лишения и крайнее напряжение сил подойти к границе возможной для человека нагрузки? И что я пытаюсь эту границу отодвинуть? Или то, что свое одиночество я переношу лучше, когда нахожусь вдали от других людей?

Вечером мы с Быком встретились в старом городе, чтобы пойти поесть. Вот с кем можно говорить на любую тему.

Пока ждали заказанное мясо, вошла Йена, американка. Мы с ней встречались на тропе при спуске в Тянгбоче, а до этого в нашем базовом лагере под Ама Даблангом, когда мы спустили туда с Западной стены Петера Хиллари и его новозеландского партнера. Теперь она уезжает в Канаду, чтобы искать там работу. Внезапно мне приходит в голову пригласить ее в качестве ассистентки в мое турне по Европе. Тут же обращаюсь к ней с этим предложением. Объясняю суть работы, и точно так же внезапно она соглашается. Нена так описала нашу встречу в своем дневнике:

«Я была подавлена разрывом с Петером Хиллари и более чем когда-либо готова изменить свою жизнь. Нужно было снова жить, смеяться. 7 ноября 1979 года я попрощалась с Петером на аэродроме в Катманду. Для меня это было окончательное расставание, от наших отношений почти ничего не осталось. Когда я обдумала все, что произошло, я поняла, что печальный инцидент на Ама Дабланге в то же время сослужил ему большую службу в познании самого себя. А в этом он нуждается гораздо больше, чем во мне. Когда самолет оторвался от земли, я ощутила боль и счастье снова жить и любить.

Вечером я говорю «good bye» моим подругам Мерв и Ариан, с которыми неделю уже живу в «Гималайском обществе». У меня нет никаких определенных

планов. Я иду в город. Кто знает, может быть, найду что-нибудь, что перевернет мою жизнь.

Вид на вершинную пирамиду Эвереста с юга

В 19 часов подхожу к простой харчевне. Она полна, ни одного свободного места. Собираюсь повернуться и выйти, и тут замечаю пару направленных на меня глаз. Человек дружелюбно улыбается, и я внезапно ощущаю то же чувство, что и тогда, в базовом лагере под Ама Даблангом. Помню, я тогда подумала: «Сколько сил и энергии заключено в этом человеке».

Он спас моих друзей, когда положение было уже безнадежным. Тогда я подошла к нему, поцеловала, он обнял меня. И вот теперь снова встретились. Он говорит: «Иди, садись, поужинай с нами». С ним Бык и две канадки. Я не успеваю сказать обычные слова приветствия, как он уже освободил место рядом с собой. Да я и не могла бы отказаться, непреодолимая сила влекла меня к этому человеку. Мы проговорили далеко за полночь. Я рассказала, что возвращаюсь в Канаду, чтобы найти себе работу на зиму. Райнхольд вместо этого предложил поехать в Европу и сопровождать его в деловом турне. Лихорадочно думаю. Взвешиваю положительные и отрицательные моменты. Мне нечего терять, я решаю ехать. Не знаю, был ли Райнхольд шокирован моим быстрым решением, но мне кажется, что нет. Это совершенно свободный от комплексов человек. Я получила поцелуй в щеку, и мы расстались. В час ночи прихожу к себе. Сижу, сбита с толку, взволнованная. Хочется разбудить Ариан, рассказать ей о происшедшем. Но вместо этого ложусь в постель и, прежде чем заснуть, благодарю бога за то, что я пока еще принадлежу к типу людей, которые подчиняются своим порывам. Думаю о матери. Она так мечтала о приключениях. Но молодость ее пришлась на тяжелые времена. Еще ребенком она вынуждена была работать и кормить семью.

На следующий день готовлюсь к путешествию. Вечером бродим по красочному базару, потом едем ужинать. В такси по дороге в ресторан испытала неловкость. Райнхольд привлек меня к себе и сказал: «Я люблю тебя». «Странно, – думаю я, – ты же меня совершенно не знаешь».

Через два дня летим из Катманду, в Мюнхен. Я мало говорю с Неной о моих новых замыслах. Лишь иногда кое-что проскальзывает об одиночном восхождении на Эверест. Мысли об ожидавшей меня работе, о Европе, новое знакомство отодвинули эверестские дела на задний план. Мое воодушевление еще не достигло крайних пределов. Со времени вылета оно даже несколько угасло. В часы одиночества подступают сомнения. Идея должна отстояться. Энергия медленно накапливается в сердце альпиниста-одиночки. Она будет расти, пока не начнет распирает меня, она будет расти, как любовь. До той поры, пока эта сила не достигнет степени страсти, поведением двигает расчет, решения основываются на рассудке. А что рассудок может противопоставить смертельному риску попасть в лавины, ледниковые трещины или умереть от истощения? Практически ничего. Жесткость, крайняя жесткость по отношению к себе самому вырабатывается не за один день. Энергия накапливается только в течение длительного времени ожидания и надежд.

Только тогда, когда идея превратится в страсть, когда она утвердится, – она найдет себе выход, неважно – какой. Однако вся страсть растрачивается впустую без силы воли. Сила воли формирует выдержку, стойкость, которую не сможет победить высота.

Канчунг – тайны и табу

*Ты безрассуден, если в расцвете сил
Не чувствуешь приближения смерти.
С нею все, что ты делаешь и считаешь
важным,*

В одно мгновение превращается в ничто.

Бардо Тходрол («Книга об умершем»).

*(Священная книга, повествующая о
«промежуточном» состоянии сознания
между смертью прежней телесной формы и
обретением новой. Читается над умершим.)*

В Европе

Неоновые лампы зажглись и снова погасли. Небо над ночным Цюрихом полыхало красным пламенем. Бык затосковал. Так всегда бывает, когда он возвращается с гор и оказывается среди людей. На этот раз вид ночного города вызвал в нем просто физическую боль. А меня уже сегодня вечером ждет напряженная работа в Мюнхене. Хотя со мной сейчас Нена, но сорок докладов без единого дня передышки, одновременно редактирование книги – слишком много после шести недель в Непале. В горах мы с Быком вместе.

Теперь каждый идет своей дорогой. Что знаю я о его личной жизни, что вижу за пределами нашего путешествия? Совсем мало. Знаю только, что, любя свою работу не меньше альпинизма, он приступает к ней с тайной мыслью как можно скорее отправиться в следующую экспедицию. Тот, кто вырос в горах, может годами жить в городе, но когда он видит солнце, пробивающееся сквозь облака, и ветер дует ему в лицо, он, как мальчишка, мечтает о приключениях, о горах.

Со мной происходит то же самое. В первые дни я не узнаю Еропу. Как будто моя родина осталась в Непале. Уже до последнего дюйма проверены все мои ящики – гашиш не обнаружен. Паспорт – не подделка террориста. То, что я вернулся постриженный не так, как на фотографии в паспорте, стоило мне при паспортном контроле во Франкфурте часа задержки. А я страшно спешу. Мои скачки с докладами по городам Германии, Австрии и Швейцарии начинаются уже на следующий день. Каждый вечер показ диапозитивов об одиночном восхождении на Нангапарбат, каждый день от 100 до 400 километров езды в автомобиле. После каждого доклада свободная дискуссия – для меня самая интересная и полезная часть работы.

11 ноября в Кельне я рассказываю о подъеме по склону Диамира и о покорении вершины Нангапарбата. Но вопросы публики нарушают схему. Мне это нра-

вится, и я подробно отвечаю.

— Вы собираетесь и на Эверест взойти в одиночку?

— Об этом я пока не хотел бы говорить.

— Предполагаете ли вы покорить все восьмитысячники?

— Я этого не планирую.

— Почему при восхождении на К-2 вы в конечном счете остановились на гребне Абруццкого? Вы же как-то сказали: лучше пройти по новому пути, чем повторять пройденный.

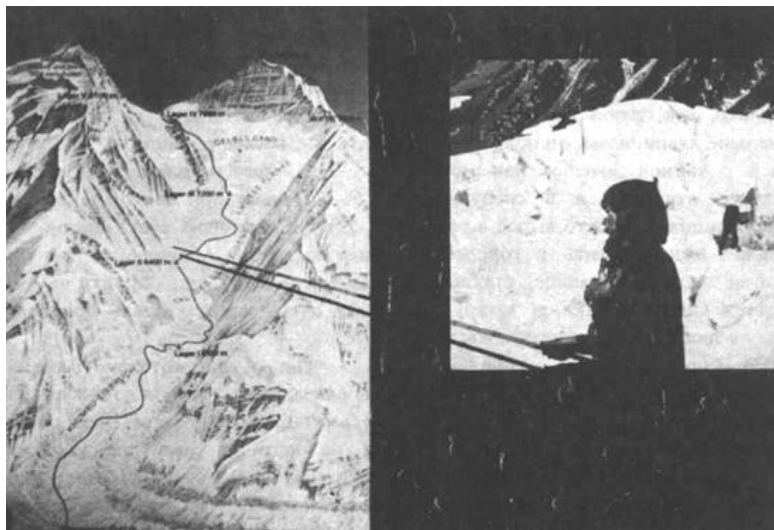
— Да, я действительно однажды сказал, что лучше я откажусь от восьмитысячника совсем, чем полезу на него по уже пройденному пути. Но пройденный означает для меня не только то, что путь известен. Это еще и система, тактика. Я пошел на К-2 с целью проложить новый путь. Плохая погода, несчастные случаи на подходах и в начале подъема разрушили этот план. И тогда мы перешли на гребень Абруццкого. Мы покорили его в стиле, который до сего дня не повторен: без высотных носильщиков, без кислородных аппаратов, с одним биваком на высоте 8000 метров.

— Я где-то читал, что вы собираетесь покончить с альпинизмом.

— Я никогда не сообщал публично или перед журналистами, что навсегда отказываюсь от восхождений. Только однажды на пресс-конференции я сказал, —

и, как обычно, мои слова потом исказили, — что охотно отказался бы от восхождений на восьмитысячники, если бы получил разрешение пройти по Тибету или по пустыне Гоби. Это значит, что так же сильно, как северная стена Эйгера или Нангапарбат, меня интересует нечто другое. Перестану ли я заниматься альпинизмом, сейчас я не могу сказать, потому что люблю альпинизм, а я всегда буду делать то, что люблю, насколько мне это позволят мое правительство, политическая ситуация в мире и мои средства.

— Вы против применения технических средств в альпинизме. Где здесь граница?

Месснер во время лекции

– В какой-то степени каждый из нас применяет в альпинизме технические средства. Мои ботинки, одежда, ледоруб, примус – все это технические средства. Каждый волен делать то, что он хочет. Я отказываюсь от мощных технических средств, под которыми я понимаю кислородный аппарат, шлямбурные крючья (*альпинистский крюк, отверстие для которого пробивают в монолитной скале пробойником, напоминающим строительный*), вертолет – короче, приборы, с помощью которых невозможное становится возможным. Я хотел бы покорять то, что еще возможно покорить собственными силами.

– Это честолюбие?

– Меня продолжают упрекать в том, что я хожу без кислородного аппарата только для того, чтобы удовлетворить мое честолюбие. В этом есть доля истины. Я один из тех немногих альпинистов, которые держатся за свое честолюбие. Обычно люди стараются, чтобы их честолюбие принимали за маску, и не выставляют его.

– Каковы ваши альпинистские планы?

– В 1978 году после одиночного восхождения на Нангапарбат, я сказал себе, что достиг в альпинизме большего, чем мог желать. Я мечтал покорить вось-

митысячник в одиночку, и успех польстил моему альпинистскому самолюбию. Между тем я стал старше. Но еще чувствую в себе силы и желания. Я хотел бы совершить поездку в Тибет. После десяти лет экспедиционного альпинизма можно было бы и отказаться от больших путешествий.

— С такой страстью вы занимаетесь только альпинизмом?

— Я занимаюсь со страстью всем — кроме бюрократических дел, которые я ненавижу.

— Есть ли у вас еще интересы, кроме гор?

— Хотелось бы поехать в Тибет, в Южную Америку. Улучшить свои результаты я уже не могу. В последние годы я много раз достигал своей высшей точки, если не перешагивал через нее. Надо быть глупцом, чтобы не понимать этого.

— Как вы объясняете, что ваша голова осталась ясной?

— Благодарю за комплимент. Есть люди, которые говорят, что у меня явное помутнение ума. В таких дискуссиях, часто длящихся по полчаса, обсуждается не только альпинизм. Я чувствую, что людей держит в зале не столько сама «сенсация», сколько мой образ жизни. Поднимаются социологические, политические вопросы. Приходится выслушивать и критику. «Мне кажется, вы спасаетесь бегством от кризиса сорока-

летних», – сказал мне в Вене один мужчина примерно моего возраста. Я за активность, за необычное, неизведанное, за последние необжитые места на земле. Против бюрократизма и бюргерской сытости, против расхищения природы. Если это означает бегство, то я за бегство.

– Что делаете вы для общества?

– Ничего. Наоборот, я люблю риск, приключения, я представляю опасность для добропорядочного, боязливого, лишенного фантазии общества. Всегда, когда дискуссия переходит на политику, я чувствую себя несчастным. Ненавижу стерильные политические дебаты, бессмысленные предложения по улучшению мира. Каждое новое политическое мероприятие есть потерянное время и зря истраченная энергия. Мне часто приходится слышать, что я не учитываю реально обстановки. Я не считаю себя мудрецом, однако уверены ли вы, что видите реальность в ее истинном свете? Я хоть пытаюсь разобраться в действительности и неважно, как я это делаю. Важно лишь то, что я не застываю на одном месте.

Одобрительная реакция слушателей свидетельствует о том, что задето что-то важное. Может быть это желание решиться на поиск, отважиться на прыжок в неизведанное, все перечувствовать, ничему не подражать? Не потому ли мое поколение в Европе

больно, что мы, мечтая о приключениях, довольствуемся домиком с садом? Ответы мои одних напугали, других воодушевили.

В этот вечер я смутил людей не только словами. К некоторым докладам я записал музыку: «Кислород» Жана Мишеля Джарра, синтетический тон которого наилучшим образом передает настроение человека на большой высоте в разреженном воздухе, и «Одинокий человек» Элтона Джона, в котором я слышу мотивы, созвучные моему чувству альпиниста-одиночки. «Чепуха эта музыка. Она не достойна Ваших высоких переживаний», – сердится один доморощенный любитель гор с горящими глазами. «Мы здесь не в диско», – предупреждает меня возмущенная дама.

Ах, да, я опять забыл, что горы нужно представлять публике торжественно. Люди не хотят понять, что именно для меня, уроженца южнотирольской горной долины, горы не ассоциируются с органной музыкой и воскресным йодлем (*жанр народных песен у альпийских горцев. Песня с рефреном-вокализмом, который исполняется в своеобразной манере на одних гласных звуках.*) Нередко, перелистывая утром местные газеты и просматривая сообщения о моем выступлении, я обнаруживаю, что мои слова изменены до неузнаваемости или вовсе придуманы. Часто я получаю предложения и даже указания, как мне себя

вести. Поскольку я своей деятельностью подаю дурной пример. Я уже привык к тому, что другие альпинисты лучше меня знают, что я должен был бы делать в той или иной ситуации. Однако я не понимаю, как публика может требовать, чтобы я приспособливался к ней. Я часто не соблюдаю предъявляемых мне требований, и тогда меня не приемлют.

Почти в полночь я, смертельно уставший, наконец-то упал в постель в отеле. Однако и здесь нет покоя. Отопление шпарит на всю катушку, и сухой воздух раздражает горло. Удушающая жара после ледяного холода.

Месснер дает автографы

За несколько месяцев в году я пытаюсь заработать себе на жизнь и на оплату очередной экспедиции. Иногда, если поджимают сроки, я теряю покой, начинаю спешить, суетиться, и приходится прилагать большие усилия, чтобы сосредоточиться на подготовке очередного доклада. Поклонники тоже доставляют хлопоты. До сих пор для меня загадка, какой смысл в автографах. За один перерыв я даю их столько, что болят пальцы. Отказаться невозможно, этого бы никто не понял, а каждый раз говорить о бессмысленности своей подписи слишком утомительно. Чувствую себя цирковой лошадью.

Украдкой косясь на Нену, которая возится с проек-

тором, незнакомые женщины делают мне недвусмысленные предложения. Незнакомые мужчины без всяких поводов приглашают на кружку пива. Мало кто из них мог бы сказать, зачем им это нужно. Мне кажется, главная причина – хоть на миг приобщиться к непржитой жизни, хоть ненадолго уйти от одиночества.

Где-то в середине путешествия мой друг, репортер «Шпигеля», Иоахим Хёльцген, с которым мы были на К-2, сунул мне номер «Пекинского обозрения» за 20 ноября 1979 года. В нем сообщалось, что Китай открыл для иностранных альпинистов восемь вершин.

В тот же момент я решил ехать в Китай.

Вершины в Китае, открытые для иностранных альпинистов

С 1980 года для иностранных альпинистов в Китае открыты следующие вершины:

1. Джомолунгма (Эверест), 8848 м, высочайшая вершина мира, находится на китайско-непальской границе, северный склон ее лежит в Тибетском автономном районе.
2. Шиша Пангма, 8012 м, Тибет.
3. Музтагата, 7546 м, Синьцзян.
4. Конгур-таг, 7719 м и Конгур-тебетаг, 7695 м – две рядом стоящие вершины в Синьцзяне.

5. Богда, 7445 м – высшая точка восточной части Тянь-Шаня, в Синьцзяне. Массив состоит из семи вершин, у подножия его находится всемирно известное озеро Тянь-ши (небесное).

6. Гонгашань, 7591 м, Сычуань.

7. Аньемаген, 7160, Цинхай.

Китайский союз альпинистов берет на себя выполнение за иностранных альпинистов всех формальностей, таких, как договоры, разрешения, оформление денежных дел. В юго-восточной и северно-западной частях Китая много других вершин, восхождения на которые будут разрешены при увеличении притока иностранных экспедиций, в интересах развития международного альпинизма и укрепления дружбы между народами Китая и других стран.

Пекин

Совершенно ясно, что после такого официального сообщения начнется нашествие на горы Китая. Слишком долго ждали альпинисты этой возможности. Заявок будет тьма. Чтобы при переговорах иметь какие-то шансы, нужно ехать в Пекин, и как можно быстрее. Но как? То, что китайцы запросят за свои услуги большие деньги, меня не остановит. Придется найти кого-то, кто даст мне займы эту, по всей видимости, громадную сумму. Я соображаю. Нужен заимодавец, для которого я смогу выполнить какую-нибудь работу. Мне приходит в голову продать авторские права на фильм. Мы накрутили один фильм для Баварского киносюза во время экспедиции на Ама Дабланг. Эта фирма отнеслась к нам отлично. Итак, звоню Юргену Леману, тогдашнему продюсеру. Он сразу же понял в чем дело, и готов сотрудничать со мной. Таинственный, закрытый для всех сегодняшний Тибет и одиночное восхождение на Эверест воодушевило его не меньше, чем меня. Он приводит в движение все рычаги, и через пару недель мы оба уже сидим в самолете на Пекин. Чувствуем себя науськанными гончими псами, идущими по горячему следу. Там, высоко над облаками, я рассказываю Юргену о том, как увидел

Тибет в первый раз. Я стоял на вершине Манаслу и смотрел оттуда на страну моих вожделений. Несмотря на крайнюю усталость, волна восторга поднялась тогда во мне. Подо мной расстиралось море высокогорных степей, скал и заснеженных пиков. Бесконечный первозданный пейзаж, над которым, меня очертания, тянулись облака. Все мое существо целиком погрузилось в созерцание этого ландшафта, и мне с трудом удалось вернуться к реальности. С тех пор я ждал новой встречи с этой страной, желая узнать ее поближе, а не просто увидеть с вершины восьмитысячника.

Из-за бесконечных переговоров в Китайском союзе альпинистов времени на знакомство с Пекином почти не осталось. Принимали меня церемонно и учтиво, постоянно говорили о дружбе, но в то же время пытались продать разрешение на экспедицию за астрономическую цену. Турист, тем более такой «выдающийся», как я, должен стать важнейшим источником дохода для Китая – так я понял.

Пекин показался мне огромным темно-коричневым городом. Домики, прижатые один к другому, маленькие, как коробки, иногда скучный бетонный истукан, везде пыль. По широким заасфальтированным улицам катит плотный поток велосипедистов в синей одежде. Многие женщины закрывают лица от всепро-

никающей пыли тончайшими платками и выглядят, как запеленутые куклы. На перекрестках висят огромные плакаты, призывающие население соблюдать чистоту и порядок.

В центре города раскинулась большая площадь. Посреди площади мавзолей Мао – гигантское сооружение для одного малого тела. По краю площади идет красная стена «Запретного города». Сегодня он открыт для всех. Бедные китайцы из провинции прижимают носы к стеклам, чтобы рассмотреть невиданные драгоценности императорских наложниц.

Сейчас дела в стране идут лучше, чем прежде, но народ все еще беден.

Парк летней резиденции императора в Пекине

Последователи Мао пытаются исправить ошибки прошлого. Расширять свободную торговлю, повышать личную ответственность – таков теперь девиз. Взаимное регулирование спроса и предложения должно поднять материальный уровень.

Пекин показался мне огромной лабораторией. Перестройка, кажется, идет очень осторожно и совсем маленькими шагами.

Перед дверями городских магазинов можно видеть небольшие прилавки мелких торговцев и крестьян,

продающих свежее мясо, овощи и фрукты. Уже есть частные рестораны с утками и ядовитыми змеями, которые считаются деликатесом.

В конце концов КСА дало мне разрешение на одинокое восхождение на Джомолунгму. В комнате отеля я всю ночь производил расчеты. Результат: экспедиция будет стоить мне 40-50 тысяч долларов.

Договор о восхождении на вершину Джомолунгмы итальянского альпиниста Райнхольда Месснера

Китайский союз альпинистов получил заявку от итальянского альпиниста Райнхольда Месснера на проведение альпинистской экспедиции в Китае.

Эта экспедиция будет способствовать развитию взаимопонимания и дружбы между китайским, итальянским и немецким народами.

В дружественной обстановке представители Китайского союза альпинистов и господин Райнхольд Месснер пришли к следующему соглашению:

1. Наименование экспедиции.

Первое одинокое восхождение Р. Месснера на в. Джомолунгмы летом 1980 г. Общее число участников – два (Р. Месснер и медицинский работник).

Руководитель группы восходителей – Р. Месснер.

Аккредитованный представитель Р. Месснера в Пекине: посольство Федеративной Республики Германии.

2. Программа восхождения.

Цель: восхождение на Джомолунгму.

Маршрут: северный склон.

Путь подхода: Пекин – Чэнду – Лхаса – Шигацзе – Шегар – базовый лагерь.

Научные исследования: измерения температуры воздуха и атмосферного давления, уровня осадков во время дождей. Продолжительность восхождения: с июня по 31 августа 1980 г. Разведка: середина мая. Отъезд домой: начало сентября.

3. Китайский союз альпинистов назначает офицера связи и переводчика, которые будут сопровождать господина Месснера в экспедиции и консультировать его. Господину Месснеру предоставляются два погонщика и два яка.

4. Транспортные обязательства Китайского союза альпинистов: проезд от Лхасы до базового лагеря под Джомолунгмой – один семиместный джип. Обратный проезд от базового лагеря к подножию Шиши Пангмы (для разведки), далее в Лхасу – один семиместный джип.

5. Питание: с момента прибытия в базовый лагерь Китайский союз альпинистов берет на себя обеспече-

ние питанием всех без исключения китайских участников экспедиции. Р. Месснер и второй альпинист обеспечивают себя питанием сами и предоставляют 100 литров бензина для китайских сопровождающих.

6. Р. Месснер высылает Китайскому союзу альпинистов до 31 мая 1980 г. список требуемого для восхождения снаряжения, взнос за восхождение на Джомолунгму и за разведку Шиши Пангмы (4080 юаней) и предварительный расчет (33000 юаней).

7. КСА сообщит г-ну Месснеру до конца апреля размеры одежды и обуви китайских участников.

8. Г-н Месснер будет соблюдать постановление КСА о проведении иностранных экспедиций в Китае. Он передаст оплату согласно постановлению КСА. Счет 81-89013199 (Банк Китайской Народной Республики в Пекине).

9. При переговорах КСА принял к сведению, что г-н Месснер планирует на весну 1981 г. восхождение на вершину Шиши Пангмы. Об этом состоятся переговоры в июле 1980 г.

10. Вышеозначенные пункты были подробно обсуждены на совместном совещании. Изменения или уточнения настоящего договора могут быть внесены обеими сторонами при взаимной договоренности.

11. Настоящий договор подписан 3 апреля 1980 г. господином Месснером и господином Ши Чжанчуном,

представителем Китайского союза альпинистов в Пекине.

Этот договор составлен в двух экземплярах – на китайском и немецком языках. Оба текста действительны в одинаковой мере. Договор вступает в силу со дня его подписания.

Райнхольд Месснер

Ши Чжанчун

Вице-президент Китайского союза альпинистов
Пекин, 3 апреля 1980 г.

Готово! Итак, в 1980-м я во второй раз иду на Эверест! Снова без кислорода, но на этот раз еще и без партнера, без надежной цепи лагерей, без носильщиков и по новому пути, со стороны Тибета.

Вечером того же дня мы с Юргеном были приглашены представителями Китайского союза альпинистов на ужин. По здешнему обычаю каждый должен был произнести застольную речь и закончить ее словом «ганьбэй!», что означает «пей до дна!». По этой команде все опустошали стаканы. Ужасный обычай. Когда очередь дошла до меня, я сказал: «Спасибо вам за дружеское расположение ко мне. Это самое надежное экспедиционное предприятие в моей жизни, купленное по капиталистическим законам в коммунистической стране. Ганьбэй!»

«Кто не пробовал пекинской утки, тот не знает Пе-

кина», – гласит поговорка. Нам подали 12 различных блюд из утки – утку зажаренную, в желе, фаршированную, в соусе, в тесте...

Хотя в эпоху культурной революции многое в культуре было утеряно, одно держится прочно: нигде не готовят с большей фантазией и мастерством, чем в бедной Китайской Народной Республике. Здесь хранят древние традиции кулинарного искусства, и я не поверил своим ушам, когда, подавая мне на десерт маленькие марципаны, официант гордо сообщил, что они были любимым блюдом императрицы Цы-си.

По возвращении в Европу я еще долго с восторгом вспоминал этот кутеж в Срединной империи.

Юли, мой южнотирольский приятель, был одним из первых, кому я рассказал о полученном разрешении. Мы сидели допоздна у меня дома в Вильнёсе, валяли дурака. «Смотри только не оттолкни от себя старых добрых друзей, – сказал Юл. – Они помогут тебе пересечь реку, когда ты захочешь въехать в новый дом».

Мне нравятся загадочные предсказания Юла. У меня действительно такое чувство, будто я переплываю реку. Юл считает, что желание взойти в одиночку на высочайшую гору мира может прийти в голову только такому сумасшедшему, как я. Тогда я сказал ему, что такой сумасшедший был уже задолго до меня. Его звали Морис Уилсон.

Морис Уилсон

Морис Уилсон был первым, кто вздумал взойти на Эверест в одиночку. Он не был альпинистом, но твердо верил, что глубоко религиозный человек, очищенный постами и молитвой, может достичь чего угодно, в том числе и высочайшей вершины мира. Как Колумб или Тур Хейердал, Уилсон хотел подтвердить свою теорию делом. Колумб знал, что земля круглая, чтобы доказать это, он совершил кругосветное плавание (*Колумб не совершал кругосветного плавания.*) Уилсон, знал, что человек с божьей помощью может все, и он решил покорить Эверест. Так началась одна из причудливейших глав в истории Эвереста. Но как он пришел к этой идее?

Морис Уилсон

Морис Уилсон родился в 1898 году в Бредфорде. Отец его был добропорядочным английским буржуа, владельцем небольшой фабрики шерстяных изделий. Морис, третий из четырех сыновей, прилежно учился и уже в двенадцать лет бегло говорил по-французски и по-немецки. В 1916 году, в восемнадцать лет, он добровольно записался на военную службу, стал старшим ефрейтором, потом лейтенантом, получил награду за храбрость, после ранения в левую руку и грудь был демобилизован.

Как многие люди его поколения, Морис Уилсон не мог забыть ужасов войны и привыкнуть к мирной жизни. Напрасно спрашивал он себя о смысле и цели своего существования. Отцовская фабрика с ее монотонной работой скоро опротивела ему, и он отправился в Лондон. Там было то же самое, и он сделал то, что делали другие бывшие солдаты, не нашедшие себя в мирной жизни: эмигрировал в Америку. Нью-Йорк, Сан-Франциско, наконец, Новая Зеландия. Здесь он прожил много лет: продавал машины, лекарственные средства, пробовал заняться сельским хозяйством, держал небольшой магазин дамской одежды в Веллингтоне.

Неожиданно, следуя внезапному импульсу, на почтовом судне он вернулся в Англию. С этого времени

он не знал ни успехов, ни поражений, но счастлив не был. Нестарый, сильный, как медведь, мужчина без цели в жизни. Угнетенный и подавленный, он чувствовал себя физически все хуже. Похудел, стал кашлять. Лекарств он не принимал и однажды исчез. А когда появился снова – был здоров. Вернуться к жизни и обрести душевный покой Уилсону помогло учение индийских йогов, с которыми он познакомился по пути в Европу. Они открыли Уилсону средство против всех зол: пост и молитва. Он постился в течение 35 дней, лишь иногда позволяя себе глоток воды, и читал молитвы. Ему хотелось, чтобы это средство стало известно всему человечеству, но для этого надо было совершить нечто исключительное.

Случай вскоре представился. Отдыхая в Шварцвальде, в маленьком кафе во Фрайбурге, Уилсон совершенно случайно прочитал вырезку из старой газеты с сообщением об экспедиции на Эверест 1924 года. Он узнал о шерпах, о яках, которые тащили груз, о ледниках, штормах и непреодолимых препятствиях. Эверест! Теперь он знал, что нужно делать. Наконец-то мир будет потрясен. Это была фантастическая, безумная идея. Уилсон не имел ни малейшего представления об альпинизме.

Вернувшись в Лондон, Уилсон тотчас же взялся за дело. Он изучил все материалы предшествующих экс-

педиций. Именно теперь, не позже, он должен был понять, сколь бесперспективно его намерение. Но он решил все-таки осуществить это предприятие, к тому же без обременительной цепочки переноски грузов, без устройства лагерей. Услышав о планируемом Хаустоном облете Эвереста, он решил уговорить команду взять его с собой и позволить спрыгнуть с парашютом, но вскоре отбросил эту идею и задумал сам лететь в Тибет, приземлиться на леднике Восточный Ронгбук и идти далее к вершине пешком. Никакого представления об Эвересте, об альпинизме, о полетах. Его друзья были в ужасе. А он смеялся и говорил: «Да всем этим я овладею».

Он купил подержанный «Джипси Мот», написал на его боку «EVER WREST» и поступил в Лондонский аэроклуб. Уже после первого полета с инструктором стало ясно, что хорошим пилотом Уилсон не станет. Но эксцентричный ученик обладал двумя достоинствами, которые компенсировали все его недостатки: мужеством и решительностью. Несмотря на это у него не было ни малейшего шанса добраться живым хотя бы до Индии. В открытом биплане пролететь более 8000 километров над малозаселенной территорией сложно и для опытного пилота. Для неопытного это могло закончиться катастрофой.

Однако Уилсон продолжал начатое дело. Он купил

снаряжение: палатку, спальный мешок, одежду. Приобрел высотомер и легкую камеру с самоспуском, чтобы сфотографировать себя на вершине.

Затем начались альпинистские тренировки. Он много раз прошел пешком от Лондона до Бредфорда и обратно, в отриконенных ботинках, с тяжелым рюкзаком. Потом начал восхождения. Пять недель он лазал в районе озер и в Уэллсе. Вместо того, чтобы учиться у швейцарских горных проводников ледовой технике на кошках и с ледорубом и подняться в Альпах на настоящие горы, он выбрал относительно безопасные вершины в Англии. Чтобы испытать нервы, прыгнул с парашютом над Лондоном. Газеты выступили с острой критикой Уилсона, но тот не сдавался. В свой «EVER WREST» он встроил специальный бак для горючего и мощное шасси. Позаботился о картах, тщательно обозначил этапы своего маршрута: Фрайбург – Альпы – Милан – Палермо – Средиземное море – Тунис. Так как Уилсон собирался лететь без маски, то он установил высоту полета не более 3000 метров. Вылет был назначен на 21 апреля 1933 года – его день рождения. В середине апреля Уилсон тяжело заболел ангиной, и его план чуть не сорвался. Но он постился, молился и вскоре был полностью здоров. Первый взлет не удался, при этом наш герой едва не погиб. Драгоценное время было упущено.

А между тем окончился перелет Хаустона, двум машинам удалось пролететь над Эверестом. Большая экспедиция под руководством Хью Раттледжа шла в базовый лагерь. Если Раттледжу повезет, Уилсон не успеет обогнать его, чтобы быть на вершине первым.

Когда «EVER WREST» снова был готов к старту, министерство воздушных перевозок попыталось воспрепятствовать полету. Уилсон разорвал телеграмму, в которой сообщалось, что его полет запрещен. В воскресенье, 21 мая 1933 года, он распрощался с друзьями и репортерами. Машина оторвалась от земли, полетела навстречу восходящему солнцу, превратилась в точку и исчезла. Мало кто из провожавших надеялся увидеть Уилсона живым.

Через неделю он приземлился в Каире. Еще неделя – и он в Индии. Поскольку лететь над Персией ему было запрещено, пришлось изменить маршрут и направиться из Багдада прямо на острова Бахрейн. 1000 километров без посадки – это предельная нагрузка для его машины.

Прилетев в конце концов на Бахрейн, он вопреки запрету британского консула раздобыл горючее и добрался до Гвадара в Индии. За две недели Уилсон преодолел почти 8000 км и этим самым длинным перелетом доказал, что решительность и сила воли делают чудеса. Но это не удовлетворило его. Он хотел

добраться до Эвереста за 500 фунтов стерлингов.

В Лалбалу около Пурниха путешествие пока что окончилось. Власти не дали разрешения на перелет через Непал. Специальный корреспондент «Дейли экспресс» в Карачи убеждал его отказаться от задуманного. Уилсон был в отчаянии. Прошло несколько недель, начался муссонный период, и он понял, что шансов становится все меньше. Деньги кончились. Узнав о неудаче экспедиции Раттледжа, Уилсон продал свой «EVER WREST» и отправился в Дарджилинг.

И здесь власти отказали ему в разрешении на пешее путешествие по Сиккиму и Непалу. Тогда ему пришло в голову пробраться нелегально в Тибет. Он познакомился с Полом Кармой, тибетцем, принимавшим участие в экспедициях 1922, 1924 и 1933 годов. Карма был в восторге от Уилсона и пообещал сопровождать его до базового лагеря. Но вскоре он перестал понимать этого эксцентричного англичанина и отказал ему. Между тем настал январь, Уилсону пришлось искать помощи в другом месте. Он договорился с тремя шерпами – Тевангом, Ринцингом и Тзерингом, которые работали носильщиками в экспедиции Раттледжа. Они были добродушны и молчаливы, достали лошадь для путешествия, зашили приборы и снаряжение в мешки для пшеницы. Уилсон сказал, что он отправляется охотиться на тигров, оплатил го-

стиницу за шесть месяцев вперед, и ночью 21 марта 1934 года эта четверка тайно покинула Дарджилинг. Уилсон оделся, как тибетский монах. Ехали только ночью. Шерпы были прекрасными проводниками и заботливыми спутниками. Оставляя в стороне города и селения, эта небольшая группа проходила каждую ночь едва ли по 25 километров. Снегопады, дожди с градом, бурные потоки преграждали им путь. Они прошли мимо Канченджанги и наконец-то оказались на перевале Конгра Ла: перед ними лежал Тибет!

За бесконечно далеким горизонтом терялись горные цепи, море коричневого, фиолетового, оливкового и белого – лунный ландшафт. Не надо было маскироваться, Уилсон почувствовал себя снова свободным. Они все еще сторонились людей, но ехали теперь днем. 12 апреля Уилсон записал в дневнике: «Я увидел Эверест!». С гребня высотой 5200 метров в прозрачном воздухе Эверест со своим заснеженным восточным склоном представлял собой сказочную картину. Была идеальная для восхождения погода.

Через два дня четверка пришла в Ронгбук. Ледяной южный ветер дул со снежных полей. Травы больше не было. Скалы, осыпи, лед вывели Уилсона из мира его грез. В долине, запертой со всех сторон горами, он увидел монастырь. Массивные стены казались ма-

ленькими на фоне гигантской горы, которая занимала все пространство за ним: Маунт Эверест.

Верховный лама монастыря Ронгбук пригласил Уилсона, Тзеринга, Теванга и Ринцинга на аудиенцию. Он принял их в богато оформленном зале с искусно расшитыми занавесями на дверях и окнами из настоящего стекла. Мужество и решимость Уилсона произвели впечатление на ламу, и он дал Уилсону и шерпам свое благословение.

Вечером Уилсон долго лежал без сна в палатке, смотрел на свою гору, на Эверест. Он записал в дневнике: «Завтра выхожу!»

Когда, проснувшись на следующее утро, он услышал проникновенное пение 300 монахов, то решил, что они молятся за него. Погода была прекрасной. Неся на плечах более 20 килограммов груза, Уилсон начал подъем по долине к Ронгбукскому леднику. Так как все, что он прочел об этой местности, было написано альпинистами, у которых считалось хорошим тоном преуменьшать трудности, он попал в сложную ситуацию. Запутанный лабиринт из ледовых башен, трещин и скальных блоков возник перед ним на следующий день. Утомленный и изможденный, Уилсон бродил среди них. Он уменьшил свой груз, но вперед продвигался очень медленно. Хуже всего было то, что он все еще не понимал, как идти по льду. У него не

было кошек, он не умел правильно рубить ступени и лишь чудом не свалился ни в одну из бесчисленных трещин.

16 апреля, полностью изнуренный, он дошел до лагеря II предшествующих экспедиций на высоте 6035 метров. Начался снегопад. Ослабевший Уилсон проглотил несколько фиников и немного хлеба. После морозной ночи в палатке он снова пустился в путь, и через два дня на высоте 6250 метров попал в снежную бурю. Снегопад не прекращался, продовольствие кончилось.

Хромая, с болью в суставах, вернулся он через три дня в Ронгбук. Его глаза были обожжены, горло болело. Пока Ринцинг и Теванг подогревали суп, Уилсон записал в дневнике каракулями, которые почти невозможно было разобрать: «Я не сдаюсь. Я по-прежнему уверен, что сделаю это...» Уилсон медленно приходил в себя в одном из помещений монастыря. Поев впервые за 10 дней горячей пищи, он начал рассказывать шерпам путаную историю о своем одиночестве, усталости и разочаровании на Ронгбукском леднике. Никогда еще он так не тосковал по обществу и друзьям. Потом он заснул и проспал 38 часов.

На леднике Восточный Ронгбук

Он был еще слишком слаб и лежал в своем спальном мешке, но уже начал разрабатывать с Ринцингом

и Тевангом план следующей попытки. Тзеринг заболел желудочной болезнью и не мог идти с ним. Два других шерпы на этот раз должны были сопровождать Уилсона до лагеря III, который находился под ледопадом на стене Северного седла. Имея достаточный запас продовольствия, шерпы собирались оставаться здесь до тех пор, пока Уилсон не вернется с вершины.

Уилсон пролежал 4 дня. На пятый день он впервые встал с постели. Шатался, ноги распухли, болели левая рука и левый глаз. Лишь в конце месяца ему стало лучше. 30 апреля он записал: «Ноги и глаза о'кей, через несколько дней я буду здоров. Ужасно потерял в весе, но мышцы окрепли. Скоро буду снова в порядке, как всегда. Путь до лагеря III на этот раз будет, по всей видимости, довольно не труден. Мне поребуются кошки и молодые люди, чтоб готовить горячую пищу. Надеюсь, что через несколько дней начну восхождение».

Однако 1 мая его левый глаз совершенно заплыл, а левая половина лица частично онемела. Лечился голодом, принимал участие в религиозных церемониях. Его восхитило состояние экстаза, в которое впадали монахи. Выше по ущелью находился Чамалунг, «долина курицы», небольшой монастырь, затерявшийся среди моренных гряд. Он состоял из ряда примитивных келий, в которых отшельники жили в полной изо-

ляции от окружающего мира. Один монах в полной неподвижности, погруженный в молитвы, жил там в скальной пещере уже 15 лет. Один раз в день его братья-монахи передавали ему через небольшое отверстие чашку воды и горсть ячменной муки. Не удивительно, что Уилсон чувствовал внутреннее влечение к этим людям.

Вечером 11 мая – Эверест был затянут облаками – Уилсон закончил свою ежедневную запись в дневнике следующими словами: «Завтра мы выходим. Будь что будет. Хочу, чтобы скорее все кончилось». Теванг пообещал в случае смерти Уилсона передать властям в Дарджилинге письмо, в котором тот просит простить шерпам нарушение запрета на это путешествие.

12 мая на рассвете Уилсон, Теванг и Ринцинг покинули монастырь. Шерпы навешивали перила на леднике Восточный Ронгбук, и уже через три дня группа достигла лагеря III. Здесь они обнаружили склад с продовольствием экспедиции Раттледжа, который показался им в сравнении с их скудным пайком лавкой деликатесов. Пока Ринцинг готовил обед, Уилсон прошел еще вперед, чтобы просмотреть путь на Северное седло. Он увидел вздыбленные склоны ледопада, трещины, постоянно меняющиеся ледовые провалы. Ледовая масса поднималась почти на 500 метров над верхними фирновыми полями ледника Во-

сточный Ронгбук. Даже для опытных альпинистов того времени это было серьезное препятствие. Однако Уилсон наивно записал в тот вечер: «Вершина и путь к ней теперь совершенно изучены. Пройти осталось всего 2100 метров».

16 мая тройка была застигнута снежным ураганом, который 5 дней продержал их в лагере III. Скрючившись, лежали они в своих палатках. Буря раздражала. Большая высота нагоняла сонливость. Когда 21 мая непогода наконец улеглась, Уилсон снова двинулся в путь в направлении ледопада. Ринцинг вынужден был проводить его немного, чтобы показать путь, намеченный Раттледжем. Вскоре они уже ползли, задыхаясь. Ринцинг вернулся в лагерь III. Уилсон остался один на один с ледником. Четыре дня продолжалась отчаянная борьба. Он ночевал на крошечном выступе на отвесном склоне, задыхаясь, бил ступени в твердом льду, ввинчивал ледовые крючья, срывался и снова поднимался по веревке вверх. Путь преградила трещина шириной в 10 метров, он переполз ее по тонкому снежному мосту. Наконец он стоял у подножия последнего ледового участка над Северным седлом. Эта ледовая стена протяженностью около 100 метров была отвесной и гладкой. Он пролез по ней несколько мучительных метров. Переночевав здесь, Уилсон попытался вскарабкаться по камину. Вечером 24 мая,

находясь по-прежнему внизу камина, Уилсон признал, что не может покорить Эверест. Полуживой, скользя и срываясь, спустился он с ледопада и упал на руки шерпов.

Два следующих дня Уилсон обессиленный лежал в лагере III в своем спальном мешке. Однако потом – уму непостижимо – он записал: «Теванг собирается вниз, но я убедил его сопровождать меня в лагерь V. Это будет моя последняя попытка, и я чувствую себя уверенно...» В действительности же шерпы считали этот план совершенно безумным и уговаривали Уилсона возвратиться. Уилсон не послушался и 29 мая один начал восхождение. Слишком слабый, чтобы действительно идти вперед, он стал на бивак недалеко от лагеря III у подножия стены Северного седла.

30 мая он провел в палатке, не в силах вылезти из спального мешка, записал в дневнике: «Великолепный день. Вперед!» Вскоре после этого Морис Уилсон умер. Лишь годом позже, в 1935 году, Эрик Шиптон и Чарлз Уоррен нашли его высохшее тело. На теле остатки свитера и зеленых фланелевых брюк, колени согнуты, на одной ноге нет ботинка, палатка разорвана зимними штормами. Альпинисты похоронили Уилсона в трещине ледника. Шиптон взял с собой только дневник. Рассказ этих альпинистов, а также сообще-

ние шерпов, сделанное ими по возвращении в Дарджилинг, дали возможность восстановить самую важную попытку восхождения на Эверест.

«Движение к цели есть сама цель» – гласит буддистская мудрость, и это подтвердил безумный Уилсон. Мне нравится этот упрямый Дон Кихот, он мне милее легиона тех, что живут в уютных домиках и копят деньги на старость.

Нас с Уилсоном разделяют 50 лет. За это время наверняка были и другие, пытавшиеся покорить Эверест в одиночку. Вскоре, изучая материалы предыдущих эверестских экспедиций (между тренировками, сборами и беготней по учреждениям), я натолкнулся на новые для меня имена: Денман и Ларсен.

Денман и Ларсен

«Я был постоянно стеснен в средствах, брал с собой в путешествие лишь самое необходимое, не мог позволить себе купить даже часы! У Тенцинга были часы, у меня нет». Вот бы иметь энергию Эрла Денмана, человека, предпринявшего вторую попытку в одиночку взойти на Эверест. Это было в 1947 году.

Денман родился в Канаде, детство провел в Англии. Семья жила бедно: отец не поднимался с постели, мать работала ради сыновей не разгибая спины. У Денмана было множество честолюбивых желаний. Одно из них – Африка. Когда он в конце концов попал туда, то без снаряжения, босиком, первым взобрался на все восемь вулканов Вирунга... Его сопровождало всего лишь несколько туземцев. Этот успех переполнил его гордостью. *«Никто никогда не поднимется на эти горы со столь примитивными средствами».* Гордость вскоре взлелеяла новое желание. Ему пришло на ум покорить Эверест. Но как это сделать? Денег-то по-прежнему не было. Первая эверестская экспедиция стоимостью в полсотни марок – так звучал брошенный им вскоре вызов.

Прежде всего он отказался от кислородных аппаратов, так как верил, что человек может привыкнуть

к высоте. «Доказано, что можно без кислорода находиться на высоте почти 8500 метров. Поэтому смешно утверждать, что человек не в состоянии достичь 8800 метров или чуть больше». Денман читал литературу об Эвересте. Он знал об исчезновении Мэллори и Ирвина и был убежден в том, что они погибли из-за того, что на высоте отказали кислородные аппараты. Без кислорода они не смогли пройти, так как недостаточно акклиматизировались. Об Уилсоне он ничего не знал. Он услышал о нем впервые, должно быть, только в Дарджилинге.

Имея при себе лишь спальный мешок на гусином пуху, две палатки военного времени, одну веревку, самодельные кошки, рукавицы, снегозащитные очки, сухое мясо и 250 фунтов наличными, Денман 7 февраля 1947 года отплыл на пароходе из Мозамбика. Он прибыл в Бомбей и направился далее в Калькутту. Так он познакомился с Индией. «Люди лежали прямо на тротуаре, некоторые были накрыты одеялами или мешками, но никто не утруждал себя подняться и отойти в тень. Старая морщинистая нищенка хлопала себя по голому животу и просила есть. Одна из многочисленных священных коров спокойно вошла в лавку и так же спокойно вышла из нее. Запряженная в дрожки лошадь, кожа да кости, упала напротив одного из отделений „Ллойд Банка“ и не смогла под-

няться, хотя собравшиеся люди тянули ее, толкали, пинали». Столь великая нищета вызвала отвращение и одновременно сочувствие Денмана. Он отправился дальше. Монотонный стук колес звучал в его ушах как рефрен: «Возвращайся, дурак, возвращайся, дурак!»

В середине марта в Дарджилинге он познакомился с 32-летним Тенцингом Норгеем. Этот шерпа уже в то время был знаменитым человеком. Он много раз бывал на Эвересте, сопровождал Смайса, Шиптона и Тильмана в гималайских экспедициях. Его успехи принесли ему звание «Гималайского тигра». Помимо своего родного языка он владел тибетским, сиккимским, хинди, урду, говорил также на ломаном английском.

Конечно, Тенцинга Денман узнал через Пола Карму, обслуживавшего всех эверестских фантазеров. Пол Карма представил Денману также другого проводника. Его звали Анг Дава. Несмотря на то, что и Тенцинг и Анг Дава знали, что Денман не имел ни разрешения на поездку в Тибет, ни денег, чтобы им заплатить, они не смогли отказаться – столь велика была притягательная сила Эвереста.

22 марта 1947 года двинулись в путь. Сначала на автобусе, потом на сиккимских мулах, далее пешком. Денман шел босиком, как в Уганде. За перевалом Конгра Ла начинался Тибет – пустынное, продуваемое

всеми ветрами, безжизненное пространство. Питаясь чем попало, терпя лишения, наконец, достигли Ронгбука. Денман, встретивший на своем пути через Сикким и Тибет много монастырей, нашел, что Ронгбук больше других и лучше украшен. Он ожидал увидеть здесь отшельников, отрешенных от всего земного, и очень удивился, когда они принесли ему для ремонта испорченные карманные фонарики и будильники.

Обитатели монастыря были любопытны, как дети. Они смеялись над бедностью Денмана. Они привыкли видеть сравнительно богатых сагибов (*господин (обращение к европейцу)*), с внушительной поклажей. Чудак Денман вызывал у них только удивление.

Эверест, который возвышался над монастырем, ошеломил Денмана, как и всех его предшественников. Он понял, почему монахи избрали именно этот скудный клочок земли для своего уединения. Старый верховный лама, говоривший по-английски, умер, вместо него на богато украшенном троне, скрестив ноги, сидел маленький мальчик – новый настоятель монастыря. По ламаистскому вероучению он был воплощением предыдущего верховного ламы, который благословлял экспедиции на восхождение.

Денман использовал монастырь в качестве базового лагеря. Сестра Тенцинга, которая была замужем за одним из монахов, помогла в устройстве. Ден-

ман наблюдал за паломниками в монастыре. С неподвижными лицами они перебирали жемчужные четки, при этом беспрерывно шевеля губами. Другие крутили свои цилиндры из меди или серебра, в которых были крошечные свитки с молитвами.

В отношении религии Денман был далеко не Морис Уилсон. Он не рассчитывал только на помощь бога, и давно решил взять на вершину обоих шерпов. 10 апреля все трое двинулись в путь. Они пошли традиционным путем по восточной ветви Ронгбукского ледника в направлении Северного седла. Денман до того страдал от холода, что после первой же ночи залез в палатку к шерпам, а потом и в мешок к Тенцингу. Он страдал также от недостатка кислорода. Тем не менее они дошли до лагеря III, и шерпы уверенно повели его к стене Чанг Ла. На Северном седле сильный шторм лишил их всякой надежды. Измотанный Денман понял, насколько плохо снаряжены они для штурма вершины. Шторм не давал ему заснуть ночью, проглотить пищу стало мучением, жажда превратилась в постоянный кошмар. Денман признал себя побежденным.

Ледопад Кхумбу, слева перевал Лхо Ла

Однако через год, движимый честолюбием, он снова появился в Дарджилинге, лучше подготовленный, с хорошим снаряжением, полный новых сил. Но на этот раз никто не пожелал сопровождать его в Тибет. Он уехал назад в Родезию, написал книгу и навсегда оставил горы.

Прошло всего четыре года, и появился новый авантюрист с идеей покорения Эвереста в одиночку. Это был Ден Клаве Бекер-Ларсен. Он также мечтал о Ронгбуке и северной стороне горы. Но в это время в Тибет вошли части китайской армии. Поэтому Ларсен сначала поехал в Дарджилинг, с помощью Пала

Кармы нанял четырех шерпов. Пробижаться тайно через южный Тибет на Ронгбук было теперь опасно, и Ларсен решил пройти из Дарджилинга через Непал по традиционному пути караванов с солью. Он поднялся по долине реки Дудх-Коси, к Намчебазару, в страну шерпов и попытался попасть в Тибет через перевал Лхо Ла.

Райнхольд Месснер и Эдмунд Хиллари (1978)

Среди шерпов ходили слухи, что некий лама из Со-ло Кхумбу прошел через Лхо Ла в Ронгбук. Но Ларсен, который и в бога не верил, и с ледорубом и кошками обращаться не умел, сдался, не дойдя до перевала. Лхо Ла находится на высоте 6000 метров, его

южный склон круто обрывается вниз. Лама, который якобы прошел перевал без веревки и крючьев, должно быть, имел крылья. Клаве Бекер-Ларсен, побитый, но не потерявший мужества, попытался пройти через перевал Нангпа Ла (6000 м), через который шерпы в течение столетий доставляют соль из Тингри в Тибет. Но и этот перевал был покрыт снегом.

В конце концов Ларсену с шерпами удалось перейти границу. Они достигли Киетрака, затем через перевал Ламна Ла двинулись к Ронгбуку, куда и прибыли спустя шесть дней после выхода из Намчебазара.

Несмотря на зловещее предсказание монахов, что вершины Эвереста ему не достичь, Ларсену удалось за три дня пройти ледник Восточный Ронгбук до лагеря III, откуда с двумя самыми сильными шерпами он собирался подняться на Северное седло и там поставить лагерь IV – отправной пункт своего одиночного восхождения.

9 мая, когда две трети стены уже остались позади, разыгрался шторм. К тому же шерпы, испугавшись обвалов со стены Чангцзе, отказались идти дальше. Все уговоры и угрозы были напрасны. Ларсен был вынужден отказаться от восхождения. Печальный, вернулся он в Ронгбук, где его уже поджидали китайские солдаты. Монахи спрятали его, но оставаться далее в монастыре не имело смысла. Через пять дней пешего

перехода Ларсен снова был в Намчебазаре.

В 1953 году Эверест «был покорен армией», как выразился Денман. На вершине Эвереста рядом с Эдмундом Хиллари стоял шерпа Тенцинг Норгей. На его голове был шлем Денмана. Таким образом, частица этого сумасшедшего канадца побывала на высочайшей точке земли. «Когда-нибудь будет и эта гора побеждена в одиночку и простыми средствами», – пророчествовал Денман.

Между тем прошло более 25 лет. Мечта Денмана продолжала жить в других умах, в других сердцах. Подошла моя очередь.

Мотивировка

Теперь, когда я познакомился с литературой об Уилсоне, Денмане и Ларсене, не могу не сказать конкретно о мотивах, побудивших меня предпринять эту экспедицию.

Ларсен, возвращаясь на корабле в Европу, писал: «Я хотел доказать самому себе и другим, что способен все отдать ради задуманного дела, что достигну всего, чего бы я ни пожелал, и что только собственный рассудок может подсказать мне, что я могу, а чего не могу. Кроме того, мне просто хотелось приключений».

Денман выразился так:

«Я наивное дитя своего времени, до меня поздно дошло, что мера честолюбия должна соответствовать сумме наличных». Итак, его исходные точки – ограниченность средств и неспособность к глубоким человеческим связям. Он пытался избавиться от своей изоляции, общаясь с туземцами.

Уилсон хотел доказать, что существует высшая сила, которая ему якобы помогала. Своей верой в эту силу он коренным образом отличался от Ларсена и Денмана, которые рассчитывали только на самих себя.

*Классическая экспедиция с группой носильщиков
на Стене Чанг Ла*

Тенцинг Норгей на вершине Эвереста в 1953 году
Что же движет мною?

Я хочу опередить Наоми Уэмуру. Я хочу быть первым из тех, кто покорит высочайшую вершину мира в одиночку. Я хочу, наконец, в Тибет, в страну моих детских грез. Но это не все. «Зачем тебе снова идти на Эверест? – спросила меня моя многострадаль-

ная мать. – Ведь ты уже взошел туда один раз!» Я рассказываю ей, как прекрасна эта гора с северной стороны, как страстно мне хочется увидеть Ронгбук и узнать, что осталось от этого таинственного монастыря. Я рассказываю ей о легендах, сложенных об этой горе в Тибете, и о предыдущих экспедициях.

И рассказывая, я понимаю, что это только часть правды.

Подкладывая дрова в плиту, у которой она провела полжизни, чтобы накормить девятерых детей, моя мать говорит: «Когда у тебя нет планов на восхождение, у тебя нет и внутреннего покоя. Горы спасают тебя от скуки повседневной жизни». Она права. Я не могу представить себе ничего более ужасного, чем повседневность бюргерского существования. Крестьяне в нашей долине не имеют времени думать о смысле жизни. Они целиком заняты работой, обеспечивающей лишь самые основные жизненные потребности. Но я не могу заниматься нелюбимой работой, считаю, что в мире все больше зла именно потому, что люди слишком много думают о материальном.

Я не религиозен, и пассивная покорность судьбе людей моей долины приводит меня в отчаяние. Лишь в редкие моменты мне удастся преодолеть чувство одиночества и ощутить единство с миром – во время восхождения. И только тогда, в крайнем напряжении

всех духовных и физических сил освобождается мое Я. Чтобы пережить это чувство неотделимости от мира, я должен подойти к границе моих физических возможностей, а для этого нужно одиночное восхождение на сложную стену, на большой высоте, с предельной нагрузкой и полным утомлением.

Моим злейшим врагом на пути к цели является страх. Я очень трусливый человек и, как все трусливые люди, стремлюсь победить свой страх. Победа над страхом делает меня счастливым. Я трижды в одиночку выходил на Нангапарбат, трижды из-за страха поворачивал назад, пока не набрался сил преодолеть себя и дойти до вершины. Я хочу быть сильнее собственного страха, ради этого я снова и снова ищу опасности.

Именно в этих попытках преодолеть одиночество через познание пределов своих возможностей и стать господином своего страха, вижу я смысл жизни. Каждый спуск с вершины для меня не столько возвращение в жизнь, сколько расставание с отрезком прожитой жизни, небольшая смерть. Моя бывшая жена Уши считает, что эти поездки все более отдаляют меня от людей. Может быть, она и права. Я страдаю от того, что во время экспедиций не остается времени на общение с людьми. Что-то беспокоит меня, как будто я должен успеть на поезд, или совершил побег и меня

разыскивают. И я приговорен к восхождению. Меня не удивляет недавний сон Уши, в котором меня, как «летучий голландец», несет на корабле из разорванной палатки по бескрайнему морю вздыбленного ледника.

Успех японцев

В середине мая я прочитал в газете об успехе альпинистов одной японской экспедиции. Они достигли вершины Эвереста по двум маршрутам.

Как и для меня, для японского альпинистского клуба восхождение на Эверест со стороны Китая было давней целью. В феврале 1979 года японцы подали заявку на проведение большой эверестской экспедиции. В июне пришло официальное разрешение от Китайского союза альпинистов.

Со времени образования Китайской Народной Республики это была первая иностранная группа, которая должна была предпринять экспедицию в Тибет. Было запланировано штурмовать Эверест одновременно по северо-восточному гребню и по северной стене. Телевизионная передача (первая в истории экспедиционного альпинизма), посвященная предстоящей экспедиции, должна была подготовить сенсацию.

Группа разведки в сентябре—октябре исследовала возможность восхождения по двум маршрутам. При этом под Северным седлом в лавине погибли три китайца, один японец получил травму. Экспедиция состояла из трех групп: группа северо-восточного гребня (12 человек), группа северного склона (12 чело-

век) и группа репортеров. Руководителем был Хиорики Ватанабе. Для обслуживания мероприятия наняли 56 китайцев: 2 офицеров связи, 3 переводчиков, 2 менеджеров, 22 высотных носильщика, 4 радистов, 6 поваров, 3 шоферов, 1 бухгалтера и 13 погонщиков яков. Высотные носильщики должны были доставить грузы на высоту 7500 метров. Эта сотня людей в начале марта 1980 года достигла базового лагеря у языка Ронгбукского ледника на высоте 5150 метров. Было установлено два передовых лагеря – один на высоте 6500 метров на леднике восточный Ронгбук и второй на высоте 6200 метров на леднике Главный Ронгбук. В середине марта группа северо-восточного гребня начала подъем. К 25 марта она достигла Северного седла, где был установлен лагерь IV. Пятый лагерь, на высоте 7600 метров, установили 6 апреля, шестой – на высоте 8000 метров, 23 апреля. Основную работу на этом этапе выполняли носильщики, они доставляли наверх снаряжение и продукты. 29 апреля четыре члена экспедиции с шестью помощниками покинули передовой лагерь для решительного броска. 2 мая они установили седьмой лагерь на высоте 8200 метров.

3 мая четыре японских альпиниста вышли на штурм вершины. К 19 часам двое из них – Като и оператор Накамура – были уже на снежном гребне, веду-

щем к высшей точке. Так как Накамуре стало плохо, Ясуо Като последние 200 метров поднимался один. Он достиг вершины в 20.55. Ночь они провели на высоте 8750 метров без кислородных аппаратов. Большой успех, конечно, но одиночным восхождением это не было. Зато Като стал первым альпинистом, покрывшим Эверест как с непальской южной стороны, так и с китайской северной.

Одиночное восхождение на Эверест начинается там, где кончается тропа: у языка ледника Кхумбу или на высоте 6500 метров под Северным седлом в зависимости от того, какой путь выбран. Идеальным маршрутом для одиночного восхождения является, конечно, северный гребень, так как здесь яки не доходят до вершины всего 2500 высотных метров. Но уж эти 2500 метров остаются на долю абсолютного соло.

Вторая японская группа шла по северной стене. 60-градусный склон был покрыт гладким льдом. 20 апреля достигли кулуара Хорнбайна. Идти на вершину должны были от лагеря V (8350 м). Первый штурм не удался из-за глубокого снега. Вторая группа, которая поднималась к лагерю V, сорвала снежную доску. Веревка Акиры Уга была перебита, он сорвался и исчез навсегда. После этого все члены группы спустились в предыдущий лагерь. В третий раз начали подъем 10

мая. Цунео Шигехиро и Такаши Озаки вышли из лагеря V, достигли снежного поля в верхней части кулуара Хорнбайна, прошли траверсом к Западному гребню и полезли на вершину, несмотря на то, что у них кончился запас кислорода.

На высоте 8700 метров, они вынуждены были остановиться на ночевку, как неделю назад Като на северо-восточном гребне. Японцы, прошедшие по северной стене на вершину, открыли, по-видимому, наилучший маршрут.

За несколько дней до этого испанский альпинист с одним шерпой взошли на Эверест со стороны Непала по юго-восточному гребню, а 10 дней спустя из Катманду поступило новое сообщение: «Два польских альпиниста совершили успешное восхождение на Эверест по южному бастиону, до этого не пройденному. Эти два 32-летних инженера на последнем участке шли без кислорода. На вершине они провели 50 минут. Всего до этого времени на вершине Эвереста побывало 107 человек». Таким образом, полякам удалось пройти по тому южному бастиону, который приглянулся нам с Петером Хабелером в 1978 году.

Однако мое внимание вскоре было снова поглощено северной стороной, планами путешествия по Тибету, проблемами снаряжения и продовольствия. Я с

нетерпением ждал своего часа.

Моя долина и ее люди

«Ты будешь подниматься на горы, пока не откинешь тапочки». Это выражение, означающее в Южном Тироле смерть, прокричал один крестьянин, стоявший на обочине дороги, когда я, сопя, бежал мимо. Я снова часто бегаю по крутой дороге от Бозена до Енесина для тренировки сердца и сосудистой системы. Раньше я любил этот отрезок длиной около 7 километров и с перепадом высот в 1000 метров. Но дорогу покрыли булыжником, а потом забетонировали. К тому же ее во многих местах пересекает шоссе. Я там всегда сбиваюсь с ритма.

Медленно возвращаюсь назад в Бозе некую долину – боюсь на спуске травмировать связки – и иду в Старый город. В баре встречаю приятеля, который показывает мне статью Александра Лангера в «Тандеме». Этот южнотирольский политик пишет обо мне. Читаю.

«Ставший известным во многих странах благодаря средствам массовой информации, превозносимый всеми Райнхольд Месснер тем не менее сумел остаться выше своей славы».

Далее он цитирует меня:

«Сегодня у меня действительно хорошие отношения с соседями, главным образом с ближайшими, и

меня здесь в долине понимают. Раньше отношения были сложными. Те, кто сидел со мной за школьной партой, не могут простить мне всемирной известности. Нападки в основном исходят от моих сверстников – это наводит на мысль о том, что они недовольны собственной жизнью.

Возможно, меня считают эксгибиционистом.

В насмешку они установили перед моим домом тибетские молельные флаги. Но я не сержусь, флаги излучают покой и приятны эстетически. К тому же эти люди натолкнулись на мой решительный отказ выступить в поддержку партии моей родной долины и Южного Тироля, и даже Народной партии. Я не желаю, чтобы спорт использовали для прославления какой-то персоны, или отечества, или даже идеи – как на войне. Но чтобы меня поняли, в сознании людей должны произойти перемены».

Райнхольд Месснер на тренировке

Лангер цитирует точно. Я поражен и читаю дальше.

«Райнхольд Месснер безусловно относится к многочисленным южнотирольским диссидентам, недовольным политикой правительства. Не случайно он часто спорит с представителями власти и всячески подчеркивает свою независимость. Критически настроенный спортсмен? Это нехорошо. Местные обыватели больше любят пай-мальчиков типа Густава Те-

ни, а на таких, как Райнхольд Месснер, срывают зло. Несколько лет назад вымазали его машину. В его почте встречаются анонимные письма с родины: „Эй ты, свинья, волосы постриги!“

Однако политических преследователей Райнхольд Месснер, конечно, не имеет. Он не чувствует в себе призвания к социальной или политической деятельности, хотя раньше, после сдачи экзаменов на аттестат зрелости, некоторое время работал в сфере местного самоуправления и позже – во время учебы на инженера в Падуе – занимался общественными делами.

Сегодня он больше думает о духовной революции, его интересует жизненная философия Востока, с которой он познакомился в многочисленных поездках. Он отвергает и коммунистическое уравнивание, и индивидуализм в западном мире. За событиями в Южном Тироле он следит с известного расстояния, однако довольно хорошо ориентируется в основных проблемах».

«Наилучшим доказательством того, что мне дороги моя страна и Вильнёс, является тот факт, что я здесь живу: из девяти братьев и сестер я единственный остался в долине. Этот дом я купил у прихода – раньше это была школа. Вот почему комнаты такие большие».

Учительская семья Месснеров стремилась дать детям образование. Райнхольд посещал полную среднюю школу в Бозене, потом учился в Падуе и Мюнхене.

«Конечно, в Южном Тироле мне не хватает простора, но эмигрировать я не собираюсь. Может быть, во мне не развилась бы эта самая – почти болезненная – жажда пространства, если бы я вырос в Германии или в США. Быть уроженцем Южного Тироля и альпинистом – это одно и то же: надо уметь пробиваться в одиночку».

Райнхольд считает Южный Тироль «самой нетерпимой страной из тех, что я знаю, даже Бавария терпимее. Виной тому нетерпимость в отношении самого Южного Тироля».

«Альпинизм сейчас – моя жизнь, не только он, конечно, но без него я не могу. Не потому, что хочу выделиться, а потому, что он дает мне какие-то изначальные, основополагающие знания обо мне самом».

Райнхольд и материально живет альпинизмом. Фото, книги, фильмы, поездки с докладами, сообщения для специалистов, школа альпинизма в Вильнёсе... Но у него нет и не будет менеджера. Он и здесь хочет остаться независимым. Домашняя хозяйка из долины Пустер, Вероника, частично ведет его переписку и помогает в подготовке публикаций.

Однако писать и фотографировать – для Месснера не только способ заработка, но прежде всего форма самовыражения. Среди ныне здравствующих писателей Южного Тироля он один из тех, которые больше всего публикуются: у него более десятка книг, многие к тому же переведены на другие языки. В них речь идет не только о горах, но также о нем самом, о людях, с которыми встречался, о странах, в которых побывал, о жизни и смерти.

«Я пишу не столько из необходимости рассказать другим, сколько из желания выговориться самому.

Мои читатели – равно как и слушатели моих докладов – публика разношерстная: от альпинистов высшего класса до убежденных домоседов. Обыкновенный городской житель возмещает этим нечто такое, чего у него нет и никогда не будет».

Райнхольд Месснер был участником или руководителем в 30 экспедициях, у него за плечами первовосхождения, совершенные при экстремальных условиях во всех частях земли, бывало, что он чудом избегал смерти, а в 1970 году на Нангапарбате потерял своего брата Гюнтера. К чему же он стремится? Да опять к неизведанному – новые страны, новые возможности, новые ощущения. Не потому, что он хотел бы слыть героем, «хотя меня вечно подают как героя».

У Райнхольда Месснера нет презрения к людям и

обществу – «Я нуждаюсь в обществе, без него я не мог бы жить», – но отказаться от своей индивидуальности, стать таким, как все, он не может. «Если у человека отнимают его индивидуальность, они перестает быть человеком. Индивидуальное для меня все более выдвигается на первый план – повторения любого рода не интересуют меня».

Я рад, что нашелся человек, который после разговора со мной потрудился правильно сформулировать мои высказывания, а не подгонять их под свою позицию. Как часто именно в Южном Тироле перевирали мои слова, как часто политики использовали мое имя в своих целях. К счастью, я не завишу от политических сил в стране и не получаю от них субсидий. А то пришлось бы покончить с альпинизмом или со своим образом мыслей. Так что опасность срыва в моей жизни ограничивается путешествиями в горах.

Нена перед отъездом в Тибет

Уже сам тот факт, что я говорил с Александром Лангером, сторонником красной «Лотта Континуа», компрометирует меня в глазах правящего блока Южного Тироля. Я уже ощущаю определенную холодность. Ну и что? Скоро я буду снова в пути. Каждый, кто ви-

дит дальше южнотирольского треугольника – Народная партия, церковь, националистическая пресса, – должен быть готов ко всему. Это я знаю уже давно. Почему я не могу приспособиться? При сочувствии «большеголовых» мне было бы много легче. Чтобы принадлежать к клану хозяев жизни, у нас достаточно одного условия: без всякой критики следовать их вероучению. Очень часто, когда я бываю в Южном Тироле, слушаю речи наших политиков, читаю «наши» газеты или узнаю от крестьян, что сказал пастор в церкви, – кусочек неба надо мной снова становится маленьким, как в детстве.

Ущелье Вильнёс проходит параллельно знаменитому Гроднерскому ущелью, но сюда не проникают массы отдыхающих. Здесь мало исторических достопримечательностей и почти нет горнолыжных подъемников.

Это ущелье в Доломитах, солнечное, зажатое между высокими поросшими лесом крутыми горами, полно мирной гармоничной красоты. Часто мне кажется, что известняковые выходы скал придают этой местности грусть, строгость, мечтательность. Здесь, на холме в самом дальнем уголке ущелья я изучаю старые карты Тибета. У меня нет другой цели. Приготовления на этот раз длились всего несколько недель. Поэтому они были так изнурительны. И Нена, которая должна

сопровождать меня до базового лагеря, очень возбуждена. Она начинает дневник, который продолжит во время поездки по Китаю.

«Я с удовольствием отправляюсь в Китай. Надо быть сумасшедшей, чтобы отказаться. Мне нравится видеть других людей, жить с ними, мне бы очень хотелось увидеть настоящий Китай. Но я волнуюсь, когда представляю себе, что поеду с этим человеком. Идти с ним, смеяться, плакать, узнавать с ним горы, делить с ним какую-то часть своей жизни. После своего развода Райнхольд почти три года живет, отгородившись от всех стеной. Трудно пробиться через эту стену. Только иногда он позволяет заглянуть в свой интимный мир».

Тибет – приволье для кочевников

*Потала – это рай для Будды,
Потала – дворец Ченрицина.
На восток, запад, юг, север – Потала.
Над всей этой землей царит Потала.
Тибетская поговорка*

Отъезд

Когда один журналист предложил нам взять на Эверест портативную радиостанцию, Нена записала в своем дневнике:

«7 июня. Представляю, что люди обо мне думают. Будь я нормальной женщиной, я бы, находясь в базовом лагере, каждый вечер связывалась с Райнхольдом по рации, чтобы морально поддерживать его и быть уверенной, что у него все в порядке. Но у меня собственное мнение на этот счет. Райнхольд не знает меня, хотя мы прожили вместе шесть месяцев. Он решил взять рацию из-за меня, но я против. По-моему, это не одиночное восхождение, если ты можешь поддерживать радиосвязь с базовым лагерем. Рацию в

данном случае можно сравнить с кислородными баллонами. Для неспециалистов, возможно, не так важно, с кислородом или без кислорода поднимается человек на Эверест. Но на самом деле различие очень велико. Повышается чувство безопасности. То же и с рацией: пользуешься ею или нет, знаешь, что всегда есть возможность радиосвязи. Я понимаю, как интересно было бы для широкой публики узнать, о чем думает человек, поднявшись на вершину Эвереста. Это как первая высадка на Луну. Космонавты смогли поведать человечеству о своих эмоциях. Но я предпочитаю не разговаривать с Райнхольдом, когда он на вершине, и по многим причинам. Я могу поставить себя на его место и уверена, что для него в этот момент важнее побыть одному. Увидеть сверху горы и долины — это еще не все. Важнее достичь вершины ради самого себя. Смотреть оттуда вниз, понять и принять все прекрасное и уродливое, что нас окружает, правильно оценить самого себя, отказавшись от иллюзий. Райнхольд стремится к самопознанию. Я уверена, что он пойдет без рации.

Советчики упустили из виду не только вес аппарата, но и то, что он влияет на возможность выживания. Наличие рации нарушит чистоту опыта.

Но есть еще и мое собственное, только мне принадлежащее соображение. Мои переживания тоже будут

более полными и яркими. Конечно, мне будет страшно. Страх уже сейчас охватывает меня. Но если я выдержу все это, я вырасту в собственных глазах. И еще одно. Я хочу, чтобы Райнхольд без радиации там, наверху, думал о нас обоих. Пустая болтовня может помешать ему, а это очень важно. Если он не будет постоянно чувствовать моего присутствия – где тогда наша дружба? И могу ли я отважиться говорить о любви?»

В Мюнхене мой издатель дает мне прочитать статью «Штурм вершины и расточительность мужества» с критическим анализом планируемого мной одиночного восхождения. Себастьян Лейтер написал ее для венского «Курьера».

«Я спрашиваю себя, чем так притягивает людей этот Эверест. Он был покорен в 1953 году мистером Эдмундом Хиллари из Новой Зеландии, который благодаря этому был возведен в дворянство.

С тех пор туда лезут и лезут, впечатления одни и те же: воздух разрежен, собачий холод, виды, конечно, прекрасные, но только в хорошую погоду (к тому же с любого реактивного самолета обзор лучше). Подъем и спуск дороги и опасны для жизни. Южно-тиролец Райнхольд Месснер всего два года назад отважился на новое сногшибательное предприятие – он первым покорил высочайшую гору мира без кислородных баллонов. Смысл этого восхождения, воз-

можно, в том, чтобы увеличить трудности. Райнхольд Месснер постоянно ищет трудности. Теперь он будет атаковать гору вторично со стороны Тибета, да еще в самое опасное, муссонное, время. Таким образом он вступает в конкуренцию с японским альпинистом Наоми Уэмурой, который планирует не менее опасное зимнее восхождение. Японец считает это самым суровым испытанием мужества.

Зимой ли, в муссон ли – кто-то из них победит...

А что дальше?

На Эвересте нечего будет делать, он станет бессмысленной грудой камней, пригодной только на то, чтобы глазеть на нее – снизу?

Мне кажется, однако, мы недооцениваем фантазию горовосходителей. А что если взойти ночью и без карманного фонарика? Или не прямо вверх, а по спирали, вокруг горы? Еще можно босиком, в кандалах, и когда уже все будет исчерпано, с черной повязкой на глазах?

Я знаю, что дело не только в самой вершине.

Речь идет, как сказал Месснер в одном интервью, «о подсознательной мотивации», «о противодействии искусственно вызванной смерти» – сама природа здесь мерило человеческого мужества.

А я считаю человеческое мужество слишком дорогим, чтобы разбазаривать его таким манером. Оно го-

раздо больше необходимо где-то в другом месте: в долинах, городах, деревнях – в своем простейшем виде – как гражданская отвага».

Я и обрадован и поражен одновременно. Лейтер совсем не так неправ. И как он смог понять мои мотивы?

От издателя мы с Неной спешим в «Бавария-фильм», у Юргена Лемана кое-что есть для меня. Из немецкого посольства в Пекине получено отнюдь не радостное сообщение.

«К сожалению, Союз альпинистов не может продлить визу для Райнхольда Месснера до сентября. Контрпредложение: с 15 июля по 31 октября 1980 г.».

Незадолго до этого я просил о продлении срока моего пребывания в стране. Что делать? Однако менять свои планы я не могу. О более позднем вылете не может быть и речи.

Мы летим, как было запланировано.

«Я поверю в то, что мы летим в Китай, только когда „Джет“ поднимается в воздух», – сказала Нена еще в Мюнхене.

Мы в самолете, до Пекина осталось всего полчаса лета, Нена записывает в дневнике:

«17 июня. Все еще трудно поверить, что мы с Райнхольдом на пути к Эвересту. Последние месяцы были для меня мучением: сборы, упаковка. Теперь я вне

себя от восторга.

Ежедневно я слышала от Райнхольда: «Я сделал большую ошибку, что решил взять тебя с собой. Лучше бы взял Урсулу Гретер». Урсула сопровождала его в 1978 году на Нангапарбат. Но в конечном счете никто не соответствует полностью требованиям Райнхольда. До последнего момента я не была уверена, возьмет ли он меня. Меня буквально парализовал страх быть отброшенной прочь при малейшем неверном движении.

Однажды он поставил мне условие – исчезнуть из его жизни после нашего возвращения. Потом ему самому казалось это смешным. Что за представление о союзе людей у этого человека! Сколько раз за эти шесть месяцев мы строили различные планы, потом сами же разрушали их. Во всяком случае, он никогда не бывает занудой. Чтобы жить с ним в одном ритме, надо обладать такой же энергией».

Приезжаем в Пекин смертельно усталые. От аэропорта до города едем в микроавтобусе. В каком-то полубезытии смотрю в окошко на пробегающие мимо деревья и дома. Стенды вдоль дороги увешаны плакатами с гигантскими рисунками и иероглифами. Не могу определить, что это – партийная пропаганда или речь идет о производстве. Не могу сразу сказать, утро за окном или вечер. В июне небо над Пекином пыль-

ное и серое, воздух так горяч, что нельзя сделать ни шага.

Несмотря на это, улицы полны народа. Множество мужчин и женщин гордо нажимают на педали своих велосипедов. Позже я узнал, что эти пресловутые черные велосипеды для китайцев так же престижны, как для нас в пятидесятые годы фольксваген. Не всегда даже отличишь мужчину от женщины. На каждом голубой или оливковый костюм. Мао стал самым влиятельным законодателем моды.

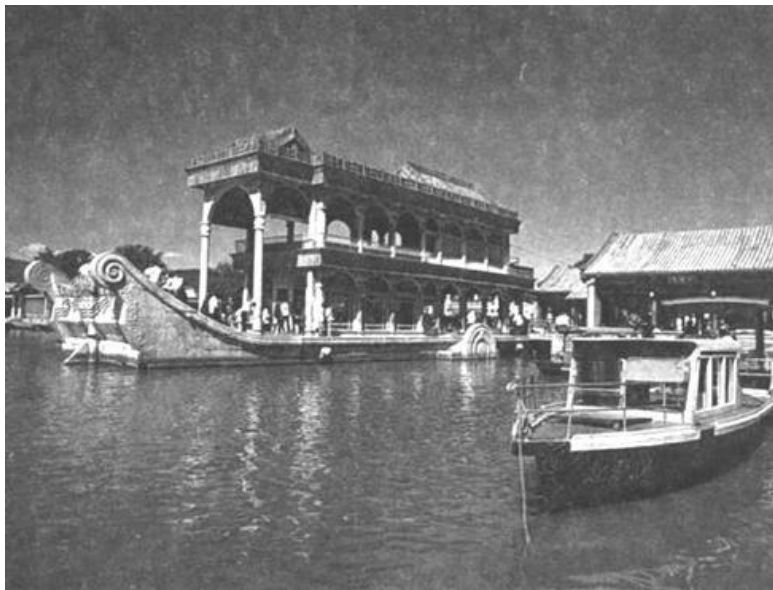
В Пекине

Вечерняя прогулка в окрестностях отеля дарит нам новые впечатления. Из-за катастрофической нехватки жилой площади многие китайцы свою личную жизнь выносят вечером на улицу. Пожилые мужчины сидят на бамбуковых стульчиках под фонарями и читают газеты. Другие на тротуаре играют в шашки. Одна женщина заплетает косу своей дочери. Вообще малыши одеты ярко, волосы украшены бантами. Таким образом матери компенсируют свою тоску по красивой одежде, по индивидуальности. В целях сдерживания роста населения каждая семья может иметь только одного ребенка. Нарушители штрафуются уменьшением жалования. Мы увидели огромную ярко раскрашенную киноафишу. Угрюмого вида мужчина обнимает томную женщину. Новейший китайский фильм. Нам захотелось его посмотреть. Однако сколько мы ни пытались узнать что-то у прохожих, все отвечали жестами смущения. Здесь никто не говорит по-английски. В кино мы не попали. Несмотря на это, мне нравится чувствовать себя настоящим иностранцем. Смертельно усталые мы валимся на наши гостиничные постели с ватными, покрытыми ярким шелком одеялами.

19 июня. Просыпаемся с чувством пустоты в душе. Нена записывает:

«Тоска! Мы переживаем необыкновенное одиночество. Его невозможно объяснить. Мы оба привыкли и путешествовать, и жить в экстремальных условиях. Однако в этой нашей первой совместной поездке мы настолько изолированы от окружающего мира, что чувствуем себя на необитаемом острове. Мы вынуждены учиться жить вместе. Друг с другом мы говорим по-английски, и Райнхольд не в состоянии вести со мной детальные разговоры, ему не хватает словарного запаса. Это усугубляет наше одиночество. Будет нелегко, но несмотря на это я радуюсь предстоящим трем месяцам вдвоем».

Между сном, едой и обсуждением формальностей с КСА мы все время ходим по улицам города. Мы приобрели еще несколько радиостанций в магазине «Дружба», своего рода модной лавке, где встретили почти всех иностранцев, живущих в это время в Пекине. В Китае употребляется два вида денег: «старые» юани — для простых жителей Китая, и «новые» юани, которые выдаются на валюту, так называемые туристские деньги, на которые можно покупать товары в магазине «Дружба». Это дополнило чувство изолированности и вообще оставило неприятный осадок.

Парк Бейхай в Пекине

В течение дня в городе царит деловая атмосфера. Вечерами настроение печальное, подавленное. Люди курят и толпятся на автобусных остановках. Навязанный нам переводчик большую часть времени бродит вместе с нами. Его английский достоин сожаления. В основном он выучил его самостоятельно, так как благодаря этому имеет возможность общаться с иностранцами. Он употребляет свои знания на то, чтобы непрерывно расспрашивать нас о газетных сенсациях, деньгах и сексе. Ведь мы для него представляем

Запад. Это приводит нас в отчаяние. Идем туда где мы, по-видимому, свои люди. Такси доставляет нас в «Интернациональный клуб». Заплатив 14 юаней – это около 20 западных марок, недельная зарплата китайского рабочего – вступаем в эту мешанину из диско, бильярда, бара и аттракционов. Большинство гостей, к нашему удивлению, составляют молодые китайки. Оказывается, здесь есть «привилегированный» класс. Одетые в яркие платья западного, покроя и утрированно модно причесанные, эти люди пытаются изображать космополитов. Атмосфера затхлая. И это тот новый Китай, о котором мы столько слышали?

Накануне состоялся еще один роскошный ужин, на который КСА пригласил также участников китайской эверестской экспедиции 1975 года. Наконец-то мне представился случай побольше узнать об этом мероприятии.

Успех китайцев

В 1960 году армия Китайской Народной Республики организовала экспедицию с целью покорения Эвереста. Мао Цзэдун был почетным руководителем экспедиции. Но китайцам не повезло. Когда первое сообщение о покорении вершины достигло западного мира, никто им не поверил. Несколько неубедительных фотографий, на которых фактически не было ничего конкретного, идентифицируемого с Эверестом, невозможно было принять всерьез.

«Народные массы обладают неограниченными творческими силами, организованно они могут достичь успеха в любом виде спорта», – сказал Мао.

В 1975 году так и было. При поощрении партии величайшая экспедиция всех времен выступила из Лхасы. Для переноски грузов от Ронгбука к подножию горы была фактически построена дорога. В развалинах монастыря, из которого в 1967 году изгнали последних монахов, расположились лагерь более трехсот тибетцев и китайцев. По маршруту, разведанному англичанами за 50 лет до этого, должно было подняться как можно больше людей. Чтобы провозглашенное равенство не осталось пустым словом, в команду были взяты женщины, из которых более 20 достигли вы-

соты 8000 метров.

От Ронгбука до передового лагеря на высоте 6500 метров китайцы проложили телефонную линию. Ежедневно из громкоговорителя звучали бодрые речи, утренняя гимнастика тренировала тело, а идеологические дискуссии – дух.

Многочисленные яки тащили грузы. В удивительном едином порыве китайцы ставили один высотный лагерь за другим. Они обезопасили вторую ступень – ту самую «second step», которая приобрела печальную известность в связи с исчезновением Мэллори и Ирвина. Были использованы алюминиевые лестницы. Более 200 человек создавали фундамент для тех девяти, которые в конечном счете достигли вершины. Они явились завершающим кирпичиком коллективной пирамиды.

Тибетка Фантог была не только заместителем начальника экспедиции. Она – вторая женщина после японки Юнко Табеи – достигла высшей точки вместе с восемью мужчинами 27 мая. Это была невиданная до того времени эверестская экспедиция. На этот раз китайцы позаботились о том, чтобы никто в мире не усомнился в их победе. На вершине они поставили геодезический штатив с флагом Мао и сняли фильм обо всем мероприятии.

Немного ниже второй ступени

Хотя команда при восхождении время от времени принимала кислородный душ, передовая группа около часа провела на вершине без кислорода.

Когда на этом вечере китайский альпинист окончил свой рассказ, я задумчиво посмотрел на него. Как должен отнестись к моему упадническому одиночному восхождению этот человек, воспитанный на принципе «индивидуальность – ничто, коллектив – все»? Он улыбается мне и поднимает свой бокал: «ганьбэй!»

Китайцы на вершине Эвереста в 1975 году. Слева геодезический штатив

Мир Востока – мир Запада. Для меня альпинизм не столько спорт, сколько игра, не столько борьба, сколько приключение, путешествие по дикому удаленному ландшафту, возможность игры в нашем свертехнизированном мире. Я пью за моего друга Быка Оэльца. Он как-то называл альпинизм «игрой страдания».

Утром мы вылетаем из Пекина в Чэнду в провинции Сычуань, это следующий этап на пути в Лхасу.

Лхаса

Нам не терпелось увидеть Лхасу, но в то же время было жаль, что приходится так быстро оставить Чэнду. После пыльного серо-коричневого Пекина провинция Сычуань показалась мне оазисом. Она выглядела так, как я представлял себе Китай в детстве: бескрайние зеленые рисовые поля, перемежающиеся крытыми тростником крестьянскими домиками в густых и высоких бамбуковых рощах.

Поля разделены множеством узких дамб, некоторые покрыты водой, в которой отражается серебристо-серое небо. По дамбам бродят босые крестьяне с коромыслами, на которых сзади и спереди висят деревянные бады. Под плоскими соломенными шляпами недостает только длинной китайской косички (*ношение косичек – маньчжурский обычай. Он был насажден маньчжурами после завоевания ими Китая в XVII в., рассматривался китайским народом как символ маньчжурского господства и был ликвидирован после Синьхайской революции*), она и здесь заменена радикальной военной стрижкой. Это тот Китай, красота которого глубоко трогает меня.

Наш старый винтовой самолет поднимается с летного поля и медленно набирает высоту; низменный

ландшафт под нами постепенно сменяется холмистым. Холмы переходят в горы, на горизонте сверкает первый снег. Мы приближаемся к горным цепям Восточного Тибета. Вытянутые, пятнисто-коричневые хребты с редкими домишками у подножия сменяются причудливым морем скал. Как гигантские гребни из морской пены, все увереннее выныривают семитысячники; обледенелые вершины, сверкающие ледники. Мое сердце бьется сильнее. Мы летим вдоль песчаного русла реки, которая в Тибете называется Цангпо, а в Индии Брахмапутрой. Под нами расстилается Тибет.

Наконец мы приземляемся на аэродроме, расположенном на высоте 3600 метров. Я нетерпеливо переступаю с ноги на ногу. Теперь только два часа на джипе, и мы будем в Лхасе. Я не могу этого дожидаться. Наконец мы погрузили рюкзаки в автомобиль, договорились об отправке остального багажа и отъехали. Позади нас в двух микроавтобусах едут организованные туристы.

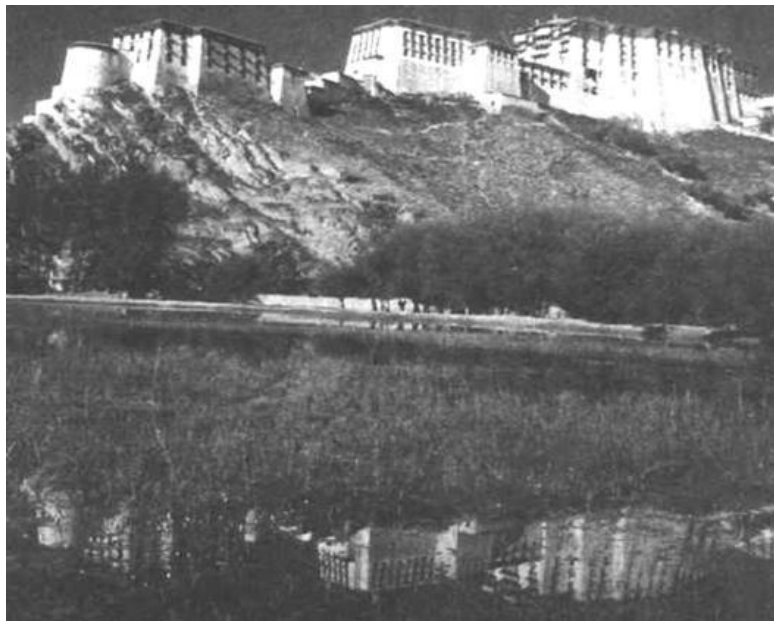
Аэродром в долине Цангпо(Не точно. Аэродром находится на плато в нескольких десятках километров севернее Лхасы.)

Мы приближаемся к Лхасе, загадочному городу в загадочной стране, куда веками стремились авантюристы, исследователи и религиозные мистики. Я думаю о тех, кто пытался попасть в Лхасу до нас. Генрих Харрер в 1944 году бежал из индийского лагеря для интернированных и после месяца изнурительного пешего перехода, чудом оставшись в живых, достиг

со своим другом Петером Ауфшнайтером города «божественного владыки» и прожил в нем 7 лет. Шведский исследователь Азии Свен Гедин предпринял три полных приключений путешествия: одетый то пилигримом, то пастухом, то как почтенный купец, нагруженный товарами, терпя невероятные лишения, он пытался приблизиться к этому удивительному городу. Он не увидел Лхасы. Туристские автобусы позади нас кажутся мне оскорблением самоотверженности этих людей.

Наш маленький моторизованный караван, утопая в пыли, движется по берегу реки Киичу. На серо-коричневой плоскости возвышаются скалистые горные цепи тускло-фиолетового цвета. Кое-где видны зеленые пятна небольших рощиц — ивы или тополя, чья нежно-зеленая листва пронизана солнцем и светится, как волосы белокурой женщины. Иногда — крошечная деревня с выбеленными известью домиками. К нашей радости, замечаем то там, то здесь на плоской крыше шест и на нем пестрый молитвенный флаг. Над долиной в прозрачном воздухе кружит ястреб. Я радуюсь. Ведь я читал, что в Тибете нет больше диких животных и птиц, их всех будто бы перестреляли китайские солдаты. Большая желтая собака лениво трусит по серой гальке речного русла и скрывается в сухой траве. Через час с лишним езды по ухабистой горной

дороге долина Киичу расширяется.

Потала

В середине ее возвышается холм, на котором, как фата-моргана, сверкают на солнце золотые крыши. Это Потала! Огромная белая крепость с черными оконными проемами, кажется, выросла из холма. Она сужается кверху и заканчивается выкрашенной в красный цвет частью, которая увенчана позолоченной крышей, похожей на крышу пагоды. Как огромный каменный корабль, возвышается Потала на

Марпори, «красной горе». Я человек неверующий, но без труда могу себе представить, как чувствуют себя набожные пилигримы, в первый раз увидев собор св. Петра или Мекку. Слово «Потала» означает «надежная гавань» (*Санскритское слово «потала» действительно означает «гавань», «порт».* Однако название дворца в Лхасе, видимо, восходит к тибетскому слову Потала – мифическая гора, обиталище бодхисатвы Авалокитешвары, воплощением которого является далай-лама), а слово «Лхаса» – «город богов». Однако чем ближе мы к городу богов, тем больше меня раздражают безобразные алюминиевые баки и бетонные фасады домов, похожие на казармы. Что осталось от старой Лхасы? Не доезжая до города, наш джип сворачивает налево, в маленькую аллею; затем, проехав два шлагбаума, въезжаем в небольшой огороженный со всех сторон поселок, это так называемый гостиничный город. Мы снова в гетто. После того, как мы перенесли свое имущество в просторные, красиво обставленные комнаты, нас провели в столовую. Занимаем места за покрытым белой скатертью столом. В стеклянном кувшине пластмассовые цветы. «Добро пожаловать в Тибет!» Смотрим на чистый туристский бланк. Торопливо глотаем пищу. Теперь мы свободны. Нас с Неной тянет в город, к счастью, офицер связи и переводчик ушли в свои комба-

ты. Они должны привыкнуть к высоте в покое. Лхаса как-никак лежит на высоте 3700 метров.

3 километра от отеля до города проходим пешком. У нас есть с собой старинная карта-схема, и мы прежде всего ищем Лингкор, знаменитую улицу пилигримов, которая тянется вокруг священной части города. Асфальт, бетон и гудящие грузовики соседствуют со статуями Будды и с ползущими в пыли пилигримами. Пройдя мимо банков с зарешеченными окнами и других административных зданий, которые, как безобразное жабо, окружают парящую над всем Поталу, мы попадаем в узкие улочки и вдруг оказываемся на Паркхоре, улице, кольцом опоясывающей храм Джокханг, самое священное место Тибета. Его окружают старые тибетские городские дома с резными оконными наличниками. У их стен на земле расположились со своими товарами торговцы. Ткани, обувь, шерсть, жестяная посуда. Пестрая людская толпа бредет по кругу по часовой стрелке. После вакуума, в котором мы оказались в Пекине, дух захватывает от оживленности старой Лхасы. Здесь толпятся пилигримы со всего Тибета. Высокие мужчины из мятежной провинции Кхам, с торчащими вверх косичками, перевязанными красными шерстяными лентами; тибетцы из Амдо (*Кхам, Амдо – исторические области Тибета, расположенные на территории совре-*

менных провинций Цинхай и Ганьсу (Амдо), Сычуань, Юньнань и восточной части Тибетского автономного района (Кхам). Племена Кхама отличались воинственностью, вплоть до образования КНР они вели полунезависимый образ жизни, принимали активное участие в антиправительственных выступлениях второй половины 1950-х гг.), которых можно узнать по их круглым шляпам; кочевники в засаленной одежде из овечьих шкур. В уличной пыли – старая женщина, ползущая по Паркхору. Когда ее лоб и защищенные деревянными дощечками руки касаются земли, она приподнимается, затем снова вытягивается во всю длину своего тела. Раньше пилигримы таким способом нередко проходили весь путь от своей деревни до Лхасы.

В Лхасе, которая была столетиями отгорожена от мира, иностранцы – все еще нечто вроде диких зверей. В мгновение ока мы были окружены таким тесным кольцом, что нам не хватало воздуха. Смотрим в смеющиеся глаза, едва не теряя сознание от дыма, запаха сала и мочи. Почти каждый держит у нас перед носом какой-нибудь амулет, драгоценный камень или лоскут материи, желая продать его. Я счастлив: наконец-то мы здесь.

Перед храмом Джокханг под древней засохшей ивой, увешанной молитвенными флажками, располо-

жились пилигримы и нищие с детьми и всем своим скарбом. Запах от воскурений мешается с запахом масляных лампад. На каменных плитах перед входом в храм распластались молящиеся. Их пальцы перебирают жемчужные четки, губы шепчут молитвы. «Ом мани падме хум» («О, драгоценность в цветке лотоса»).

Торговля на рынках была запрещена вплоть до 1980 года. Теперь тибетцы снова торгуют и явно наслаждаются этой маленькой свободой. Ячье масло, зелень, спрессованный в плитки чай идут нарасхват. Множество собак дремлет под прилавками, найдя там спасение от дневного зноя. Разрешение держать собак – тоже новшество. В свое время их всех уничтожили хунвейбины, заботясь о «санитарном состоянии» города. Если вам известна любовь тибетцев к животным, вы поймете, какое страшное зло было причинено этим народу. Буддизм не приемлет убийства чего бы то ни было живого. В старой Лхасе, например, существовал такой обычай: человек, желавший искупить свои грехи, мог купить у мясника животное, предназначенное на заклание, и таким образом сохранить ему жизнь.

Парадная лестница в Потале

Тысячезальная Потала

Мы с Неной присоединяемся к цепочке пилигримов, бредущих по Паркхору. Нас убаюкивает шарканье ног, жужжание молитвенных цилиндров, запах благовоний, которые сжигают на маленьких алтарях. В толпе изредка появляется зеленая военная фуражка с красной звездой, но из-под нее, как правило, смотрит дружелюбное лицо тибетца. На Паркхоре не часто встретишь китайца. Утомленные высотой, от которой успели отвыкнуть, и массой впечатлений, возвращаемся в

отель и послушно садимся за ужин. Наш переводчик Цао выхлопотал для нас разрешение посетить Поталу. Туда мы и направляемся на следующее утро. Возле самого дворца в озере женщины из старого города стирают белье, ковры, моют визжащих детей.

Проходим мимо парадной лестницы, грандиозного сооружения, поднимающегося зигзагом по наружной стене здания, и присоединяемся к нескольким кочевникам, которые преодолевают крутую извилистую тропу. Здесь между деревьями протянуты длинные веревки из ячьей шерсти, на которых колышется множество цветных молитвенных флагов. У входа нас ожидает гид – китайка в нелепой белой панаме. Она пунктуальна. Нас неприятно поражает то, как бесцеремонно она расталкивает на крутой лестнице пилигримов, которые попадаютсся нам навстречу со своими масляными лампадами. Мы все время делаем попытки уйти от нее. Напрасно. Тотчас же из-за какого-нибудь угла появляется китайский служащий и задерживает нас до тех пор, пока она не подойдет. Так нас ведут в полутьме мимо сверкающих бронзовых статуй Будды, через торжественные молитвенные залы и библиотеку, все глубже внутрь этого удивительного муравейника.

Потала реставрируется

Потала имеет в длину 365 метров, в ширину 335, в высоту 109. В ней более тысячи помещений. В несвященной белой части здания раньше жили и исполняли службу высшие государственные чиновники, в семиэтажной красной части жили монахи. При тусклом свете масляных лампад они молились перед усеянными драгоценными камнями статуями Будды и Бодхисатвы – тем богатством, которым гордились даже самые бедные в стране кочевники. Мы видим статуи в

искусно украшенных чортенах погребенных здесь далай-лама.

Тибетцы верят, что далай-лама – это Бодхисатва, просветитель, который, благодаря своей доброте и мудрости освобожден от случайностей нового возрождения, и вернулся в мир, чтобы спасти страдающее человечество. В то же время он является воплощением Ченреза (*Не точно. Ченреза – тибетская калька санскритского имени Авалоки-тешвары, бодхисатвы, по некоторым представлениям родоначальника тибетцев и покровителя Тибета. Земным воплощением Авалокитешвары и является далай-лама*), бога защитника, родоначальника и господина всех тибетцев. Когда далай-лама умирает, то Бодхисатва вселяется в новорожденного младенца. Государственный оракул и собравшиеся ламы должны отыскать его среди многих новорожденных по определенным признакам.

Наш гид ведет нас дальше мимо стенных росписей на сюжеты буддистской мифологии, по идиллическим внутренним дворикам и крутым, похожим на стремянки лестницам на крышу Поталы. Нас радует то, что мы там видим. Новая каменная кладка, все покрашено, мусор убран. Потала реставрируется. У девушек-строителей радостные лица. Может быть, они надеются, что «божественный владыка» вернется в

родовое гнездо. Правительство КНР в 1978 году предложило XIV далай-ламе, находящемуся в эмиграции, вернуться на родину (*XIV далай-лама, Лобсанг Тэнцзин-джамцо, родился 6 июня 1935 г. в крестьянской семье на территории современной провинции Цинхай. В марте 1959 г. бежал в Индию, в настоящее время живет в г. Дхарамсале. Первые предложения вернуться на родину были сделаны официальными лицами КНР в конце 1978 г. С 1979 г. КНР посетили несколько неофициальных делегаций тибетских эмигрантов. В 1982 и 1984 гг. состоялись переговоры между представителями правительства КНР и далай-ламы, на которых обсуждались пути решения «тибетского вопроса» и возвращения далай-ламы в КНР. Переговоры закончились безрезультатно*). С тех пор в Тибете побывало три делегации от далай-ламы, чтобы на месте узнать о положении своих соотечественников. Их сообщения вынуждают «божественного владыку» повременить. Несмотря на новый курс Пекина, пройдут еще годы трудных переговоров, прежде чем тибетцы получат назад свое «драгоценное сокровище». Размышляя таким образом, смотрю на старый город и на крыши из гофрированного железа безотрадной архитектуры времен культурной революции. Ничто не может лучше передать ситуацию в Тибете, чем вид оскверненной, но все еще живой Лха-

сы. В отеле я пытаюсь поделиться своими впечатлениями с Цао. Он огорчен и считает, что я должен понять и точку зрения китайцев. Робко протягивает мне агитационную листовку.

Китайская агитационная листовка

Тибет – автономная область, расположенная в юго-западном Китае у государственной границы. Здесь среди покрытых снегом гор, зеленых степей и древних лесов живет около миллиона трудолюбивых и отважных тибетцев, монпа, а также представители других национальностей. До освобождения феодально-крепостнический Тибет представлял печальное зрелище политической коррупции, экономического застоя и культурной отсталости. Три феодальных властителя – реакционное местное правительство, монашество и дворянство, составляя меньше пяти процентов населения, владели всей землей и большей частью вьючных животных. Они беспощадно эксплуатировали широкие народные массы Тибета. Крепостные, облагаемые всевозможными налогами и поборами, подвергались жестоким истязаниям: их били, стегали плетью, отрезали языки, выкалывали глаза, обдирали кожу... Старый Тибет был адом на земле!

Со времени мирного освобождения в 1951 году, и

особенно после демократической реформы 1959 года, в Тибете произошли огромные перемены. Бывшие крепостные теперь стали хозяевами земли и сами вершат свою судьбу. Индустрия, земледелие и животноводство постоянно развиваются; культура, а также образование и здравоохранение, достигли больших успехов; условия жизни народа быстро улучшаются. В результате демократической реформы Тибет шагнул через несколько столетий из феодально-крепостнического общества в социалистическое. Вместе с другими народами Китая тибетцы теперь шагают вперед по пути социализма.

Цао не понимает, почему я потерял аппетит.

Чудо света в Шегаре

Утром 27 июня мы покидаем Лхасу. Солнце еще не взошло. Воздух свежий и холодный. Я бросаю последний взгляд на Поталу и на развалины медицинского училища Чагпори (*Речь идет о школе, готовившей врачей тибетской медицины. Она основана (или реконструирована) V далай-ламой в XVI в. в Лхасе, на горе Чагпори («железная гора») (теперь там запретная зона).* Цао, Нена и я сидим в джипе, позади нас едет взятый напрокат военный грузовик с Ченом, сопровождающим офицером. Автомобилями управляют шоферы-китайцы в белых хлопчатобумажных перчатках. Багаж нашей экспедиции не составляет и трети от всего груза. Улицы города уже оживлены. Пешком и на велосипедах люди спешат на работу на близлежащую цементную фабрику. Торговцы везут на рынок свежие овощи. Пилигримы тянутся к Паркхору, чтобы совершить утреннее воскурение.

Мы держим путь на запад. Справа от нас в голубой холодной тени горного склона лежит Дрепунг (*Дрепунг – один из трех «великих» монастырей, расположенных вблизи Лхасы (основан в 1416 г.), играл значительную роль в политической и экономической жизни старого Тибета. Среди настоятелей мона-*

стыря были II, III и IV далай-ламы. После утверждения власти школы Гэлугпа (вторая половина XVII в.) центральные государственные и церковные органы управления находились не в Дрепунге, а в Потале. В настоящее время Дрепунг занимает важное место в религиозной жизни тибетцев. В монастыре проживает более 400 монахов, открыта Буддистская академия, готовящая священнослужителей.) – один из трех монастырей, откуда тибетская церковь управляла государством. Здесь жило более 7700 монахов, среди них знаменитый государственный оракул. Черные оконные проемы зияют на белых стенах «Рисовой кучи» (так переводится слово Дрепунг), разрушенной и покинутой всеми.

Примерно через час езды мы пересекаем охраняемый мост через реку Киичу. Отара овец бредет по прибрежной гальке к мутной воде. Рядом старая лодка. На пыльной дороге то и дело встречаются пешеходы, идущие в Лхасу. Наш шофер пугает их пронзительными гудками, они шарахаются в стороны от машин. Тряска и качка джипа убаюкивают меня, просыпаюсь только, когда начинаю зябнуть. Мы находимся высоко, становится довольно холодно. Под серпантином дороги – разрушенные деревни. Посреди них видны свежевыбеленные остатки храмов. На серо-коричневом фоне склонов, как зеленые пасхальные яйца, ле-

жат крошечные возделанные поля. Здесь нет деревьев. Вдали вроссыпь передвигаются черные точки – пасущиеся яки. Мы поднимаемся все выше, ветер становится режуще холодным. На перевале высаживаемся.

Горный перевал увенчан кучей камней. Согласно верованиям тибетцев, перевалы населены духами. Чтобы настроить их благосклонно, благочестивые путники кладут здесь для них камни, на которых раньше часто были искусно вырезаны молитвы. В эту каменную стену воткнуты бамбуковые шесты, на которых висят молитвенные флаги и клочки овечьей шерсти. Даже изношенная парчовая шапка развевается на ветру. Глубоко под нами огромное бирюзово-синее озеро. Его многочисленные рукава и заливы обрамлены горными хребтами. Кое-где видны деревеньки и террасы пашен, которые кажутся игрушечными. Позади коричневых хребтов вырастают горные цепи разных цветовых оттенков. На горизонте четко вырисовываются остроконечные белые вершины. И надо всем этим простирается темно-голубое небо, по которому, как сказочные животные, плывут отдельные снежно-белые облака.

Никогда прежде я не чувствовал во время путешествия такой внутренней тревоги. Но сейчас я на какое-то мгновение совершенно счастлив.

Цао торопится. Мы должны еще сегодня прибыть в Шигацзе, а это далеко. Наш джип ползет вниз по серпантину дороги, навстречу неподвижной бирюзовой глади озера. Когда скорость увеличивается, мне становится досадно. Хотелось бы идти пешком, чтобы слиться с пейзажем, чтобы ритм шагов соответствовал течению мыслей.

Мы переезжаем озеро по дамбе, которая почти полностью затоплена водой. То и дело попадаются небольшие группы рабочих, занятых ремонтом дороги.

Исправные дороги необходимы для осуществления контроля над страной. Китайцы проводят гигантские работы по освоению до сих пор почти лишённого дорог Тибета.

Иногда навстречу попадаются грузовики, кабины которых украшены свежим бамбуком. Цао объясняет мне, что они едут из долины Ниларму, на непальской границе. Водители везут с собой в скупое высокогорье немного от тамошнего изобилия. Между Китаем и Непалом существует обмен товарами, но я не совсем понял, чем они торгуют. Мы останавливаемся перед казармой, Цао и Чен здороваются с комендантом, с гордостью, как диких животных, представляя нас. Мы пьем чай из эмалированных, раскрашенных чашек. Комендант — молодой китаец живет

здесь 10 лет и за это время видел свою семью только два раза. Его комната бедна, но опрятна. Железная койка, два стула, грубый стол, миска для умывания, телефон – вот и все. На стене, оклеенной белой оберточной бумагой, висят на гвоздях две шапки. Хлопчатобумажная – для лета, меховая – для зимы. Этот человек доброжелателен и вежлив. Родом он из Южного Китая, тоскует по дому и прячет тоску за благоразумием слов. Он предлагает нам липкие конфеты на жестяной тарелке, и его жест исполнен спокойного дружелюбия, которое напоминает о старом Китае. Впервые в жизни меня тронул военный комендант, я почувствовал в нем человека, страдающего и одинокого. Перед ним и его солдатами стоит задача – следить за проведением экономических мероприятий в стране, объясняет мне Цао. При этих словах я снова возвращаюсь в настоящее.

Дорога ведет нас все дальше и дальше на запад. Маленькими оазисами кажутся раскинувшиеся среди разделенных земляными насыпями оросительных каналов деревни со вспаханymi полями, пасущимися на нежно-зеленых лугах яками и коровами. Нередко новая деревня построена неподалеку от разрушенной. Теперь мы уже с первого взгляда отыскиваем немного выше селения развалины монастыря или гомпы, маленького храма. У некоторых деревень видим груп-

пы колхозников, занятых пахотой. Упряжки яков тянут странные допотопные плуги. На рогах этих хрюкающих быков в качестве украшения прикреплены красные шерстяные помпоны. Хомуты украшены красными флагами Народной Республики, однако на шкуре животных я то и дело вижу маленькие молитвенные вымпелы. Дети с визгом бегут нам навстречу; каждый раз, когда мы останавливаемся, нас тут же окружают люди, на нас смотрят темные лица, с нами шутят, но мы ничего не понимаем.

Плодородные оазисы в долинах рек сменяются широкими равнинами, покрытыми песком или травой. То тут, то там на фоне ясного неба высятся разрушенные выветриванием скальные бастионы.

Высшая точка перевала между Лхасой и Шигацзе
После восьми часов езды через перевалы и доли-

ны, потные и грязные, мы приближаемся к широкой долине Цангпо Шигацзе. Бараки военного типа, крыши из гофрированного железа, обнесенные колючей проволокой стены. На удручающем цементно-сером фоне что-то сверкает теплым красным и золотым цветом: монастырь Ташил-хунпо. Райская птица в бетонном гнезде. Выше – как и следовало ожидать – остатки огромной разрушенной крепости. Шигацзе – второй по величине город Тибета. Когда-то он был знаменит серебряной кузницей и ковровой мастерской; здесь растет самая лучшая в Тибете пшеница. Здесь была резиденция панчен-ламы (Панчен-лама – один из двух высших иерархов (наряду с далай-ламой) буддистской церкви в Тибете. Пан – от санскритского «пандита» («учитель»), чен – по-тибетски «великий». Считается воплощением будды Амитабы. Х панчен-лама, Лобсанг Чхоки-гьэцэн, родился в 1938 г. в провинции Цинхай, в 1964 г. был репрессирован, в 1978 г. «прощен», окончательно реабилитирован в апреле 1988 г. В настоящее время он депутат Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), в качестве заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП и Почетного президента Всекитайского буддистского общества. Постоянно проживает в Пекине. Впервые после 1964 г. панчен-лама посетил Тибет в 1982 г., с

тех пор неоднократно бывал там с «инспекционными поездками»), и здесь он по-прежнему проводит отпуск в летнем дворце, когда не исполняет свои депутатские обязанности в Пекине.

Нас с Неной привезли в единственную в городе гостиницу (*В последние годы индустрия туризма в ТАР получила большое развитие. В 1988 г. здесь насчитывалось 23 отеля на 3 тысячи мест. В 1987 г. ТАР посетили 43 тысячи иностранных туристов*), и мы уже не удивляемся тому, что она расположена среди казарм. Мы смертельно устали. На маленьком столике две жестяные миски для умывания и теплая вода в ярко расписанном термосе, без которого здесь не обходится ни одно, даже самое простое домашнее хозяйство. Мы крепко спим до тех пор, пока в 5.30 утра нас не будит кваканье из громкоговорителя. Город поднимают на работу и призывают не забывать о важнейших принципах правительства Народной Республики. Все это сопровождается ужасной музыкой. Я слышу послушный топот ног и невольно вспоминаю свои интернатские годы. Воспоминания детства смешиваются с действительностью. Терпеть все это за 150 немецких марок с человека за ночь? Что я, в самом деле, сумасшедший? Китайцы знают наверняка, что сюда не завернет ни один европеец. Я нерешительно смотрю на мой жестяной ночной горшок с узо-

ром из золотых рыбок, затем все же собираюсь с силами и иду через пыльную казарменную площадь в загаженный клозет.

С трудом проглотив некое месиво из риса, мы с Неной бредем в город. Резкие порывы ветра поднимают песок и мусор. Несмотря на то, что взошло солнце, небо пасмурное и безотрадное. На западе стоит стена желтого тумана. Зажмурив глаза и втянув голову в плечи, отворачиваюсь от ветра. На детей, играющих между деревянными тележками с большими колесами, порывы ветра впечатления не производят. Они не замечают ни пыли, ни холода. Один из них протягивает руки, как будто хочет поймать ветер. Они смеются, их волосы развеваются. В сопровождении детей мы доходим до монастыря. Маленький город из келий вокруг святилища, в котором помещена статуя Будды высотой с девятиэтажный дом, некогда населяли 3000 монахов, теперь их около 500. Мы несколько раз поднимаемся по лестницам, проходим низкими коридорами и внезапно видим огромное золотое лицо. Черты его удивительно гармоничны. Лицо переходит в тело, которое можно увидеть, спустившись на этаж ниже. Будда одет в блестящую парчу, обвешанную катами, белыми бантами счастья. У его ног стоят огромные серебряные лампы. Возле них сидит маленький мальчик в красной монашеской рясе.

Это первый послушник, которого я встретил здесь. Мы возвращаемся в город.

На улице, кроме нескольких солдат, китайцев не видно. По своей воле, пожалуй, ни один из них не будет здесь жить. Их организм не приспособлен к высоте 4000-5000 метров. Адаптация проходит медленно, причиняя физические страдания. У женщин-китаянок часто бывают выкидыши, высока детская смертность.

В Шигацзе есть маленький рынок. На грязном брезенте крестьянин разложил не поддающиеся описанию останки яка. Мясо облеплено мухами. Рядом лежит чеснок, который мы покупаем для базового лагеря. Затем я вижу маленького лхаса апсо. Этих собачек раньше могли разводить только почтенные ламы в Потале и аристократия в Лхасе. Первые экземпляры были завезены в Европу в начале нашего столетия. У меня есть две такие собачки, и на одно мгновение меня охватывает тоска по дому. По-моему, только в Мюнхене этих животных сегодня больше, чем во всем Тибете.

На следующий день нам предстоит проехать свыше 300 километров. Справа и слева в желтом песке пустынного ландшафта стоят букеты голубых цветов, воткнутые в песок детьми. Мы завязали рот и нос шарфами от всепроникающей пыли.

Старые путешественники по Тибету восхваляли

крепость Шегара как своего рода чудо света. Цзонг, что по-тибетски означает замок, это смелое дилетантское сооружение. На острой конусообразной скале высотой около 300 метров раньше стоял так называемый «Хрустальный замок». С лежащим ниже монастырем он был соединен зубчатой стеной, стоящей на жуткой крутизне.

Мы подъезжаем уже ночью. В ярком свете луны в небо, как пальцы, тянутся остатки разрушенного замка. Мы совершенно разбиты. Заползаем в постели в лагере-общежитии. Однако на следующее утро, невзирая ни на что, поднимаюсь по крутой тропе на самый верхний зубец Цзонга: раньше тибетцы приносили здесь жертвы «белоснежной богине», как они называли Джомолунгму. Ее можно увидеть отсюда. В обе стороны простерла она свои белые руки. Я смотрю на белоснежную горную цепь с волнением влюбленного юноши.

В последней деревне

Тибетка, одетая в кофту цвета красного вина и длинное черное вязаное платье, которое поддерживается пестро-полосатым шерстяным передником и большой серебряной пряжкой, приносит нам в гостиницу завтрак. Едим бобы, паровую лапшу, рыбу и маринованные овощи. Голова тяжелая, сказывается влияние высоты и недостаток сна. В предрассветных сумерках забираемся в джип.

Джомолунгма, Эверест

Ландшафт здесь имеет более мягкие очертания, чем между Шигацзе и Лхасой. Однако по мере приближения к гималайскому хребту, лежащему на юге, на границе между Тибетом и Непалом, высокогорное плато становится все более бедным. Через два часа езды мы достигаем перевала на высоте более 5000 метров. Над морем плотных облаков вздымаются вершины восьмитысячников: Макалу, Лхоцзе, Эвереста, Чо Ойю и Шиши Пангмы. Выходим из джипа, на нас бессмысленно таращит глаза странное существо с ружьем на плече. Это, должно быть, тибетский охотник. Откуда он пришел, куда идет – не определить. По-видимому, он живет в одном из шатров, что раскинули кочевники в стороне от дороги.

Взволнованный невероятной картиной ледяных великанов, я рассказываю Нене, как в представлении тибетцев возник мир. Все началось с пустоты, темной пустоты.

Из этого Ничего возник ветер. Он дул со всех четырех сторон, постепенно наполняя пустоту. Шли годы, ветер становился сильнее и мощнее и создал большую молнию. Из молнии образовались облака. Из облаков полил дождь, его капли были размером с колесо повозки – так образовался первобытный океан. Когда его поверхность успокоилась, снова поднялся ветер, взбил на поверхности воды пену, которая стала

густой, как сливки, потом превратилась в масло. Так образовалась земля. В середине ее находилась большая гора из драгоценных камней – здесь жили боги. Вокруг нее расстиралось море, а вокруг моря – кольцо золотых гор. По ту сторону этих гор лежало другое море, оно также было окружено горами, а за ним – еще одно: семь раз земля, семь раз вода. За последними горами простирался внешний океан, из которого, как острова, поднимались четыре мира. Каждый имел свою форму. Мир юга – конус, направленный вершиной вниз; западный мир – круг; богатая земля севера – четырехугольник; восточный мир – полумесяц. Вселенная была погружена во мрак. Боги не нуждались в свете. У каждого из них был внутри собственный свет. Однажды один из богов обнаружил сок, который тек из земли. Все отпили его, и их силы, их свет уменьшились; они потеряли свое бессмертие. Так боги превратились в людей. Этот мир, хотя и зависел от солнца, луны и звезд, был все еще царством изобилия. Здесь для каждого каждый день вырастал один плод – пока один жадный человек не обнаружил на своем дереве два плода, он сорвал и съел их. На следующее утро для него не выросло ни одного плода и он был голоден, – так голоден, что взял чужой плод. Теперь у этого не оказалось пищи, и он украл плод у следующего. Эти боги, ставшие людьми, были мужчинами. Но

из-за ссоры их чувства и мысли изменились. Один из мужчин оторвал от туловища свои половые органы и стал женщиной. Появились дети, и вскоре мир наполнился женщинами и мужчинами, которые производили на свет новых детей...

С заоблачной высоты перевала мы смотрим на этот удивительный мир. Ни одному тибетцу не пришло в голову забраться на какую-нибудь из вершин, потому что для них горы – это обиталище богов. Задолго до того, как в страну потянулись первые экспедиции, в горы предпринимали паломничество местные жители. Ронгбук стал одним из мест такого паломничества.

Несмотря на высоту, на перевале мельтешат бабочки, под ногами снуют мелкие животные. Давно наступило время муссона, однако в долинах дождей еще нет и пирамидальная вершина Эвереста бесснежная и темная. Постоянный северо-западный ветер почти полностью очистил от снега последние 1800 метров перед вершиной. Мысль о том, что я один раз уже стоял на этой вершине, кажется сейчас невероятной.

Дорога, проложенная китайцами между Шегаром и Ронгбуком почти 15 лет назад, сначала идет вверх на высоту 1500 метров и спускается по другой стороне перевала в обращенную на юг долину Аруна к базовому лагерю под Эверестом. Есть еще старая дорога

к Ронгбуку – от Тингри через Ламна Ла, однако в Пекине нас решительно отговорили от того, чтобы ехать по ней во время муссона.

Чуть ниже перевальной точки я вижу молодую женщину, которая заступом и лопатой убирает с дороги камни. Ее загорелый лоб покрыт потом. Ей около 20 лет, и ее совершенно одну прислали сюда на несколько недель для дорожных работ. Шесть дней в неделю по восемь часов в день она машет лопатой. Ночью спит в своей палатке на краю дороги. Она еще никогда в жизни не бывала в Лхасе. Когда я смотрю на ее равнодушное лицо, мне становится ясно, что сказочная Шангри Ла, которую мы, европейцы, ищем в Тибете, не будет найдена. Тибетцы носят ее в душе, в сердце.

Работница, которую зовут Таши, приглашает нас в свою палатку на чашку чанга, ячменного пива. В палатке лежат одеяла, кухонная посуда, старый, изношенный ковер. Перед фигурой Будды, покрытой сло-ем копоти, горит крошечная лампада. Глубоко под нами долина, которая ведет к монастырю Ронгбук. Ее окружают серые, лишенные растительности холмы. Только маленькая деревня Чедсонг зеленым пятном выделяется в этой пустыне. Едем дальше. На высоте около 4600 метров я с удивлением вижу людей, несущих дрова. Дерево в Тибете редкость, к тому же оно священо. Срубить дерево для буддиста все равно,

что убить. Дома отапливаются навозом яков, лепешки собирают летом и сушат на стенах домов.

Чедсонг – бедная деревня на границе зоны высокогорных лугов. Даже река здесь выглядит унылой и скудной, если вспомнить, из какого мощного ледника она берет свое начало. Деревня стиснута серыми известняковыми глыбами и древними моренами, которые выглядят, как железнодорожные насыпи. Дома, сложенные из блоков глины или прессованной травы, окон не имеют. Свет в них проникает только через открытую дверь и отверстие в крыше для дыма.

При въезде в деревню наш грузовик застревает в грязи: здесь недавно прошел дождь. Моментально нас окружает около сотни добровольных помощников. Для меня загадка, как могут здесь наверху жить крестьяне и пастухи. Ячмень здесь поспевает не менее, чем за 60 дней. Репа, картофель и горчичное растение орошается из странной на вид канавы, которая тянется на многие километры и имеет едва ли пядь в глубину. Когда я спрашиваю о гомпе, храме, несколько детей ведут меня к развалинам на краю деревни.

Немногочисленные новые дома построены не в традиционном стиле. Такое я вижу здесь впервые, и это производит удручающее впечатление. Не могу понять, что происходит с этими людьми. Они встревожены невероятно. Может быть, их утомила нищета.

Покупаем овцу, чтобы иметь в базовом лагере свежее мясо. Пока молодой деревенский парень, заколов, потрошит и свежует ее, староста деревни объясняет мне имущественное положение жителей этого захолустья. Цао переводит мои слова на китайский, а Чен – с китайского на тибетский. Здесь люди зарабатывают еще меньше, чем в других районах Тибета. В год на человека приходится 200 килограммов зерна и 60 юаней, что составляет едва 80 западногерманских марок.

Тибетцы не машут нам на прощанье, когда мы покидаем деревню.

Вскоре открывается вид на цирк Гиачунг Канг, и на следующем повороте показывается белый взлет, который может быть только западным плечом Эвереста. Еще немного вперед – и хорошо знакомый абрис горы появляется почти одновременно с монастырем Ронгбук. Мы прибыли!

Нупце и западное плечо Эвереста

Монастырь у вечных снегов

Несмотря на то, что Эверест – высочайшая вершина мира – выглядит он очень скромно: заслонен другими горами, окутан пеленой облаков. Только один раз, когда шлейф тумана слегка рассеялся, мне удалось увидеть его северный склон. Кажется, что гора сдвигается вместе с бегущими по ней облаками, и я слежу за этим воображаемым движением. Облака на вершинной пирамиде в основном черные. Не отрываясь, смотрю на гору в бинокль, как будто с его помощью можно пробуровать этот занавес.

Внезапно черная полоса у вершины исчезает, видны сверкающие снежные поля. Эверест складывается, как детская игрушка, из отдельных фрагментов: стен, ледников, ребер, гребней. В одно мгновение его очертания становятся близки и привычны, как будто я всю жизнь провел рядом с ним. Это как сон. Гора вырастает по мере того, как я вглядываюсь в нее. Все величественнее вздымается она передо мной. В далекой выси появляется темная вершина. Ледники у подножия не видны, их заслоняют предгорья. Священный трепет пронизывает меня, хотя она еще не стала моим кошмаром. Я стою перед моей неизменной возлюбленной, чья притягательная сила навсегда

останется для меня загадкой. Чувства обострены до болезненности, утомлены напряжением долгого пути и не могут более перерабатывать впечатления с той скоростью, с какой они на меня нахлынули. Я просто сморю и молчу.

Ронгбукская долина – прекрасное обрамление для Джомолунгмы. На протяжении 30 километров она почти ровная: перепад высот составляет всего 1200 метров. В конце долины – гора, сказочный колосс – материя, которая кажется непостижимой.

Вершинная пирамида Эвереста

Северная стена Эвереста высотой 3000 метров обрамлена двумя могучими крыльями. Влево от самой вершины, как скат крыши, отходит северо-восточный гребень, вправо – крутой северо-западный, который своей ужасающей протяженностью подчеркивает вы-

соту горы. На этих гребнях нигде не видно ни зазубрин, ни башен, ни провалов, они смотрятся отсюда плавными линиями.

Ронгбукский монастырь знаком мне по картинкам в книгах. Монахи построили его сотни лет назад. Теперь мне понятно, почему именно здесь. Само его название ассоциируется с чем-то невозмутимым и созерцательным. Монастырь у вечных снегов – это из старой волшебной сказки.

Сначала мы с Неной решили поставить палатки у источника, на восток от стен монастыря. Но когда мы прошли по руинам этого бывшего города монахов, нам захотелось только одного – поскорее в горы, в дикие места, подальше отсюда. Дело не только в том, что разрушенный монастырь стал мусорной свалкой для многих экспедиций, идущих на Эверест с севера, но и в том, что впадаешь в отчаяние, глядя на пустоту и безотрадность развалин. Единственное, что осталось от прежних времен, – это чортен перед главным входом, но и его макушка уже грозит обвалиться. Знаменитые резные украшения из дерева сожжены или растащены. Остатки прекрасных произведений свалены у стен. Изгнанные монахи перебрались на южную сторону Джомолунгмы, в Непал, и основали там новый монастырь, носящий имя Тутунчулинг.

Верхняя часть долины Ронгбук считалась ранее

священной, там запрещалось убивать диких животных. Границей этого запрета служила огромная стена мани (*сооружение из каменных глыб, на которых писали краской или выбивали священные формулы, наиболее распространенной из которых была «Ом мани падме хум»*). Подобные формулы изображались и на скалах), у деревни Чобук. Но и эта стена, сложенная из камней, на которых были написаны молитвы, исчезла.

О монахах заботились странники: они приносили с собой в достаточном количестве ячменную муку (цзампу), чай, ячье масло, теплую одежду и другие дары.

Мы с Неной обсуждаем, где поставить палатки, и вдруг слышим выстрел. Я оборачиваюсь и вижу Чена, который охотится за зайцем. Я злюсь. Ведь я думал, что и мы не станем убивать здесь зверей... Чуть позже выезжаем. В 5 километрах вверх по долине есть подходящее место для лагеря. Небольшой волк, напуганный шумом мотора, выскочил на морену. По цвету он совершенно не отличается от окружающего ландшафта. Остановившись на безопасном расстоянии, он с любопытством нас рассматривает. Эверест теперь виден почти целиком. Он сверкает белизной, как будто освещен изнутри. Останавливаем машину, чтобы оглядеться. Слева от нас возвышается целый ряд

неприступных скальных отвесов со стенами по 1000 метров и более. Неяркая ржаво-красная расцветка скал напоминает мне горы в Доломитах. Впереди по ходу – низкие моренные гряды, за которыми виден язык ледника. В его бурой пасти проглядывает голубоватый лед.

Приходится то и дело останавливаться, чтобы убрать с дороги камни. Проезжаем мимо горстки заброшенных лачуг. Здесь раньше жили монахи, которые в свое время произвели сильное впечатление на Мориса Уилсона. Человеческая жизнь в ее наиболее отвлеченной форме, застывшая неподвижность, тянущаяся годами, наедине с собой и бесконечностью. Жизнь – как временное пристанище для вечной души.

Я вспомнил одно стихотворение, написанное в XI столетии отшельником Миларэпой (*Миларэпа (1040-1123) – монах-отшельник, поэт. Житие Миларэпы и Сборник его песнопений относятся к числу наиболее популярных в Тибете произведений тибетской литературы*). Вот оно:

Стремясь к уединению,
Я пришел в безлюдные места,
К крутым ледникам Джомолунгмы.
Здесь Небо и Земля держат совет,
Мчитя яростный ветер – их посланец.
Ветер и Вода взбунтовались,

Катятся темные тучи с юга.
Благородная пара – Солнце и Луна пойманы,
Пленены двадцать восемь созвездий мирового пространства,
Восемь планет скованы железной цепью,
Призрачный Млечный путь полностью скрылся,
Маленькие звездочки исчезли в тумане.
Когда черные тучи заволокли небо —
Девять дней бушевал шторм,
Девять ночей шел снег.
Восемнадцать дней и ночей длился снегопад,
Подобно птицам парили хлопья снега
И ложились на землю.
Сверх всякой меры навалило снега,
К самому небу вздымается белая вершина
Снежной горы.
Внизу зеленые рощи покрыты снегом,
Черные горы оделись в белый наряд,
Ледяной покров лег на зыбкое зеркало озера,
И глубоко в чреве земли спрятался голубой поток.
Все вокруг, и вверху, и внизу, стало плоским.
Падающий сверху снег и жестокий зимний ветер
Встретились с легкой одежкой Миларэпы,
И закипела битва на вершине снежной горы.
Снег потом растаял и превратился в воду,
Ветер, который выл так громко, стих,
А одежда Миларэпы сгорела, как костер...
Я полностью победил демона со снежным лицом.

Мы ставим наш базовый лагерь в точности на том месте, где останавливались первые британские экспедиции, – у начала ледника Ронгбук, на высоте 5100 метров. Здесь хорошая вода для питья, есть немного зелени, ровные площадки для палаток. В 500 метрах выше нахожу могилы японцев, погибших на Эвересте в этом году. Тем временем Джомолунгма снова скрылась в облаках, над нами висят черные грозовые тучи. Это значит, что муссон уже набирает силу.

Эверест находится в самом узком месте Гималайского хребта, протянувшегося на 2000 километров. Поэтому он особенно подвержен атакам юго-западного муссона. Этот ветер приносит сюда дожди из Бенгальского залива в начале года, а потом уже приходят западные штормы из Аравийского моря. Таким образом, можно надеяться на перерыв в плохой погоде только в конце июля – начале августа. Я знаю, что при муссонном ветре подниматься на большие высоты невозможно, но я надеюсь на муссонную паузу, которую мне обещали немецкие метеорологи.

На следующее же утро отправляюсь в разведку. Надо пройти вверх час или около того и оттуда посмотреть на гору. Нена занята сортировкой продуктов, заболевшего горной болезнью и мучившегося всю ночь Цао она отправила на машине в Шигацзе.

В Альпах мы обычно используем основное течение

ледника как наиболее удобный путь к вершине. Здесь это невозможно. Ледник Ронгбук так искорежен, что нечего и пытаться выйти на него в нижнем течении. Его заваленная камнями ледовая чаша теперь лежит подо мной, как серо-бурое, вздыбленное штормом море. Спрашивается, как же идти дальше?

Первые шаги на пути к большой горе всегда волнуют. Здесь столько неизвестного: может испортиться погода, можно сбиться с пути, но главное это я сам — один на один с поставленной самому себе задачей. Всякий раз, когда туман рассеивается и виден Эверест, меня охватывает отчаяние, совершенно неведомое ранее чувство слабости, граничащей с бессилием.

Поднявшись на 30-40 метров, я останавливаюсь и отдыхаю. Организм пока не привык к высоте, и я не знаю, как буду переносить высотные нагрузки. Воздух разрежен, дыхание все время сбивается.

На обратном пути опять спрашиваю себя, почему мне не сидится внизу. Если уж так нравятся эти горы, почему бы не уподобиться тибетским отшельникам, не построить себе жилище в каком-нибудь отрезанном от мира уголке, и не остаться в нем до конца жизни. Но нет, это невозможно. Я постоянно чувствую некую внутреннюю зависимость и от цивилизованного западного мира, и от моих экспедиций. Эти

вылазки в горы мне нужны еще и потому, что я безумно боюсь потерять физическое здоровье. Не могу забыть старика в садике одного отеля. Он ходил по кругу на трясущихся ногах. Пижамные брюки охватывали огромный живот – состоятельная развалина. Из числа тех развалин, на которые тратит свою жизнь мой друг Бык. Самое большое отделение его клиники переполнено обломками общества изобилия – заржавевшими за письменными столами, отравленными никотином и алкоголем. Невозможность облегчить участь страдающих инфарктами и циррозами вызывает в Быке ужас.

Базовый лагерь в 1980 году

Именно это стало стимулом его постоянной активности. В обеденный перерыв он бегает по университетской площади, после работы едет в лес, по воскресеньям занимается скалолазанием, отпуск проводит в альпинистской экспедиции. Есть и другой выход, тоже решающий проблему, – стать отшельником-созерцателем в Ронгбуке. Этот выход невозможен для европейца. Для этого надо иметь на Востоке несколько

поколений предков.

К Нангпа Ла

И адаптировались мы еще плохо, и погода отвратительная. Летом к северу от Эвереста всегда так – ветрено, холодно, неудобно. Над Ронгбуком стоит зона низкого атмосферного давления, пришедшая с северо-запада. Почти каждый день идет дождь. Холодно и сыро также в предгорьях. Бесконечная череда штормов с ливневыми дождями. Пока что остается только сидеть на месте и ждать. Чтобы не потерять форму, да и из желания посмотреть Гималаи, мы с Неной решили пройти вниз по долине в западном направлении, к перевалу Нангпа Ла.

Тибетский отшельник

Проходя мимо монастыря Ронгбук, замечаем над ним дым. Большие хищные птицы царят в небе, несколько темных фигур скрылись среди руин. Мы заинтригованы. А если это так называемое небесное захоронение – древний тибетский обычай, по которому тело умершего расчлениют и оставляют на съедение коршунам и воронам. В одной старинной книге я читал, что этот религиозный обряд сохраняется

кое-где к востоку от монастыря Сэра. Подойти ближе невозможно: суровые взгляды тибетцев заставляют нас ретироваться. Стервятники кругами спускаются ниже, некоторые в ожидании добычи садятся на стены полуразрушенной кельи. Если мое предположение верно, то сейчас там безжизненное тело кладут лицом вниз на скалу, раскалывают череп. Сердце и печень отдают птицам. Кости сжигают. Пожилая женщина охраняет совершение таинства от посторонних глаз, чтобы не скучать, она заваривает себе чай.

Мы слишком уважаем древний ритуал, чтобы мешать этим людям.

Раньше бедные тибетцы бросали своих умерших в реки или сжигали. Тела лам или урны с пеплом замуровывали в чортенах. В верхней части долины Ронгбука мы встретили так много чортенов, что казалось, это место до сих пор используется для захоронений.

Идем дальше вниз по правому берегу реки Ронгбук, по осыпному склону. Тусклый солнечный свет пробивается сквозь облака. Через три часа переходим на другой берег реки по узкому мостику и, обливаясь потом, лезем вверх по крутым откосам левее Ламна Ла. То и дело видим тибетских зайцев. А внизу под нами почти беспредельное царство холмов.

Мало-помалу нам становится ясно, на что мы себя обрекли. Отправляясь на эту прогулку, мы рассчи-

тывали, что будем покупать еду у местного населения. Но вот мы идем уже семь часов и не встретили ни одной живой души. Все деревни на нашем пути покинуты и опустошены. Мы устали до смерти. Питья у нас с собой мало, и вблизи не видно водоема. На самом перевале попадаем в снегопад. Через час он прекратился, небо на севере и западе расчистилось, открыв далекие перспективы. Громадные вершины заднего плана, кажется, можно потрогать руками – обычная для Тибета иллюзия, так как воздух здесь чище, чем где бы то ни было.

Внизу на зеленом фоне высокогорного пастбища нечто напоминающее пять черных муравьев-великанов. Подходим ближе и видим, что это палатки кочевников. То, что я принял за ноги муравьев, – толстые веревки, на которых растянuty пологи палаток из черной, как деготь, шерсти яков. У палаток сложены высокие стенки из камней – загоны для овец. В стороне пасутся несколько яков. Их густая шерсть висит почти до земли.

Мы ставим свою палатку поодаль, в 20-30 метрах, и я осторожно приближаюсь к лагерю кочевников. Появляется мужчина, он цыкает на двух огромных взъерошенных собак, которые, рыча, поднялись мне навстречу, потом равнодушно смотрит на меня. Я жестами объясняю, что хотел бы купить молока.

«Дудх», – говорю я. Это слово я слышал у тибетских шерпов в Непале. Мужчина улыбается, приглашает в палатку. Я зову Нену, и мы входим внутрь.

Посередине очаг. Топят высушенным ячьим навозом. Вокруг огня, едва различимые в полутьме, сидят мужчины, женщины, дети. Нам подают тибетский чай в чашах, сделанных из корней дерева и оправленных серебром. Хозяйка – если можно так назвать женщину-кочевницу – сначала кладет в чашу кусочки масла, а потом уже наливает в нее чай.

Глаза, постепенно привыкшие к темноте, различают детали. Некоторые мужчины пришивают подошвы к сапогам из войлока, другие прядут опереть.

Шерпы у перевала Нанга Ла

В одном углу сложены штабелем сухие ячьи лепеш-

ки для топлива. Шкуры, одеяла, ковры из шерсти дополняют обстановку. Тут и небольшое изображение далай-ламы, перед ним масляная лампада.

Ну, и на всех пяти палатках развеваются красные флаги, хотя ни для кого в Тибете присоединение к Китаю не значит так мало, как для кочевников. Раньше здесь хозяйничали феодалы, теперь – государство, а кочевники как были нищими, так и остались.

Мы пытаемся вести беседу с помощью жестов. Я все время повторяю «Нангпа Ла» и показываю в сторону, откуда мы пришли. Хозяева каждый раз поднимают руки, как бы защищаясь, и смеются. Постепенно до нас доходит, что они ничего не понимают.

Но теперь уже все равно. Мне нравится горько-соленый чай с маслом. Соль привозят сюда из северного Тибета, масло ячье, оно хранится в тугих кожаных бурдюках, поджаренная ячменная мука, твердый, как камень, овечий сыр, иногда сушеное мясо – если случится беда с каким-нибудь животным. Одежда самодельная или из шкур. Палатка, которая вместе с очагом и ткацким станком привязывается на спину яку, когда вокруг стоянки не остается больше травы. Столь проста и сурова их жизнь.

Когда мы возвращаемся в свою палатку, идет снег. Он покрывает яков, равнодушно жующих свою жвачку. Под толстой снежной мантией они выглядят очень

внушительно.

Спим мы крепко. Только один раз залаяла собака, и я выглянул из палатки. Снегопад прекратился, освещенный месяцем мир вокруг кажется театральной декорацией. Снова залезаю в спальный мешок и долго еще слышу мерное чавканье яков.

На следующий день идем дальше. Сначала путь лежит вниз в долину Тингри, а потом вверх по Тингри к Нангпа Ла. Эверест стоит перед нами во всей своей первозданной, красе. Часа через четыре догоняем группу – семь яков, ослик, собака и два погонщика, понукающих скотину ленивым, почти нежным по-свистыванием. Толстая шкура яков – чистый обман. В действительности это чрезвычайно чувствительные животные. Уходят часы на то, чтобы поймать и успокоить яка, если его что-нибудь напугает.

Погонщики останавливают свое маленькое стадо и приглашают нас идти с ними. А почему бы и нет? На одного из яков погрузили нашу палатку и припасы. И вот через два часа мы уже на месте.

Погонщики ставят небольшую палатку и отгоняют яков на траву. Всего три часа дня. Мы предаемся безделью, купаемся неподалеку в ледяной реке.

На следующий день идем вместе с караваном. Потом караван сворачивает направо в горы, мы расстаемся с ним и следуем дальше по нежно-зеленым лу-

гам, постепенно набирая высоту.

Под самым перевалом встречаем шерпов, идущих со стороны Непала. Где-то я уже видел эти лица. О, да это же мои старые знакомые! Мы были вместе на Ама Дабланге. Они идут в Тингри обменять кое-какие вещи на соль.

Шерпы – тибетское племя. Несколько столетий назад они перекочевали через высокие перевалы в Непал и осели в Соло Кхумбу. В Тибет они приносят главным образом зерно, в Непал – соль. Хотя шерпы по-прежнему истинные буддисты и считают горы обиталищем богов, они давно уже стали лучшими высотными носильщиками в мире, без чьей помощи большинство экспедиций в Гималаи пока еще не может обойтись.

Шерпы рассказывают нам, что ледник перевала Нангпа Ла, ранее бывший оживленным путем, теперь труднопроходим и довольно опасен. Поток беженцев, хлынувший через перевал из Тибета в пятидесятые годы в связи с религиозными гонениями, теперь иссяк.

Проходим еще несколько километров. Потом я долго сижу на одном моренном взлете и любуюсь вершиной Чо Ойю, которая видна отсюда во всей своей красоте. Я расслабляюсь. Мысли бегут свободно, как ледниковая вода, улетают с ветром, несясь по сверкающим снежным просторам, касаясь далекого гори-

зонта на севере.

Переночевав у начала ледника, мы к вечеру следующего дня возвращаемся в наш базовый лагерь.

Северная седловина – муссонный снег

*Победу и добычу оставь другим.
Утрату и поражение возьми себе.
III Далай-лама,
Соднам-джамцо.*

Ледник Восточный Ронгбук

Уже к полудню солнце спряталось за плотным слоем облаков. Поднялся сильный ветер. Чен укрепляет свою палатку дополнительными реп-шнурами. Мне хочется посмотреть келью отшельника, стоящую недалеко от нашего лагеря. У Нены нет желания составить мне компанию, так что я иду один. Пока я хожу, она записывает в дневнике:

«Когда меня переполняют чувства и хочется высказаться, у Райнхольда или нет времени, или нет настроения. И снова я одна со своими мыслями. Иногда этот человек меня подавляет. Но я понимаю, что это как раз то, что мне надо – самостоятельный человек, сильная личность. В своей внутренней неуверенности я ищу, на что опереться в жизни. Однако време-

нами мое собственное Я настолько подавляется, что я едва выдерживаю. Проклятие! Я доверяю его мнению, но зачем же лишний раз напоминать мне: „Ты этого не можешь“ или „Ты никогда не влезешь туда“. Неужели он не понимает, что мне необходимо мечтать: „О, может быть, я когда-нибудь взойду на Маттерхорн по Северной стене“. Конечно, я понимаю, как трудно это осуществить. Но я терпеть не могу, когда говорят, что мне что-то недоступно, пока я сама в этом не убедилась.

Временами я становлюсь нелогичной. Когда Райнхольд меня злит, я в ответ обижаю его и обвиняю в том, что он меня обижает. В глубине души я понимаю, что неправа, но это меня не удерживает. Я становлюсь невыносимой для него. Райнхольд исключительно терпеливый и предупредительный человек, насколько я его уже знаю. Может быть, потому, что он знает, как отвратителен иногда бывает сам. За то время, что я сижу здесь в лагере и пишу, я пережила уже несколько маленьких кризисов.

Женщины, в общем-то, счастливее в обстановке домашнего хозяйства, и мы еще дома распределили наши обязанности так: я забочусь о кухне, о лагере, аптеке, он занимается организацией, разведкой и описанием маршрута. Мы поставили наш лагерь вполне сносно, насколько это было возможно при по-

стоянном ветре. Цао разбудил меня в первую же ночь, у него была высокая температура. Я отправила его в Шигацзе. Я стряпаю, стираю, убираю. У меня не остается времени, чтобы посидеть, почитать или пописать. Выполнять всю необходимую работу мне не трудно. Но когда я один раз попросила Райнхольда помочь мне, то получила ответ: «Оставь меня в покое, разве ты не видишь, что я читаю?»

Вчера мы вернулись из пятидневного похода. Мы прошли по меньшей мере 150 километров. К концу у нас уже не было продуктов, и теперь нам обоим нужен отдых. Вчера, как только мы пришли, Райнхольд лег и стал читать. «Разве ты не понимаешь, что я должен работать? – сказал он, читая в это время о людях, которые путешествуют на лодках, или Марселя Пруста. Когда он изучает карты и материалы по Эвересту, я это понимаю. Я тоже могла бы принимать в этом участие, но он меня не допускает.

11 июля 1980 г. Я жалею о том, что совершила мою сегодняшнюю прогулку не одна, как сначала хотела. Когда я готовила обед, у меня было хорошее настроение, много сил. За едой я предложила погулять. Никакого ответа. После уборки я говорю: «Ну, так я пойду одна». «Нет», – говорит он. Мне нравится гулять одной. Я люблю природу, предаюсь своим мыслям, прихожу в согласие сама с собой. Райнхольд уютно

лежит в спальном мешке и говорит: «Подожди, я дочитаю, и мы пойдем вместе». Я спрашиваю, долго ли ждать. «Полчаса». Тогда я предлагаю ему дочитать после прогулки. Ответа нет. Когда я уже думаю, что из всего этого ничего не получится, он говорит: «Я иду с тобой, примерно через двадцать минут». Тогда я готовлю кофе. Двадцать минут давно прошли. Райнхольд говорит: «Пошел дождик». «Нет, – возражаю я, – только немного капает». Время идет. Вдруг Райнхольд поднимается: «О'кей, я иду. Но только своим темпом». Я отвечаю, что не могу превратить задуманную прогулку в спринтерский бег, ибо именно так Райнхольд понимает «свой темп» ходьбы. Мы собираемся. И вдруг Райнхольд стоит в полной готовности перед палаткой и говорит: «Я ухожу!» Это само по себе невинное замечание выводит меня из равновесия, и я ору: «Если ты готов, чудовище, то иди! Но после того, как я ждала тебя полчаса, ты мог бы по крайней мере подождать, пока я надену другие носки». «Зачем?» «Потому что эти слишком тонкие для ботинок». Я меньше минуты вожусь с носками и вижу, как Райнхольд уходит. Я устремляюсь за ним, пытаюсь его догнать. Он идет по берегу реки, я – ближе к склону, вдоль которого можно выйти от палаток на трассу. Преодолеваю подъемы и спуски, надеясь встретиться с ним перед выходом на трассу. Но он идет быстро.

Пока я поднимусь на один пригорок и только взгляну вдаль, он уже на следующем холме. Я останавливаюсь и в оцепенении гляжу на него. Он оборачивается и смотрит на меня. Потом идет дальше. Я не верю своим глазам.

Ему, по-видимому, кажется, что мы гуляем вместе. А у меня больше нет желания бежать за ним. Как часто я делаю попытки идти рядом, но почему-то всегда оказываюсь сзади. Я понимаю, что можно держать дистанцию при прокладывании пути или на трудном рельефе. Но когда люди решили вместе погулять!

Мне грустно, и я одна спускаюсь к реке. Спустя некоторое время я уже не вижу Райнхольда. Я прыгаю с камня на камень по широкому ложу потока. Почему я придаю такое большое значение нашим отношениям? Почему я все время вижу его перед собой? Я бегу дальше и пытаюсь все выбросить из головы. Останавливаюсь в одном уютном, защищенном от ветра местечке перед скальной балдой на склоне морены. Это место мне нравится. Отсюда я могу, как львица, растянувшаяся на камнях, оглядеть все вокруг. Я думаю о волке, который опять пробежал по морене у Ронгбукского монастыря. Вдруг все пришло в движение. Камни превратились в яков, а человек, которого мы ждем из деревни, появляется то там, то здесь. Как нечистая сила. Я шарю глазами по осыпи, я жду вол-

ка. Я знаю, что мне будет страшно, и размышляю, как я буду обороняться.

Теперь, когда я пишу, я опять ясно вижу глаза волка, и я знаю теперь, что это глаза Райнхольда, когда он взбешен. Его глаза становятся колючими, холодными голубыми стрелами. Они как нож. Волки окружают меня. Я возвращаюсь к палатке и успокаиваюсь. Я думаю о том, что мне сказать, когда Райнхольд будет меня выпрашивать. Но я больше не печалюсь, что он без меня ушел вперед».

Сегодня после обеда я побывал под Эверестом. Я снова и снова изучаю его мощные чистые линии. Белое покрывало муссона одело его плечи, над которыми царит по-прежнему черная скальная вершинная пирамида. Эверест выглядит как волшебная птица с распростертыми крыльями. Теперь мне понятна старая Мудрость ламаистов: «Эверест – это птица, которая взлетела выше других птиц».

Сегодня мне попадались и дикие животные – несколько зайцев, а выше горные бараны. Все они окрашены здесь в цвет морены. Когда они не движутся, их невозможно отличить от камней.

Наш переводчик вернулся из Шигацзе отдохнувшим. Он нанял в долине яков для дальнейшего марша в передовой базовый лагерь.

13 июля мы, наконец, выходим с тремя яками и дву-

мя погонщиками. Переходим через русло реки и идем вверх по долине, по ее орографически правой стороне. Впереди на морене главного потока ледника стоят десятиметровые земляные пирамиды высотой до 10 метров. Они напоминают собор Гауди в Барселоне (*Собор Святого семейства выдающегося архитектора современности Антонио Гауди-и-Корнета (1852—1926) – шедевр мировой архитектуры. Выполнен в стиле модерн, для которого характерны извилистые линии и мотивы естественного декора*).

День чудесный. Джомолунгма высится в конце долины как гигантский заслон. Меня все время забавляет, что я воспринимаю Джомолунгму не как одну, а как две горы. С непальской, южной стороны, откуда я на нее взошел в 1978 году, – это черная пирамида, большей частью загороженная горной грядой Лхоцзе – Нупце и не имеющая ничего общего с горой, которая привольно раскинулась перед глазами со стороны ледника Ронгбук.

Хотя долина Ронгбука узка, я не чувствую себя в замкнутом пространстве. Через боковые ущелья над фирновыми полями хорошо просматривается далекий горизонт. С одного места удалось даже заглянуть за барьер Гималаев в Непал. Удивительно, что такие перспективы открываются из глубины долины.

Далекие слои горизонта, просвечиваемые, как матовое стекло, манили меня уже в первых детских прогулках по горам. Эти четкие, прозрачные слои остались в памяти как сильнейшее из моих детских впечатлений. Теперь я понимаю, что в горах я нахожусь в зависимости именно от горизонта. Вспоминаю, как вскоре после развода с женой я вел группу в Доломитах и разрыдался, увидев, как раздвигается горизонт. Горизонт вызывает у меня самое сильное переживание во время восхождений на вершины. Я понял это только здесь, в Тибете.

Огромные моренные валы нескончаемы. Трудно представить, какие массы камней и льда постоянно передвигает этот мощный глетчер.

Мы разбили бивак в мульде в начале ледника Восточный Ронгбук. Носильщики получили свой дневной паек — чай, суп и консервы. Мы с Неной купаемся в крошечном ярко-синем озере. Потом я сижу в палатке наших погонщиков, а Нена в это время пишет.

«Мы шли вверх по течению реки Восточный Ронгбук, высматривая места лагерей предшествующих китайских и японских экспедиций. Яки двигались медленно, а устав, ложились. Без рюкзаков идти было легко. Кое-где еще попадались зеленые кустики какого-то пахучего растения. Между скальными глыбами пробивалась трава. Дикие куропатки с криком взлета-

ли из-под самых ног. У меня было прекрасное настроение. Река там выглядит как ледяной гейзер – быстрая и холодная. Она вырывается из-под засыпанного камнями ледника, образуя сначала большое озеро, а потом каскадами низвергается в долину. Мы обошли это озеро, залезли на моренную насыпь и оказались... в огромной мусорной яме. Озерко тоже загрязнено. Я еще раз разочаровываюсь в человечестве».

На следующий день наши яки, как серны, взбираются на ледник. Человек, не имеющий альпинистских навыков, не может здесь, в высокогорье, поспеть за этими ловкими, умными и осторожными животными. В одном месте, где прошел селевой поток – яки слышали, как грохотали камни, – они мотают головами и не делают ни шага вперед. Погонщики – крестьяне, хозяева яков – пытаются вести животных дальше. Тогда яки сбрасывают грузы и убегают. Это нас сильно задерживает, мы тащим ящики сами и порядком изматываемся, затем переводим боязливых животных через опасное место. Тибет – единственная горная область в мире, где яки поднимаются на высоту до 6500 метров. Это возможно только благодаря тому, что между двумя мощными ледовыми потоками до самого основания ледовой стены Северного седла тянется моренная гряда.

На высоте 6000 метров мы решили сделать проме-

жуточный лагерь, который служил бы складом продуктов и вещей для обратного пути. Тщательно выравняем площадку, ставим палатку. Вокруг громоздятся грязно-белые ледовые башни на фоне вертикальных ледовых стен. Столь причудливого пейзажа я еще не видел.

На третий день после выхода из базового лагеря мы уже идем вверх по срединной морене, которая лежит ниже уровня поверхности льда, представляя собой желоб, вытаявший в леднике. Таким образом, мы идем в коридоре между ледовыми стенами, мимо ледовых башен и отвесов. В Тибете ветер видоизменяет не только облака, но и скалы, холмы, лед. Я явственно вижу, что это высокогорное пространство волнуется, как море, дышит, как кожа, колыхается, как лава. Я не слишком-то разбираюсь в метеорологии и очень мало в геологии или географии. Но то, что я здесь вижу, слышу, осязаю, относится к числу именно тех вещей, которые дают мне и силу, и радость жизни.

Трог

Яки на леднике Восточный Ронгбук

Итак, мы приближаемся по моренному потоку к ме-

сту передового базового лагеря под северно-восточной стеной Эвереста. Сама вершина еще очень далека. Отсюда она выглядит искусственно приставленной к леднику. Яки устали, на них тоже действует высота. Мы с Неной ставим нашу крошечную палатку. В тот же день яки спускаются вниз.

Что меня здесь в первый же день напугало, так это лавины. Они грохочут повсюду – на северо-восточном склоне, на стене Северного седла. Я не ожидал, что дело обстоит так скверно. Я знал, что стена Северного седла с ее бездонными трещинами и крутыми склонами таит много опасностей, – это самый опасный участок всего восхождения, – но так много лавин я все-таки не ожидал.

Ни один альпинист до меня не поднимался на Северное седло в одиночку. Только религиозный фанатик Уилсон пытался это сделать. Может быть, я еще более ненормальный, чем Уилсон. Разве мои шансы теперь, в муссон, не равны нулю? Каждая лавина – это сомнение и потеря уверенности в себе. Тибетцы говорят, что приближение к тронам богов вызывает их немилость. Даже добыча руд подвергается проклятию, потому что она нарушает равновесие материального и духовного мира. Тот, кто раскалывает камни, освобождает дьявола, который может прийти на землю. И я не просто буду тут стучать молотком – я буду

мешать богам.

В следующие дни без конца смотрю в бинокль на Северную седловину. Этот провал на высоте 7000 метров – моя следующая цель. Гигантские ледовые отколы у начала стены не внушают доверия. Ледовый склон под перевальной линией избороздили лавинные желоба. Снег настолько мягкий, что в него проваливаешься почти по пояс. А что, если моя фантазия и мое честолюбие заманили меня в ловушку?

Десять долгих дней

Мы ничего не потеряли, оставив Чена и Цао ждать нас в нижнем базовом лагере. Цао мог снова заболеть высотной болезнью, а Чен не смог бы без него общаться с нами.

Я сосредоточил свое внимание на изучении погоды и альпинистских трудностей восхождения. Если верить индийским статистикам, то погода подчиняется шестнадцатилетнему циклу, и мы сейчас находимся в сухом периоде цикла. Однако вопреки статистике каждый день идет снег, и, кроме того, часто наступают резкие похолодания.

Нужно по крайней мере четыре дня хорошей погоды, чтобы от передового базового лагеря дойти до вершины. В данный момент дело представляется совершенно безнадежным. На склонах Северного седла все еще лежит пушистый, по пояс, снег, лавиноопасность колоссальная. Желтые скалы под первой скальной ступенью также кажутся сейчас совершенно непроходимыми из-за свежего снега.

Передовой базовый лагерь

Я начинаю обдумывать, как выйти на вершинную пирамиду ниже канта гребня. Под самой вершиной вроде не очень сложно. А вот в большом кулуаре и ниже его, метров на триста ниже канта гребня, лавиноопасный снег на наклонных плитах. Можно ли надеяться пройти по муссонному снегу недельной давности? Этот вариант смущает меня и тем, что, идя ниже гребня, я буду слишком далеко от пути, которым шел Мэллори. А мне очень хотелось бы что-нибудь найти от него.

Погожее утро. Мы с Неной сидим на перемышке под северо-восточным гребнем, изучаем восточную стену. Я смотрю на эту стену, снежный покров которой изрезан бороздами лавин, и вдруг отчетливо понимаю, что Мэллори и Ирвин могут лежать только на северном склоне. Никаких фактических доказательств нет, есть только ощущение, как если бы мне об этом сказал сам Мэллори. Восточная стена прямо от кромки гребня, где шли Мэллори и Ирвин, обрывается так круто, что они должны были из осторожности держаться северной стороны. И если сорвешься, лучше падать на северную сторону – на восточной нигде не удержишься.

Склоны Эвереста у Северного седла

На том месте, где мы сейчас сидим, полковник Бэри при разведке Эвереста в 1921 году видел на снегу странные следы, что дало новую пищу старой легенде. Еще в начале века один путешественник рассказывал о диком человеке, которого он встретил высоко в Гималайских горах. Он считал, что это был йети, мифический снежный человек, о котором тибетцы рассказывают занимательные истории на протяжении

столетий. Меня забавляют эти рассказы. Мы тоже видим на снегу следы, напоминающие огромные ступни. Это углубления, проделанные или птицами, или камнями и подтаявшие под действием солнца. Представить себе, что здесь, на этой высоте, могут жить крупные животные, – абсурд.

Мы с Неной уже хорошо адаптировались к высоте. Я много лет занимаюсь физиологическими исследованиями, но конкретно о своей высотной адаптации я сужу только по субъективным ощущениям: по скорости, с которой могу идти, и по тому, болит голова или нет. Меня вполне устраивают эти кустарные доказательства, я слежу за своей скоростью и обычными рефлексам, не задаваясь вопросом, каким путем организм достигает нужной степени адаптированности. Одно мне совершенно ясно: высота делает меня раздражительным и нервным, но на мою волю она не влияет.

В первый же ясный день я поднимаюсь к подножию стены Чанг Ла, меня интересует состояние снега. Отсюда видно далеко на восток, до самого массива Канченджанги. Далекие, сверкающие на солнце горные цепи сливаются с облаками. Горизонт размыт. Мне хочется подняться на стену. Но еще не снято внутреннее напряжение, нет уверенности.

Вид с перевала Рапью Ла на Макалу

Страх похож на сжатый кулак: в отличие от открытой ладони он требует затрат энергии. Нужно много душевных сил, чтобы преодолеть все, что в моменты опасности при одиночном восхождении будет лезть в голову. Начинать восхождение можно только тогда, когда страх иссякнет.

Фирновый склон на Лхоцзе

Конечно, не трудно себя мобилизовать, победить страх, не позволить ему овладеть тобой. Но трудно другое: остановить все мысли. Идти вверх и в то же время, как кошка, готовиться к прыжку – это особое искусство.

Вид на Эверест с востока

Может быть, надо было с самого начала отказаться от этого восхождения и жить себе спокойно? Разве у меня нет уже всего этого – доказательств победы над собой, признания? Не флаги на вершине, не удостоверения – не эти внешние доказательства я имею ввиду. Однако кое-что еще меня мучит, не дает спокойно жить – это потребность доказать всему миру, что Эверест можно покорить в одиночку. Глупец, который со своей жаждой любви и нежности стремится к холодным вершинам. Однако же у меня еще есть повод не идти: слишком тепло, слишком плохая погода... Пока Нена стряпает или пишет, я, не отрываясь, смотрю на вершину Эвереста. Нена понимает, что происходит во мне.

Неприступная восточная стена Эвереста

«Все эти дни я плохо переносила высоту 6500. Болела голова, я была зла, как ведьма. Мне известно, что высота провоцирует депрессию и агрессивность. Временами я чувствовала себя так скверно, что думала, что Райнхольд никогда больше не возьмет меня с собой. Он все понимает. Но и у него есть свои проблемы. Его невероятные способности, его неукротимая творческая энергия, его жажда смовыражения так велики, что они могут его погубить».

Предполагаемый след йети

Кто был первым?

С возможностью взойти на Эверест с севера связана одна историческая загадка. Пару дней назад, лежа здесь в палатке, я прочитал кое-что, воодушевившее меня.

В 1975 году на пути к вершине один китайский альпинист видел замерзшего. На западе об этом узнали впервые только в 1979 году. Вполне возможно, что это было тело Мэллори или Ирвина.

Исчезновение обоих тогда, в 1924 году, – равно как и за двенадцать лет до этого смерть капитана Скотта у Южного полюса, – явилось сильным потрясением для викториански мыслящих гималайских героев в Великобритании. С тех пор вот уже полстолетия остается загадкой, не достигли ли эти двое вершины, сорвавшись на спуске с нее. Ледоруб одного из них, найденный в 1933 году под северо-восточным гребнем, где произошел, по-видимому, срыв, долгие годы считался доказательством их успеха на вершине. Не исключено, что они взойшли на вершину, а сорвались уже на спуске от усталости. Свидетельство китайца Ван Хунбао поддерживает эту гипотезу. Ван Хунбао нашел тело выше 8000 метров и как раз над тем местом, где был найден ледоруб. Ван сообщил, что «одежда

разорвана на части и сдута ветром» и что «мертвый был англичанином». Ван все это впервые рассказал в 1979 году участникам японской эверестской экспедиции, в которой он работал носильщиком. На следующий день, прежде чем японцы узнали конкретные подробности, Ван был сметен лавиной, попал в трещину и погиб.

Между Рапью Ла и Северным седлом

Раньше сказали бы, что на этой истории лежит проклятие. Тем более меня подмывает найти какие-нибудь новые доказательства.

Муссон над передовым базовым лагерем

Ответ на вопрос, был ли покорен Эверест в 1924 году, по-видимому, нужно искать у погибших. Я имею в виду вот что. У Мэллори был фотоаппарат «Кодак», а у Ирвина — так называемое «карманное кино», род переносной кинокамеры. Если эта двойка была на вершине, они сфотографировали ее. Даже если они повернули назад, не доходя до вершины, они сняли, конечно, высшую достигнутую ими точку. Фирма «Истман-Кодак» в Рочестере считает, что — при условии, что внутренность камеры была плотно пригнана, — заснятые кадры не погибли от мороза. Итак, тот, кто найдет одну из камер, сможет доказать, были ли Мэллори и Ирвин на вершине до Хиллари и Тенцинга.

Вопрос о первенстве на вершине родился вместе с альпинизмом и не раз приводил к нелепейшим дискуссиям. Этот вопрос волнует не альпинистов, а широкую общественность, потому что здесь включается своего рода чувство национальной гордости. Когда в 1953 году Хиллари и Тенцинг вернулись в Катманду после успешного восхождения, они столкнулись с этой проблемой в самой ее грубой форме. В мире разгорелись споры: кто именно из них двоих первый ступил на высшую точку? Хиллари, говорили одни, Тенцинг, возражали другие (индийцы и непальцы). Мэллори и Ирвин, думали ветераны.

Дискуссии шли дни и ночи. По прибытии в город Тенцинг подписал документ, в котором значилось, что он был на вершине пятью минутами раньше Хиллари. Когда один журналист спросил его, как же он мог такое сказать, он только развел руками. «Все уговаривали меня. Я был совершенно сбит с толку. Я, собственно, и не знал, что я подписываю... На вершине мы были почти одновременно».

Допытывались и у Хиллари. Он сказал только следующее:

«Последние метры впереди шел я. Тенцинг страховал. Я считаю, что это абсолютно все равно, кто первым был на высшей точке. Ни один из нас не мог бы этого сделать без другого».

Как писал по этому поводу один индийский журналист, будь Хиллари первым, непальские коллеги поносили бы его как агента англо-американского блока.

Думаю, что героизм на горе во славу нации есть глупость, я не признаю таких «побед».

Лавинный снег

Наш крошечный передовой базовый лагерь, в котором мы с Неной живем вот уже несколько дней, стоит на месте лагеря III экспедиций двадцатых годов. Обычно около девяти часов утра мы вылезаем из палатки, поставленной на склоне на выложенной камнями площадке. Нена готовит завтрак, я без конца наполняю снегом алюминиевую кастрюлю. Просто невероятно, сколько требуется снега, чтобы получить совсем немного воды. Слабый ручеек между мореной и ледником оттаивает только ближе к полудню. Потом мы снова залезаем в палатку и ждем, пока вода согреется. Все это звучит так обыденно, но на высоте 6500 метров дается с трудом. Даже процесс еды требует здесь волевых усилий. Твердая пища не лезет в рот, но пить я могу много. Сейчас самое время или подниматься на Северную седловину, или спускаться в нижний базовый лагерь.

На мир камня и льда опускается ночь. Высоко над нами вершина Эвереста, покрытая холодной тенью. Уже три дня я жду хорошей погоды, чтобы сделать разведывательный выход на Северное седло. Надо занести повыше немного снаряжения и продуктов, протоптать ступени. Какая будет погода завтра?

Подъем на стену Чанг Ла

Сплю тревожно, часто выглядываю наружу. В два часа ночи небо чистое, звездное. В восемь часов я готов к старту. Это совсем не поздно для больших высот. Здесь ранние выходы переносятся организмом намного труднее, чем в более низких горах. Через полчаса я уже у подножия стены Северного седла. Снег рыхлый, но я начинаю подъем по стене. Я весь поглощен подъемом. Никаких колебаний больше нет. Вот доказательство того, что деятельность разрешает все сомнения.

Сидеть в лагере надоело, я счастлив, что могу что-то делать. Муссон меня больше не волнует. Правда, я снова вижу на небе его посланцев, но теперь уже все равно пойду до верха. Ботинки погружаются только на несколько сантиметров, и я надеюсь, что на стене снег схвачен морозом. Сегодняшний день, 22 июля, покажет, как быть дальше. У подножия стены высота 6600 метров. Я иду вверх без остановок, хотя и не очень быстро. После первой трещины начинаю проваливаться в снег чуть ли не по пояс. Господи, этого мне еще не хватало. Но теперь я не поверну назад. Медленно, очень медленно, метр за метром пробираюсь вверх, думая все время только о том, чтобы не спустить лавину. Мокрый снег проникает через гетры, попадает внутрь пластиковых ботинок, которые вскоре начинают издавать чавкающие звуки. Несмотря на все предосторожности, снег то и дело сползает из-под ног. Я застреваю, не дойдя 200 метров до высшей точки седловины. С трудом освобождаюсь из тисков этого прямо-таки злонамеренного снега. Идти на вершину – дело абсолютно безнадежное.

А зачем, собственно, сегодня любой ценой лезть на седловину? Однако же всякий раз, когда мне удастся немного продвинуться вперед, отдохнуть и отдышаться, я снова полон сил. Я буду там сегодня!

Впереди огромная трещина, рассекающая поперек

весь ледник. В большой мульде перед трещиной я круто беру влево – надеюсь найти место, где можно перейти трещину. Подхожу. Нет, здесь не перейти. Злой, грузно топаю взад-вперед вдоль трещины, нахожу, наконец, снежный мост значительно правее того места, куда я сначала направился. Не знаю, насколько этот мост прочен. Придется, видимо, сделать побольше шаг, чтоб ступить не на мост, а на противоположный край трещины. Пытаюсь упереться в него ледорубом – готово! К моему разочарованию, и выше трещины снег рыхлый и тяжелый. Склон очень крутой. Но теперь я уже не отступлю. Надо же, наконец, залезть на эту перемычку.

Дохожу до ramпы, косо уходящей направо к седлу. Пока я стою, изучая эту косую широкую полку, я замечаю, до чего же я устал. Шаг за шагом иду по ramпе вверх. Ей нет конца. По опыту всех моих экспедиций мне знакомо обманчивое чувство, когда считаешь, что ты уже у цели, а оказывается, что впереди еще очередной взлет. Поэтому я не смотрю вверх, а просто работаю и работаю, не испытывая никаких чувств. И вот он, конец пути.

Осматриваюсь и вижу, что нахожусь даже немного выше самой точки седловины: слева от меня гребень круто обрывается в сторону северной стены. Я ослеплен ярким светом. Смотрю на северную стену, и она

на глазах у меня становится все больше и больше. Меня поражает не ее крутизна, а необозримость ее белых полей.

Сажусь на корточки и некоторое время смотрю на запад, где узнаю много знакомых вершин: Чо Ойю, Пумори, Гиачунг Канг. Потом смотрю вниз, в сторону Западного цирка ледника Кхумбу. Там все тихо, никаких признаков экспедиций. Синее небо распростерлось над горами, как бескрайняя крыша палатки. И снова далекая перспектива пробуждает во мне воспоминания детства...

Первые десять лет своей жизни я прожил на дне узкого ущелья, видя вокруг себя лишь крутые склоны – обрывистые известняковые скалы, обнаженные или покрытые лесами. Естественно, что для такого ребенка переломным моментом в жизни должен быть день, когда он увидел над собой широкое небо. Со мной это произошло гораздо раньше, чем я попал на равнину. Впервые передо мной открылся горизонт, когда я лазил по горам. Огромное впечатление произвело само лазание – насколько помню, скальные стены поразили меня тем, что оказались гораздо больше, чем представлялись из родной деревни. Но самым главным было впечатление от необъятности далее, открывшихся передо мной с вершины. Это было фантастическое зрелище. Тогда я впервые ощутил, что за

самыми далекими горами есть еще горы, а за ними – еще и еще. Мир имеет свойство раздвигаться. Меня трогает, что и эта экспедиция стала путешествием в детство – я это понял сейчас.

Я целиком поглощен воспоминаниями. Все, что я услышал, прочитал и увидел, принадлежит моей душе, и в то же время моим рукам, моим глазам и этому горизонту из стекла, который обогатил мою жизнь больше, чем все остальное. Мне показал его отец, а мать позволила мне выйти в этот большой мир. Именно в этой поездке я осознал, что иду к горизонту.

А вершина? Теперь это невозможно. Выше Северного седла потребуются по меньшей мере две ночевки. Погода слишком неустойчива, лавинная опасность слишком велика. Конечно, самая трудная часть горы уже пройдена, я нахожусь выше 7000 метров. Я много часов пробивался, топтал снег, чтобы обезопасить себе путь. Некоторое время сижу на солнце, наслаждаясь видами и моей собственной усталостью. Оставляю спальный мешок, палатку. Потом, соскальзывая, падая, спускаюсь вниз. Нена встречает меня в палатке горячим супом. Мы не хотим здесь оставаться. Нам здесь больше не нравится. Почти все камни покрыты снегом. Питьевую воду приходится топить из снега. Очевидно, скоро и сверху опять пойдет снег. Я целый день месил тот же снег на стене Северного седла.

Хватит! Нена, несмотря на лишения, в хорошей форме. Некоторое время она смогла бы еще продержаться здесь. Но кто знает, в какой из следующих моментов откажут физические или душевные силы? На этой высоте все возможно. Мы ведь здесь больше недели.

Спускаемся. Начинается снегопад. По продуваемому ветром леднику мимо промежуточного лагеря дальше вниз, к базовому лагерю.

Приходим уже вечером. Чен и Цао готовят нам ужин.

Трещины и сераки у подножия стены Чанг Ла

Наша команда в базовом лагере

Итак, придется переждать. Но теперь, когда я побывал на Северной седловине, я уже яснее представляю обстановку на Эвересте в муссонное время.

Под северной стеной

«Неутомимость этого человека невозможно описать словами. Он часто напоминает мне „Простого человека“ Элтона Джона: „У меня есть все, что нужно человеку, но мне этого недостаточно“. Он для меня вопрос, на который нет ответа, задача, которая ждет решения. Откуда берется эта сила, это упорство, заставляющее его преодолевать все новые трудности? Феномен Райнхольда Месснера состоит также в том, что он все время взвинчен, хотя его нервы в полном порядке. Можно только удивляться силе, которой он обладает, но он иногда способен парализовать волю тех, кто находится рядом с ним. Он считает, что я должна все делать наравне с ним, и мне это часто удается. Он заставляет меня быть сильной личностью, и я охотно была бы таковой, если бы это было возможно. К счастью, я хороший ходок, но здесь, на большой высоте и в тяжелых условиях, все движения затруднены. „Ты такая медлительная“, – говорит он, хотя я всего лишь не такая быстрая, как он. Он производит впечатление все время спешащего человека. Он хочет успеть везде. Когда мы, пройдя много километров, добираемся, наконец, до какой-нибудь захватывающей дух вершины, оказывается, что мы должны спешить спуститься

с нее. Это не та спешка, которая приводит к критическим ситуациям. Спешка Райнхольда – это его побуждающий импульс, и горы здесь ни при чем. Этот импульс – его сущность. Он делает его тем, что он есть. Он гонит его в одиночку на высоту 8000 метров, потом обратно, в Лхасу, в Шигацзе. Он определяет его жизнь. Он возносит его к облакам и уничтожает одновременно.

Из отрывочных сведений о его жизни и из опыта наших отношений у меня создалось впечатление, что Райнхольд объединяет в себе две совершенно противоположные личности. Может быть, это и есть раздвоение?

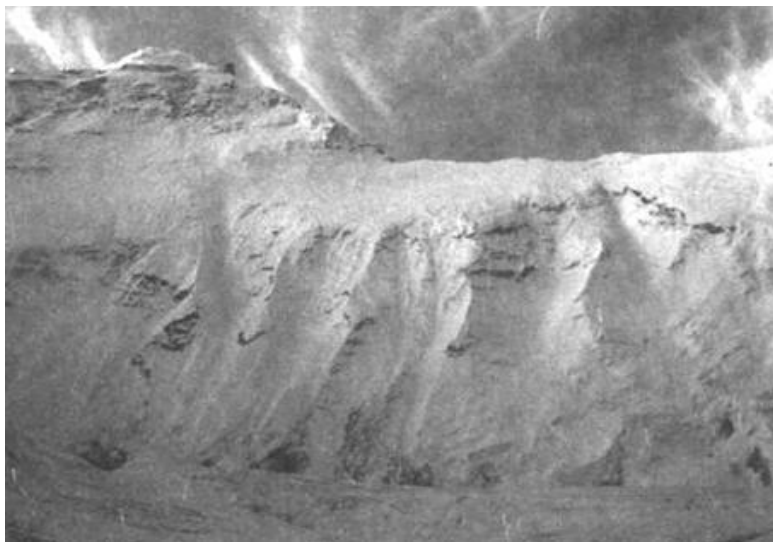
Он легок на подъем и проворен, как никто другой, и в то же время склонен к бездельничанью. Он делает множество дел одновременно и перерабатывает большое количество информации. Он кричит и ругается, думает и понимает. Иногда он полон величайшей нежности ко мне, а иногда его охватывает дикая ярость. Он объединяет в себе так много характеров, что от этого можно сойти с ума.

Нена во время восхождения на Лхо Ла

После четырехдневного отдыха в базовом лагере мы проделали еще одно турне. Последнюю ночь мы с ним провели почти под самым Лхо Ла – перевалом на высоте 6000 метров, ведущим в Непал. Шел снег. В этот день мы много прошли, то вместе, то каждый сам по себе. Перед вечером расчистили несколько больших камней ото льда и положили наши тоненькие матрасы на это холодное ложе между большими скальными блоками. Куски пластика, которые Райн-

хольд захватил с собой из базового лагеря, служили нам крышей. Они задерживали снег, но не более. Всю ночь вода капала Райнхольду на голову. Он не жаловался, не прятался, а спокойно спал. Утром я была совершенно измотана и хотела только одного – вернуться назад. Райнхольд поднялся еще на несколько сотен метров вверх, оттуда осмотрел северную стену Эвереста. Он знал, что ночевки на большей высоте будут много хуже. Но что-то гнало его вверх».

Северная стена Эвереста

Огромная северная стена Эвереста поднимается передо мной, как мощная пирамида, чистая, неодоли-

мая стена из льда и камня. Ни один альпинист, применив все крючья и веревки мира, ни за что не смог бы в муссонное время даже близко подойти к вершине, идя прямо в лоб. Правее, в длинном снежном кулуаре, лезли японцы, склон здесь крут и труден, но маршрут логичен. Левее большого кулуара в муссон идти тоже опасно: здесь склон с высоты 7500 метров обрывается прямо на ледник Главный Ронгбук. Истоки ледника покрыты свежевыпавшим снегом, да и на самой стене чудовищно много снега. Я надеялся, что на северной стене из-за ее крутизны снег не удерживается. Я заблуждался. Сейчас на вершинном гребне висит нежное белое облако, знаменитое «перо» Эвереста. Надеюсь, что ветер сдует снег с гребней, ребер и с вершины.

У меня также была мысль просмотреть путь к Северной седловине со стороны ледника Главный Ронгбук. Можно было бы подойти к ней по этому разорванному трещинами леднику. Под седлом крутой и отягченный новым снегом фирновый склон. Этот путь представляется мне еще опаснее, чем тот, который я уже прошел с противоположной стороны.

На пути к Лхо Ла

Вид на Северную вершину с ледника Восточный Ронгбук

На морене ледника Центральный Ронгбук

Подъем на высоту Лхо Ла по пояс в снегу вынуждает меня окончательно оставить эту мысль. Мы поворачиваем и идем в базовый лагерь.

Под высоким летним солнцем поверхность ледника в его долинной части превратилась в зернистое месиво. А еще ниже ледяные рифы, вчера еще тусклые и серые, светятся на фоне ярко-синего неба. Это не спокойная голубизна при хорошей погоде, это насыщенное, мутное небо муссона, потрясенное грозой. Белые оборванные слои облаков скользят по бездонной лазури.

Вся усталость и вся меланхолия слетели с меня. Я открываюсь, раскрепощаюсь, подобно тому, как раскрывается передо мной ландшафт. Я полон надежд. Полон надежд, несмотря на то, что все силы природы против меня.

Холодно. Ледяной ветер дует в лицо в узких проходах среди бастионов Северной вершины Эвереста. На смену царству льда приходит другой мир, другой облик Гималаев – серо-бурые предгорья Тибета, настраивающие на иную тональность. Кажется, что и краски здесь взяты из другого спектра. Преобладает землистый цвет. Все подернуто патиной, даже дождевая радуга. В тонком мареве выделяются отдельные тона. На северо-западе видна долина, должно быть, это долина Ронгбука, там черные тени отсвечивают чем-то синим. Вереницы холмов дальше на север отливают красным цветом.

Долинные понижения отделяются от возвышенностей только мягким переходом от светлого к темному, подобно тому, как на леднике, покрытом снегом, на его ровной поверхности по теням можно распознать трещины.

Мы с Неной спускаемся в направлении предполагаемого ручья и действительно в лабиринте ледовых башен находим воду на одной моренной гряде, ведущей прямо вниз. Идем дальше. Свежий ветер дует

нам в спину, впереди солнце пробивается сквозь гряды облаков. Оно похоже на сверкающий отражатель. Серая, как тень, северная стена сзади нас, серые, как тучи, моренные склоны рядом с нами, светло-серый поток ледника под нами – вот основные цвета. Небо теперь тоже серое, как зола.

Полный надежд, радостный, легко прыгаю с камня на камень, балансируя на их острых ребрах. О маршруте больше не думаю, он мне ясен. Постараюсь воспользоваться первой же муссонной паузой.

Ручей, берущий начало из ледника Восточный Ронгбук, сейчас такой полноводный, что мы не можем его перейти. Обходим по леднику Главный Ронгбук. Уже поздно. В небе, еще по дневному светлом, появляется месяц. Тибетское плоскогорье далеко на севере в вечернем освещении кажется морем бурой земли. От него веет многовековым безмолвием. Моренные гряды выглядят как дороги, а большие скальные блоки на них – как дорожные указатели.

Попытка перейти ручей на леднике Восточный Ронгбук

Эверест, оставшийся далеко позади, я воспринимаю сейчас только как символ моего решения. Он утратил для меня материальность, стал идеей.

В последующие дни мы отдыхаем в нижнем базовом лагере. Нена пишет письмо родителям.

«29 июля 1980 г. Дорогие родители! Здесь нет никакого почтового сообщения, и я не знаю, когда будет отправлено это письмо. Наверное, вы получите его не ранее, чем мы вернемся в Пекин. Так что это скорее не письмо, а удовлетворение моей потребности пого-

ворить с вами.

Эта поездка совершенно особенная. Мы находимся вдали от населенных мест и примирились с тем, что не получаем никакой почты. Сейчас прошел ровно месяц с того времени, как мы пришли на ледник Ронгбук и поставили здесь лагерь. Это прекрасное, уединенное, первозданное место. Иногда по осыпным откосам из селений, лежащих ниже, проходят кочевники с яками.

Клокочущая ледниковая река, бегущая рядом с лагерьем, с каждым днем становится все полноводнее. В верхней части долины стоит Джомолунгма. Так в Тибете называют Эверест. Непальцы говорят – Сагарматха. Она доминирует над этой местностью, она доминирует над нашей жизнью здесь.

Мы поставили на пути к Джомолунгме три лагеря. Самый первый и самый большой мы называем ронгбукским базовым лагерьем. Здесь мы отдыхаем. Здесь живут Цао и Чен. Цао – наш переводчик, бессердечный, или, точнее, безмозглый человек, а Чен – наш офицер связи, славный парень. Ни тот, ни другой не поднимается с нами в верхние лагеря. Цао – потому, что он не переносит хождений по горам и ледникам. Чен – хороший спутник, но он вынужден оставаться внизу, так как Цао один боится. Это понятно: он городской человек, а здесь кругом бродят волки, дикие ба-

раны и яки.

Ледяные башни на леднике Ронгбук

Наш следующий лагерь на высоте 6000 метров состоит из одной маленькой двухместной палатки. Она стоит на леднике Восточный Ронгбук, в том месте, где был расположен лагерь II китайских и японских альпинистов, побывавших здесь до нас. Это наш промежуточный лагерь. Здесь хранятся продукты, медикаменты и кухня. Промежуточный лагерь находится на пути к передовому базовому лагерю, который является самым высоким и стоит на месте лагеря III последних экспедиций, на высоте 6500 метров, у подножия

северо-восточного гребня Эвереста, прямо напротив крутой ледовой стены, изрезанной трещинами, которая ведет к Северной седловине. Это место также великолепно. Сюда мы на трех яках доставили продовольствие на месяц.

Как только прояснится и похолодает – надеемся, что это произойдет скоро, – мы с Райнхольдом пойдем в наш передовой базовый лагерь. Мы ждем, чтобы были жаркие дни и холодные ночи, тогда снежный покров на горе станет твердым. Райнхольд должен быть крайне предусмотрительным, ведь он идет один, а склон под Северным седлом довольно опасен. Лавины, большие трещины, ледовые отвесы. Мне всегда страшно за него, когда я смотрю снизу, как он пробирается по глубокому снегу между трещинами ледника все выше и выше, превращаясь в маленькую точку. Но я верю в его природные способности и альпинистское мастерство. Он с такой скоростью прошел эти 500 метров стены, что я спокойна за него. Он надеется дойти от лагеря на высоте 6500 метров до вершины за три-четыре дня. Это единственная тактика, с помощью которой можно достичь успеха. Ведь на большой высоте нельзя оставаться долгое время, особенно без кислородного аппарата – организм быстро разрушается.

Райнхольд теперь в хорошей форме и выглядит как

гуру. Мы надеемся только на подходящие условия и на многодневный перерыв в муссонных бурях.

Сейчас 21.30, мы собираемся спать. Я очень устала. Здесь, где нет практически никаких бытовых удобств, наши человеческие отношения предстают в истинном виде. У нас есть все. Я чувствую себя богатой, уверенной и преданной Райнхольду.

Я люблю вас всем сердцем. Нена».

Ронгбук – по следам культурной революции

На запад

Здесь, в Тибете, я привык к тишине и уединенности. Я испытываю чувство безопасности в этой тишине. Нена также научилась сдерживать свои эмоции и наслаждаться покоем.

Забыта лихорадка последних дней перед отъездом, когда я мотался, как заводной, выбиваясь из сил, чтобы успеть сделать все приготовления: оформить нужные документы, раздобыть требуемые 80000 марок, собрать снаряжение. Теперь все позади. Нелепым кажется вопрос, не раз возникавший в те дни: стоит ли затевать это дело? Здесь, в горах, такие вопросы отпадают сами собой. Безлюдная долина Ронгбук расцветает весенними красками. Палит июльское солнце. Я жду своего часа, как отшельники в окрестных пещерах ждут озарения свыше.

Если уж невозможно сейчас идти на Эверест, то почему не подойти хотя бы к Шише Пангме и не произвести разведку для будущей экспедиции. Эта мысль

пришла неожиданно. Мы послали Цао вниз, чтобы нанять джип, а сами вот уже три дня ждем его в Ронгбукском монастыре. Руины монастыря нагоняют печаль, но при воспоминании о том, что Китайская федерация альпинизма собирается строить здесь отель для альпинистов, становится совсем не по себе. Странное дело: мы, европейцы, миримся с тем, что самые живописные уголки наших Альп постоянно наводнены туристами, но когда к подобной идее приходят в таких отдаленных местах, как Тибет, нас это возмущает. Я понимаю, что противоречу сам себе, и понимаю также, что и я в какой-то мере способствую проникновению сюда цивилизации. Массовый туризм в экзотическую страну всегда начинается с увлекательного отчета тех, кто побывал в ней первым.

Наконец, джип прибыл.

Первое селение на нашем пути – Тингри. В этом месте долина расширяется и превращается в большую равнину. Когда-то здесь из года в год шла бойкая торговля – останавливались караваны по пути в Непал, торговали солью, доставляемой с Тибетского нагорья. Теперь Тингри опустело. Рядом с сотней домов, прилепившихся к склону и образующих живописное гнездо, стоят недавно построенные китайские казармы под жестяными крышами, окруженные каменными стенами с колючей проволокой. Здесь больше,

чем где-либо, развалин. На противоположном склоне из камней... выложены коммунистические лозунги, вроде таких: «Кто за далай-ламу, тот против председателя Мао», «Мы не остановимся, пока не уничтожим всех карьеристов».

Слева и справа от дороги – поля и работающие на них люди. Тибетцы поливают посевы, выпалывают сорняки, вспахивают землю на своих косматых яках. То и дело по краям вспаханных полей встречаются небольшие глиняные алтари.

Муссонные дожди пробудили землю ото сна. Огромные стада яков покинули зимние стойбища вблизи селений и потянулись на высокогорные луга.

Сопровождающий нас офицер хочет добраться до Шиши Пангмы в тот же день. Жарко, несмотря на то, что дорога проходит в тени. Примерно через сто километров мы сворачиваем на запад, пересекаем несколько ручьев и попадаем на обширную высокогорную равнину, тянущуюся вдаль насколько хватает глаз. Слева и справа от нас цепи холмов, их синевато-бурый цвет резко контрастирует с оливковой зеленью плоскогорья. Всю местность пересекают небольшие речушки, похожие на серебряные молнии. Они текут не привычными змейками, а четкими зигзагами. Это приводит меня в восторг. Видны черные точки пасущихся яков.

В высоком голубом небе плывут облака, такими они бывают только в Тибете: снизу плоские, ровные, а вверх поднимаются причудливыми башнями или сказочными существами. Драконы, тигры, рыбы, цветы лотоса над бескрайним плоскогорьем отражаются на степной траве островами теней. Ни в одном другом месте нет такой отрешенности от мирской суеты. Тут и там разбросаны черные палатки кочевников – в них не живут, они поставлены здесь на всякий случай. Среди камней небольшие кустики каких-то желтых цветов, голубые карликовые незабудки, ярко-красные примулы.

Слева прижата к холму деревня Четырех Драконов – красивые тибетские строения, покрашенные в белое, с плоскими крышами, на крышах хворост на зиму. Над почерневшими деревянными дверями рога яков, рисунки голубой и красной красками.

Впереди примерно в километре, как фата-моргана, бирюзово-голубое озеро, а за ним гора, вздымающаяся в небо крутой ледовой стеной. На земле, как белое облако, стадо овец. Воздух прозрачен, невозможно наглядеться на этот мир. Я начинаю понимать, что тибетцы, носящие в сердце этот ландшафт, твердо стоят на земле. Я понимаю также, что люди могут обходиться без идеологии, как обходится без нее природа.

Шиша Пангма

Солнце уже низко, тени удлиннились, жара спала. Едем вдоль известняковых скал, у подножия которых расположились кочевники. Кругом лишь можжевельник, ломонос да дрок. Поворачиваем налево, переезжаем реку. И вдруг перед нами возникает она – огромная, ослепительно белая, высящаяся над моренными нагромождениями Шиша Пангма, «гребень над пастбищами». Она совершенна, это образец гармонии, какого мне до сих пор не приходилось встречать. Здесь, на северной стороне водораздела, погода великолепная. А за Гималайским хребтом темно и мрачно, клубятся облака.

После долгой езды нам хочется размять ноги. Направляемся вверх по долине. Начинаются осыпи. На километры вперед тянутся моренные гряды, оставленные здесь древним ледником. Как гигантские змеи, громоздятся перед Шишей Пангмой береговые морены. Впереди ледопад, за ним крутая северная стена.

У подножия Шиши Пангмы

То и дело слышим голоса снежных куропаток. Они почти не видны между камней и вдруг с криком взлетают из-под самых ног. Серовато-белый, знаменитый светлый гранит Шиши Пангмы, кажется, светится в лучах заходящего солнца.

Из моря облаков, закрывающих все небо до самой Индии, проглядывают ледовые отвесы, скальные и снежные гребни. Постепенно наступает ночь. Луна окружена ярким светлым венцом. Тишина нарушается лишь отдаленным шумом ветра. Далеко на юге сверкают молнии.

Прошло много времени с тех пор, как мы оставили

джип на высоте 5300 метров. Небо светлеет, и одновременно на нем появляется несколько тусклых звездочек. Уже ночью мы возвращаемся к палатке. Моя спутница молодец, она в хорошей спортивной форме, и у нее сильная воля. Погода как будто устанавливается. Я в полудреме коротаю время до рассвета. Когда открываю глаза, вижу фиолетовое небо.

Снимаем палатку, грузим вещи в машину и едем назад. Я рад, что не один и могу поговорить с Неной.

«Ты же говорил, что твое соло на Нангапарбате было как дурной сон. А теперь хочешь идти один на Шишу Пангму? Разве недостаточно будет Эвереста?» — спрашивает она.

«На Нангапарбате я проверял, смогу ли взойти в одиночку на Эверест. Это ведь самая высокая вершина Земли. Так что все совершенно логично. Раньше я считал, что нужно пройти в одиночку какой-нибудь один восьмимысячник и этим рекордом закончить свою альпинистскую деятельность. Но я не могу бросить альпинизм. После Нангапарбата возникла идея Эвереста. Я не только альпинист-одиночка, я своего рода Сизиф, который, по сути дела, никогда не достигает вершины. Я Сизиф, и камень, который я тащу в гору, это моя собственная душа».

«А Шиша Пангма?»

«Это гора, которой я болен, вот и все. Каким обра-

зом я на нее взойду, с друзьями или один, не имеет никакого значения».

«Когда ты идешь один, разве ты не ощущаешь необходимости поделиться с кем-нибудь впечатлениями, да и поделить невзгоды?»

«Когда я иду не один, в глазах партнера я вижу ту же самую усталость. Партнер – мое зеркало».

«Может ли природа давать утешение?»

«Да, и даже очень. Первый утренний свет, например, часто приносит мне внутреннее спокойствие. Я не назову это счастьем. Это именно спокойствие».

«А почему бы и не назвать это счастьем? Я думаю, что у человека не может быть большего счастья, чем ощущать себя частицей вселенной и черпать силы из этого ощущения».

«Слово счастье мне кажется слишком затасканным».

Между тем мы уже проехали свои сто километров. В прежние времена путешествия по этим местам были полны опасностей и приключений. Я читал, что только один ветер может погубить целый караван. От одной надежной стоянки до другой приходилось добираться несколько дней, даже недель. Мы же ехали гораздо быстрее, с верными телохранителями и по сравнительно хорошему шоссе. Все неловкости постепенно сгладились. Мы восхищались «открытым»

Тибетом, но другой, древний Тибет был глубоко скрыт от глаз. Именно его хотел я видеть, и иногда это мне удавалось.

Во времена «культурной революции» и уничтожения «четырёх элементов отсталости» – старой культуры, старых обычаев, старых привычек и старых представлений – старый Тибет не умер. На это время он погрузился в сон, подобно Спящей Красавице, и ждал часа, когда можно будет проснуться. И мне кажется, что эти времена уже наступили. Наши китайские спутники обращали наше внимание на улучшения, происшедшие после «освобождения» Тибета Китаем: оросительные каналы, школы, больницы и не в последнюю очередь дорога, по которой мы ехали. Конечно, крестьяне теперь не гнут спину на хозяев монастырей и крупных землевладельцев, сегодня они работают на Народную Республику, но чтобы решить, что лучше для того или иного народа, нужно сначала выяснить, что составляет суть его жизни. В стране, где люди веками верили, что могут влиять на свою Карму, рационально то, что нам порой кажется нерациональным. Раньше тибетцы сами, худо ли, хорошо ли, согласовывали свои верования со своей жизнью. Они должны были стойко переносить удары судьбы, чтобы скорее получить облегчение, которое и получали, благодаря вере в возрождение в будущей жизни. Здесь ва-

жен неуловимый внутренний мир. С помощью техники можно произвести лишь самые поверхностные изменения – эти-то изменения нам и показывали.

Буддизм в Тибете, ламаизм, насчитывает 1500 лет. Он смешан с пантеистическими представлениями и с древнетибетской религией Бон, основанной на вере в злых и добрых демонов. Никогда раньше не осознавал я с такой ясностью бессилие и смехотворность технического прогресса. Однако я понял и то, что для меня, сына Запада, тайны Востока так и останутся тайнами.

Проплывают мимо ландшафты. Дали переливаются разнообразными красками. Погода прекрасная. Нет ни одного безжизненного кусочка земли. Даже на совершенно сухих песчаных полях пробиваются растения. Когда мы въехали в корытообразную долину, стало совсем тихо. И эта тишина природы – сама музыка.

В двух часах езды от Катманду

Еще на пути к Шише Пангме мне особенно запахла в душу безупречная красота деревни Четырех Драконов. На обратном пути мы рассмотрели ее получше. На каменной стене сидит юноша и расчесывает черные волосы, достигающие ему до плеч. В ушах на шнурках небольшие кораллы и бирюза. Одет он в засаленную шерстяную рубашку и брюки из овчины. Его смуглая кожа под действием солнца и копти стала шоколадной. Вот деревянные двери в стене открылись, вышел старик с лицом, заросшим белой щетиной. «Таши делек», – сказали мы. «Да будет счастье с тобой». Старик улыбнулся и проводил нас в дом. Сначала мы попали в сени, где разгорожены каменной кладкой стойла для скота. В одном стойле тощий жеребенок, у которого грива и хвост все до волоска перевязаны ленточками. Старая собака несколько раз хрипло тявкнула и отошла в свой угол. Входим во внутреннее помещение.

За деревянным ткацким станком сидит пожилая женщина. Она ткёт полосатую ткань из шерсти. У нее длинные седые волосы, на шее длинная цепочка из огромных янтарей, кораллов и серебра. На деревянном настиле разложены для проветривания ковры и

шкуры.

Женщина провела нас в заднюю часть жилища. Здесь нет окон, свет проходит через отверстие для дыма. Под отверстием маленький железный очаг. Никакой выводной трубы. Пол покрыт выделанными овчинными шкурами. Часть стены оклеена газетами. У стен деревянные лавки, а на них ковры, одеяла и подушки. Мы сели. Нам подносят чанг в деревянных, отделанных серебром чашах. Подливают чанг из пластиковой канистры грязно-белого цвета.

Из бокового помещения вышла молодая женщина. Все улыбаются. Наш разговор в основном состоит из улыбок. С помощью слов «Шиша Пангма», «Джомолунгма» и всевозможных жестов рассказываем о нашем путешествии. Дружеские кивки. В качестве подарка оставляю им мой карманный нож.

Позже Цао рассказал мне, что эти люди полукочевники, со стадами яков и овец они доходят до самых высокогорных пастбищ у ледников Шиши Пангмы. На летних пастбищах ставят палатки, но всегда возвращаются в свои дома.

На развилке, там, где наша дорога вливается в трассу Лхаса – Катманду, я спросил Чена, можно ли подъехать к границе. «Можно», – сказал он. «Ну, так поедem туда! – воскликнул я, и мы свернули направо. Мы проезжаем перевал и въезжаем в глубокую до-

лину. Навстречу все время идут украшенные бамбуком грузовики. Ущелье становится все уже и глубже. Местами скалы поднимаются над дорогой на добрую сотню метров, за ними – еще более высокие гряды, теряющиеся в облаках.

Начинается субтропический лес. Моросит дождь. Вдоль дороги гигантские деревья бамбука и папоротника. В их ветвях порхают птицы. Много бабочек великолепной расцветки. Мощно шумят водопады.

Ночуем в Ниларму. На следующий день подъезжаем к непальской границе, от которой всего два часа езды до Катманду. Мы в самой середине тропических лесов к югу от Гималайского хребта. Глаза, уже привыкшие к сглаженным перспективам и неярким цветам тибетских плоскогорий, не могут насытиться этой роскошной зеленью. Кожа становится влажной. Слух заполнен шумом водопадов, пением птиц. Я пьянею от этих сочных красок, тяжёлого воздуха. Мы погрузились в совершенно особенный мир и видим теперь Гималаи другими глазами.

Ученые считают, что миллионы лет тому назад Тибет находился на дне моря. Гималайские горы возникли в результате надвига друг на друга двух материковых платформ, одной со стороны Индии, другой – со стороны Китая. А Тибетское плато оказалось сзади этого поднятия. Свидетельство этого – окамене-

лые раковины, которые можно найти на самых высоких вершинах. Тибетские озера – это остатки древнего моря, вот почему они соленые. Столкновение обеих платформ не закончилось, и Гималаи все еще поднимаются. Не исключено, что когда-нибудь Эверест станет девятитысячником.

Поднимаемся вверх, очарованные красотой этой гигантской теплицы. Здесь в пограничных деревнях особенно много китайских солдат, рабочих, государственных служащих. Невольно вспоминается Южный Тироль, где итальянцы и немцы живут рядом, но не понимают и не любят друг друга.

Погода довольно сносная. Дождь идет только ночью. Но все ущелье заполнено облаками. Мы находимся в закрытой для посещения долине и удивляемся, что нас до сих пор никто не остановил.

Через два дня возвращаемся назад. Из Гималаев опять попадаем на открытые просторы Тибета.

Южные склоны Гималаев

Пока садилось солнце, и ландшафт, и краски изменились, сочная зелень тропических лесов сменилась темно-серым цветом пустыни.

Во время одной из остановок на пути в Лхасу мы встретили бывших беженцев. Они рассказали ужасные истории о произведенных во время культурной революции разрушениях. Наш офицер связи все время запинаясь и перевел нам, естественно, далеко не все. И тем не менее они возвращались из Непала на родину. До них дошли слухи, что механизм угнетения

упразднен и что снова можно быть тибетцем и буддистом. В Тибете они оставили родственников и очень тосковали на чужбине.

В полдень мы уже в Тингри. После небольшой остановки отправляемся в Шегар, чтобы заправиться бензином перед выездом в базовый лагерь. По дороге замечаем, что горы сейчас видны лучше, чем неделю назад. На небе лишь отдельные разорванные облачка. Наверху, должно быть, похолодало. Не есть ли это начало того самого перерыва в муссоне, которого я так страстно жду?

В Шегаре долго не задерживаемся. Покупаем немного консервированных фруктов, свежих овощей на рынке, с десяток луковиц и едем обратно.

К вечеру этого же дня подъезжаем к реке Ронгбук. Воды в реке так много, что мы сможем попасть на другой берег лишь на следующее утро, когда после ночного холода уровень понизится. Ночуем. Вечером прошел небольшой дождь, его натянуло с севера. Основные тучи прошли стороной.

Жители деревни толпой стоят перед нашей палаткой. Слева на корточках сидит женщина и с интересом следит за каждым моим движением. На ней платье из цельного куска материи, достигающее до щиколоток и неопишимо грязное. На грязном лице, на скулах и на висках симметрично наклеены раскрашенные лен-

точки белого лейкопластыря. Такое украшение мы видели на лицах многих женщин и девушек, и я не сразу догадался, из чего оно. Женщина очень дружелюбна, она протягивает мне горсть цзамбы, потом приносит несколько небольших яиц. Я покупаю их. Мужчины, женщины, дети обступили палатку. Пока я пытаюсь как-то отодвинуть их, Нена пишет.

«8 августа 1980 г. Происходит нечто невообразимое. Я чувствую себя обезьяной в зверинце. Чэн, шофер, Райнхольд и я сидим в палатке за деревней на берегу реки. Я готовлю ужин, как на арене цирка. Каждый раз, когда открываю очередную банку, все придвигаются ко мне и пытаются рассмотреть, что там внутри. Здесь я совершаю одну колоссальную ошибку – даю им несколько шоколадных конфет. После этого мы боимся, что палатка будет снесена. Они стали всё просить. Едва я доставала что-нибудь, ко мне протягивались просящие руки. Все говорили одновременно.

Когда мы приехали, один подвыпивший молодой человек весьма горячо просил у нас хлеба. Чен сказал ему что-то очень грубо. Парень ушел вне себя от ярости. Больше никто ничего не просил, пока я не сделала эту глупость с конфетами. Теперь все пришли и просят пищу. Мы в их глазах очень богаты, и они не могут понять, что у нас все продукты строго рас-

предделены по рационам и ничего лишнего нет. После всех этих волнений я радуюсь предстоящему отдыху в Ронгбукском лагере, шуму реки, который убаюкивал нас, голым моренным склонам.

10 августа 1980 г. Мы снова в Ронгбукском лагере. Сегодня новолуние. Погода как будто установилась. По альтиметру, который мы используем в качестве барометра, давление то поднимается, то падает.

У нас у обоих испорчены желудки. Я предложила провести день, как Морис Уилсон, но когда мы проснулись, мы были так голодны, что сразу же оставили эту идею. Может быть, завтра будет лучше.

11 августа 1980 г. Решила полазить по камням недалеко от лагеря.

Радуюсь, как ребенок. Камни очень трудные, на некоторые я могу забраться только с верхней страховкой.

После одного трудного маршрута я долго приходила в себя, но не сдалась и продолжала тренироваться. Наконец мне удалось схватить ритм движения.

Для Райнхольда эти булыганы не представляют никакой трудности, он находит зацепки легко и уверенно. Он начал лазить по скалам с пяти лет и постепенно, пройдя бесчисленное количество маршрутов, утратил боязнь высоты.

12 августа 1980 г. Я чувствую себя лучше, но Рай-

нхольду все еще плохо. Мне хочется что-то для него сделать. Он угнетен, обидчив и раздражителен. Он знает, что сейчас как раз время для штурма вершины, поэтому не принимает антибиотиков, которые ослабляют организм. Райнхольд убежден, что легчайший понос и слабость делают одиночное восхождение на Эверест смертельно опасным. Это не мнительность. Понос сильно обезвоживает организм. Высота усугубляет проблему водного баланса, так что возникает риск превысить пределы прочности организма.

13 августа 1980 г. Мне грустно, что здесь больше нет сурков. Раньше я с удовольствием наблюдала за ними, когда они вылезали из своих нор, располагались на камнях, грелись на солнце. Иногда они становились столбиками и глазели вокруг. Было так приятно жить вблизи них. Но Цао покончил с этим. Он расправился с сурками с помощью своего проклятого ружья, он ежедневно упорно стрелял в каждую норку. Я думаю, так вести себя может только человек с большим рассудком».

Незаметно поднялся вечерний ветер. С каждым порывом он становился все холоднее. Наконец-то! Как раз на этой мысли слышу рядом с собой вздох Нены. Она уставилась на одинокую звезду, неподвижно висящую над нами. Мои неприятности с желудком прошли. Я чувствую себя лучше. Мы долго сидим на мо-

ренном холме около палатки и обсуждаем план подъема.

По-видимому, сейчас наконец муссонный поток из Бенгальского залива столкнулся с муссонным потоком, идущим со стороны Аравийского моря, и наступил тот знаменитый перерыв, когда два фронта облаков, так сказать, в ожидании стоят друг против друга. Долгожданная пауза, мой шанс! Ясный вечер. Обычный злой ветер сверху, с Ронгбукского ледника, будто умер, нет ни ливня, ни шквалов. Высокое небо. Прохладно. Завтра или послезавтра надо выходить. Сейчас наверху наилучшие погодные условия. Кто знает, как долго протянется эта передышка в муссоне.

Решение принято, но вместе с ним возвращаются старые сомнения. Северная стена Эвереста высится над ронгбукским лагерем в суровой белизне.

Всю ночь я думаю. Беспорядочно пробегают в моем воображении участки маршрута, места ночевки. Джомолунгма сверлит мой мозг. Надежда и страх, что восхождение не удастся, борются во мне.

Джомолунгма – путь к вершине и возвращение

*Вот что я думаю о жизни во Вселенной:
Это яркая звезда в полутьме сумерек,
Это водоворот в спокойной реке,
Грозовой разряд среди ясного неба,
Вспышка молнии,
Фантом,
Мечта.*

*Из Алмазной Сутры (Ваджраччхедика
Праджня парамита Сутра)*

***Одно из наиболее распространенных и
читимых в Тибете священных сочинений,
ритуальное чтение которого оберегает
от несчастий***

Перерыв в муссоне

Итак, перерыв в муссоне. Небо будто из плотной ткани. Яркая голубизна над Эверестом режет глаза. Вытянутые в длину полосы дрожащего воздуха изгибаются, как окалина в вязкой массе. Расстояние до Эвереста скрадывается. Я часами могу наблюдать за тем, как движется воздух над долиной Ронгбук. Внешне нет никаких проявлений природных сил, ни бури, ни

тумана, ни дождя, муссон как будто кончился. Но все это сдавленное пространство заряжено энергией: кажется, что поднялись древние силы и отодвинули бело-голубую полосу облаков. Краски небосвода оживляют землю. Пятна зелени на склонах и даже камни излучают энергию. Я это вижу и чувствую. Не хочется двигаться, но надо. Я прекрасно адаптировался к высоте. Одышки больше нет. После семи недель, проведенных на высоте 5000 метров, я чувствую себя в базовом лагере как дома.

Еще раз убеждаюсь, что чем чаще бываешь на большой высоте, тем быстрее каждый раз привыкаешь к недостатку кислорода. Новичкам это дается труднее. В моих первых экспедициях я мучился больше, чем в последующих.

Тогда, в 1969-1970 годах, у меня было ощущение парализованности, неуверенности, глубокого отчаяния. А теперь, после упорных повторений, тело стало не просто тренированным, оно сохраняет память о своих возможностях, легче перестраивается на высотный режим.

И тем не менее три-четыре недели все равно нужны для адаптации. Без такой подготовки восхождение на вершину Эвереста было бы немыслимо, даже если перед этим ты побывал на всех восьмитысячниках мира. Адаптация к высоте является основным усло-

вием. Но я ничего не предпринимаю для ускорения этого процесса.

Так же, как ждал хорошей погоды, я жду наилучшего состояния своего организма.

Мое одиночное восхождение, как и сама жизнь, полно неизвестности – в нем много непредсказуемого, рискованного, зависящего от случайности и потому нелогичного. Было бы глупо пытаться рассчитать все. Одиночное восхождение на Эверест – это не арифметическая задачка.

Я верю в человеческие инстинкты. Когда человек оказывается перед выбором – выжить или умереть – он поступает верно. Но я не могу ставить себя перед таким выбором. Альпинизм вообще не должен ставить человека перед таким выбором. И Нена с этим согласна, она целиком полагается на меня.

А может быть, она прячет тревогу от самой себя? Или от меня? И успокаивается, ведя дневник?

«15 августа 1980 г. Мы выходим. Как я ждала этого! Мы пойдем к леднику Восточный Ронгбук и по нему дальше вверх. По мере того, как небо становится чистым, улучшается и мое внутреннее состояние. В горах мы ближе к самим себе. Все как будто концентрируется внутри нас. Может быть, действительно становятся более весомыми наши познания, может быть, меньше отвлекающего. Чувства обостряют-

ся. Особенно это сказывается на моих отношениях с Райнхольдом. Здесь в нем в полной мере проявляется южный тиролец. Он раскрепощен, мыслит свободно, но консерватизм маленькой деревеньки в Доломитах, где Райнхольд вырос, не оставляет его.

Если он чего-нибудь хочет, для него нет препятствий. Он бывает и сдержан, и груб, а чаще всего недоверчив. Неделями я наблюдаю за Райнхольдом как бы через стекло. С ним очень хорошо ходить в горах. Наверху он становится самим собой. Он так сентиментален за своей суровой оболочкой, которая за 30 лет альпинизма превратилась в панцирь из-за завистливого отношения к нему в Южном Тироле. А теперь этот панцирь стал прозрачным.

Сегодня я чувствую себя неважно. Дорога длинная, но она станет легче, если не надо будет тащить груз. Головная боль, которая мучила меня в начале путешествия, прошла. Я тоже хорошо адаптировалась. И мне нравится идти вверх с Райнхольдом, быть с ним рядом. Каждый идет своим шагом, но мы не отдаляемся друг от друга. Каждому нужно пространство, чтобы предаваться собственным мыслям».

Упаковка грузов проходит на этот раз быстро. В передовом базовом лагере есть все: продукты на четыре недели, горючее, снаряжение для подъема на вершину. Нельзя забыть ни одной мелочи: фотоплен-

ка, альтиметр, запасные очки. Мысленно я перебираю список вещей. Я представляю себе все восхождение, шаг за шагом, бивак за биваком, все, что мне будет нужно выше лагеря 6500. Минимум лишнего, но жизненно необходимое – в двойном количестве, таков мой девиз.

Когда я взял альтиметр, чтобы положить его в верхний клапан рюкзака, я обратил внимание, что давление поднимается. Итак, перерыв в муссоне! Для собственного успокоения я повторил то, что говорили крестьяне внизу в долине, и что соответствует данным современной метеорологии: «Во время летнего муссона выпадает один или два периода хорошей погоды, длящихся от четырех до десяти дней».

Удивительно, как часто знания местных жителей о погоде, превратившиеся уже в интуицию, соответствуют наблюдениям метеорологов. Я читал о муссоне в научной работе о погоде в Гималаях Гельмута Крауса. Все говорит за то, что сейчас можно начинать восхождение.

«Летний муссон со значительными осадками с июня по сентябрь приходит не вдруг. Постепенный переход от сухой погоды зимой к летнему муссону начинается предмуссонным выпадением осадков, связанных с конвекционными процессами, и зачастую сопровождается грозами».

Этот переход тянется шесть недель. В первые дни, в базовом лагере, сила муссона была еще не так ощутима. Но действительно ли это муссон? У Крауса читаю:

«Муссоном называется система ветров с заметной сменой господствующего направления по временам года. Физические причины муссонных ветров – это годовое движение околоземных зон давления и ветра и различие в температуре между поверхностью суши и моря. Оказывают влияние также высокогорные области, так как над ними воздух летом нагревается сильнее, а зимой охлаждается сильнее, чем на тех же высотах в атмосфере.

В широком смысле слова понятие муссон обозначает не только систему ветров. Часто сюда включают также грозовые явления, связанные с преобладающим в данный момент направлением ветра. Так, есть Индийский юго-западный муссон (июнь – сентябрь), характеризующийся падением температуры воздуха и частыми осадками; есть Индийский северо-восточный муссон (зимой) с сухой, безоблачной погодой».

Вот что пишет Краус о погоде в июле и августе:

«В июле на высоте 1,5 км над северо-западной Индией находится жаркая область низкого давления. В южной ее части господствуют западные ветры, которые зарождаются в зоне экваториальных западных

ветров. На северо-востоке области низкого давления над долиной Ганга преобладают юго-восточные ветры. На высоте 3 км над областью 20° северной широты лежит муссонный трог (ИТС); на высоте 6 км трог располагается еще ближе к экватору, и повсюду отмечены восточные ветры между ним (трогом) и двумя зонами высокого давления, одна из которых находится над Тибетом (это квазипостоянный теплый антициклон, образовавшийся благодаря нагреванию воздуха над высокими плоскогорьями), а другая – над Ираном и Афганистаном. Восточные ветры составляют основу тропического течения исходного пассата. На высоте 9 км все пространство передней Индии на юг от 30° северной широты обвевается восточными ветрами, скорость которых в Непальских Гималаях достигает почти 20 км/час. Это соотношение ветров характеризует в общем циркуляцию воздушных масс во время летнего муссона».

Все это для меня как неспециалиста слишком сложно, и я ищу информацию о перерывах в муссоне.

«Летний муссон очень важен для сельского хозяйства Индии и Непала. От продолжительности и интенсивности дождей зависит урожай. С этой точки зрения практическое значение зимнего муссона сильно уступает летнему. Именно поэтому в этих странах, когда говорят о муссоне, то имеют в виду летний мус-

сон с его грозами. И поэтому индийские метеорологи уже давно занимаются преимущественно проблемами, связанными с муссоном. При этом особенно важную роль играют вопросы начала муссона, перерывов в муссоне, возвращения муссона и вопросы образования, распределения и интенсивности осадков».

Все написанное перекликается с моими собственными наблюдениями последних лет. Мне нельзя терять ни одного дня. Если я не воспользуюсь нынешней ситуацией, мне придется ожидать следующей возможности, по-видимому, до начала октября.

«Муссонные депрессии образуются на севере Бенгальского залива и распространяются на запад-северо-запад вдоль ИТС (муссонного трога), с тем, чтобы потом либо объединиться с областью горячего низкого давления над северо-западной Индией и Пакистаном, либо вылиться над Гималайскими горами.

По данным Л.А.Рамда, эти муссонные депрессии возникают в среднем с интервалом 7-10 дней. Их частота (с июня по сентябрь) колеблется между 6 и 14 в год. Когда случайно муссонный трог располагается севернее относительно своего обычного положения, то восточные ветры нижних слоев атмосферы над долиной Ганга и на южных склонах Гималайских гор сменяются западными.

Перемещение ИТС на север обуславливает прекра-

щение дождей в долине Ганга и в центральных областях Индии. Поэтому говорят о прекращении муссона (или перерыве в муссоне), которое может продолжаться около двух недель. Понятно, что в горных областях страны, особенно тех, которые располагаются далеко от муссонного трога, в любой день муссонной паузы могут выпасть осадки».

«Нет никакого сомнения, – говорю я Нене, когда мы выходим на первые моренные гряды сразу за базовым лагерем, – мы находимся в муссонной паузе».

Никогда ранее я не видел эту великую гору такой могущественной. Однако во мне нет страха. Белое покрывало Эвереста блестит на фоне неба далеким зеркалом. Только на левом гребне повис «белый флаг».

Небо как из матового стекла. Свежо, немного ветрено, неуютно. Но я не мерзну.

Путь сначала петляет и извивается, слегка поднимаясь вверх, по орографически правой стороне долины. Мне знаком здесь каждый камень. Это усиливает мое нетерпение. Я знаю, где и когда мы должны быть.

На глаз трудно определить, как далеко отсюда до горы. Когда прекратились дожди, она как бы приблизилась. Дистанция восстанавливается, только если пространство между мной и ею заполняется туманом. Вершина отодвигается, стена под ней вырастает. Бе-

лые бесформенные поля оживают.

С такого большого расстояния все еще трудно оценить крутизну стены. Но я думаю, что северный склон Эвереста менее крутой, чем мне сейчас кажется. Что позволяет мне преуменьшать опасность восхождения – чувство самосохранения или знание фактов?

Примерно 60 лет назад английские альпинисты поднялись выше 8000 метров с допотопным снаряжением. Так что северный гребень не должен быть слишком крутым. Я еще далеко не на 8000 метрах, но у меня облегченное, хорошо зарекомендовавшее себя снаряжение, лучшее из того, что имеется в альпинизме на сегодняшний день: легкая цилиндрическая палатка-малютка, титановый ледоруб, двенадцатизубые кошки из титана, матрац, спальный мешок. Я щурюсь на солнце, и мальчишеское чувство «ничто не может меня остановить» овладевает мной.

Теперь или никогда

В какой момент человек начинает считать кусок земли своей собственностью? Я четвертый раз шаг за шагом завоевываю эти первые шесть километров. В некотором смысле они уже принадлежат мне. На всем пути я поставил всего три тура. В одной неглубокой канавке отгородил себе камнями ручеек. Каждый раз сажусь на один и тот же камень на поляне фиолетово-желтых колокольчиков и смотрю, как они склоняют головки от ветра. Они растут в понижении между старой и новой моренами – как на огромной ладони. Здесь пахнет травой и влажными камнями. Может быть, кочевники потому больше любят свою родину, чем горожане, что они все время открывают ее заново. А может быть, горожане понимают под родиной прежде всего имущество, друзей, идеологию – нечто такое, что уничтожается временем и ветрами, как яркие осенние листья? Мои корни лежат глубже, они в горах. Между нижним базовым лагерем и передовым у нас есть еще промежуточный лагерь – на высоте 6000 метров. До него шесть часов ходу. Эта палатка стоит прямо у перевала Чанг Ла, у подножия предвершины Эвереста. Отсюда еще четыре часа до передового базового лагеря на морене.

Мы собираемся переночевать в лагере 6000. Там мы как дома. Эта палатка и в самом деле значит для нас гораздо больше, чем просто крыша над головой. В обыкновенной палатке, 1,80 X 1,20, в форме тоннеля, едва в метр высотой, можно отдыхать, готовить пищу, спать. Я знаю, что в этом крошечном полуцилиндре можно пережить снежную бурю – и это порождает во мне чувство защищенности.

Мы пересекли долину Восточный Ронгбук в ее верхней части, где из-под языка ледника, в нагромождении камней вырывается поток. Несмотря на то, что я вполне тренирован и уже хорошо акклиматизировался, все-таки еще нет полной легкости на этих бесконечных подъемах и спусках по осыпям. Когда из-под ноги вдруг уходит камень, движения сразу становятся судорожными, превращаются в мучение. Приходится останавливаться, восстанавливать дыхание. В этот день мы преодолеваем перепад в 900 метров. Но прошли мы гораздо больше. Большой кусок пути идем по засыпанному камнями левому берегу ледника, потом по явно выраженной срединной морене. Здесь подъем более равномерный, а грунт твердый. Спускаемся с морены и попадаем в понижение, где стоит палатка нашего промежуточного лагеря. К нашему удивлению, палатка цела и невредима и стоит в том же виде, как мы ее оставили три недели назад. Нена готовит еду,

я приношу воду из ледникового ручья. Из туннеля, откуда он вытекает, раздается грохотанье и рев. Слышно, как раскалывается лед. Все эти звуки ледника напоминают мне синтетическую музыку. Ледник стонет, злобно сопит, бесится.

Вход в палатку расстегнут, чтобы был доступ свежему воздуху. Высунув голову наружу, я все время наблюдаю за погодой. Все признаки благоприятны, облаков немного, и они не расползаются. Небо высокое, белесо-голубое, с наступлением сумерек оно становится ярко-бирюзовым. Вечером на черном небосклоне появляются трепетные звезды. Я окончательно успокаиваюсь. Как будто одновременно с прекращением муссона исчезла и моя внутренняя тревога.

Привал на леднике Восточный Ронгбук

На пути в промежуточный лагерь

И в наше время высотник гораздо больше зависит от условий, складывающихся на горе, чем от своих собственных возможностей или своего здоровья. Важнейшую роль здесь играет погода. Сейчас я оцениваю ее в основном с помощью собственной интуиции и убежден, что она останется хорошей. Мое решение спуститься вниз в ронгбукский лагерь было правильным. Десять дней пребывания на высоте 6500 метров сказались на нас, но в базовом лагере мы быстро пришли в себя. Сон и аппетит вернулись. За три недели на высоте 5000 метров мы полностью вос-

становились.

Особенно хорошо это видно по Нене. Теперь она не отстает, чувствует себя хорошо, несмотря на высоту, хорошо спит. Я же, напротив, в эту ночь сплю мало. Утром я собираю рюкзак, Нена делает записи в дневнике. У нее больше энергии, чем у меня.

«Райнхольд в дурном настроении. Хорошо, что сегодня у него будет нетрудный день. Отсюда до высотного лагеря совсем нет подъема. Мы ждем, пока солнце поднимется выше. Все в порядке. Вот только Райнхольд мало спал ночью. Мы оба укрылись нашим единственным спальным мешком. Было холодно, поэтому начались обычные трудности: каждый тянул пуховый мешок на себя, проявлял недовольство, толкал другого. Райнхольд нервничал. Конечно, я оказалась виновата в том, что он так плохо спал».

Незаметно и неосознанно на мне начало сказываться напряжение одиночного восхождения. Мою уравновешенность как ветром сдуло. Я несу ответственность за все сам, я предоставлен только себе. Как неправ я бываю в такие минуты! Перед такой «пробой на разрыв» я и при идеальных условиях едва ли смог бы спать. А тут пенопластовый матрас в палец толщиной. Камень величиной с кулак давил в бок, было холодно. То просыпаясь, то засыпая, я думал о наступающем дне. Я ожидал рассвета с нетерпением.

ем и страхом. Я знаю, какие опасности ждут меня наверху: трещины, лавины, туман, пурга. Но еще более опасны переутомление, страх, чувство одиночества. Вынужденное безделье также поубавило во мне уверенности в своих силах. Я восхищаюсь умением отшельников подолгу жить в одиночестве. Может быть потому, что мне не хватает этого умения.

Покидаю палатку. Нена опять не готова – я нетерпеливо надеваю рюкзак и прохожу сотню метров вверх по камням срединной морены. Я как будто стыжусь подождать ее. Мое стремление вперед безудержно. Душевное смятение, вызванное этим одиночным предприятием, столь велико, что я могу бороться с ним только в движении.

Мы обходим Северную вершину. Крутые лавиноопасные склоны ее восточной стороны выглядят угрожающе. Снег держит. Идем все время только вверх. Как успокаивающе действует на меня это монотонное равномерное движение! Кажется, что ритм моего дыхания согласован не только с ритмом шагов и биения сердца, но и с течением мыслей.

Воздух здесь беден кислородом, но есть в нем что-то более важное. Тишина полна какой-то особой жизненной силы. Она не видна, не слышна, не поддается измерению, но я знаю, что она здесь, вокруг меня. Иногда, когда грохот лавины обостряет мои чув-

ства, эта сила увлекает меня, пронизывает насквозь, оmyвает своими волнами. Возникшая вдруг из ничего, она заполняет пространство подобно ударной волне. Откуда берутся приливы и отливы этой живой силы, пульсирующей здесь и не ощущаемой физически?

На этой высоте не приходится притормаживать, скорость и так невелика. Иду небольшими шагами, наступаю на надежные камни в низинах между более крупными блоками. Балансировать на шатающихся камнях, перепрыгивая с одного на другой, у меня нет сил. Нена где-то сзади идет своим темпом. Совместное движение выбило бы нас обоих из ритма, который у каждого человека индивидуальный, и каждый скорее бы устал.

Последний отрезок пути перед передовым базовым лагерем

Не бывает двух людей, которые выше 6000 метров могли бы подниматься вверх в одинаковом темпе, не затрачивая при этом дополнительной энергии на подстраивание к товарищу. Выходит, альпинисту предназначено ходить в одиночку?! Да, отвечаю я. Ходить – да, но быть одиноким – ни в коем случае. О, как я быстр на обобщения! Не стоит распространять на всех то, что свойственно только мне. Это я не способен в одиночку ждать или делать какое-то дело. Но на вершину иду один.

Палатку лагеря 6500 еще не видно. Выпуклость ледника скрывает ее. Чем круче подъем, тем короче шаги. Ну и дорога! Морена из мелкой осыпи, по которой мы идем, лежит темной лентой между двумя потоками ледника, но она не для прогулок. Приходится все время обходить трещины и завалы камней, отклоняясь от прямого пути то вправо, то влево. Иду напряженно, лавируя среди ледовых торосов, ручьев и камней. Ступая одной ногой на прочное основание, я уже весь сосредоточен на том, чтобы найти надежную опору для другой. Время от времени бросаю взгляд вдаль, чтобы не потерять общее направление. Наша морена уходит далеко вверх и вниз, превращаясь в перспективе в черную ниточку на сверкающем фоне

льда. По ней можно догадаться, сколько пути пройдено и сколько еще осталось.

Трудно сравнить с чем-либо то напряжение, которое переносишь на этой высоте. И оптические впечатления обманчивы. В разреженном воздухе отрезок пути до следующего ориентира кажется короче, чем на самом деле. Отсюда опасность прийти в отчаяние, видя все время перед собой вершину, которая никак не приближается. Когда вот так несколько раз поймешь, что ошибся, сдает даже самая сильная воля. Здесь пониже еще ничего. Пока набираешь по 200 метров высоты в час, еще есть чувство движения, и это прибавляет сил. И пока есть чему прибавляться, альпинист похож на велосипедиста или бегуна. Но далее запасы сил кончаются, мучение переходит все границы, его можно вынести лишь потому, что с утратой чувства времени теряется также ощущение верха и низа, здесь и там. Продвижение вперед превращается в действие животного. Как Сизиф, должно быть, приходил в отчаяние не оттого, что надо было все повторять сначала, а оттого, что никогда не достигал ни верха, ни низа, — так и альпинист-высотник рискует сломаться, не имея возможности выскочить из этого повторения. Достижение очередной вершины лишь на мгновение выводит его из колеи страдания и одновременно дает ему силы начать сначала траги-

ческое движение по кругу.

Вмерзшие в лед камни оттаяли на солнце. Ожили ледниковые реки. Стало тепло. Мы поднимаемся по крутой живой осыпи на ровное место в верхней части ледника Восточной Ронгбук. Там на камнях наш лагерь. Это – лучшее место, которое можно себе представить на высоте 6500 метров. От камнепада со склона оно отделено неглубокой мульдой ледника. При хорошей погоде здесь много солнца. Первые утренние лучи полностью освещают палатку, к востоку от нас лежит огромный фирновый цирк, а за ним относительно низкие горы. Вечером, правда, мы рано оказываемся в тени. Утром за один час оттаивает ручей около палатки, и уже до самого вечера у нас есть вода.

Мы снова укрепляем палатку, и я все время поглядываю на Рапью Ла – плоское восточное седло Эвереста, лежащее над фирновым плато у начала северо-восточного гребня Эвереста. Пока Рапью Ла не укроет туман, погода не изменится.

Весной, в конце апреля и в мае, штормы наверху так сильны, что альпинисты подчас не могут вылезти из палатки по несколько дней. Теперь же, в августе, ветер – мое спасение. И прежде всего западный ветер. Было бы идеально, если бы он стал еще сильнее. При западном ветре на Эвересте самые благоприят-

ные и безопасные условия для восхождения: твердый фирн, гребень свободен от снега, менее вероятны лавины.

Даже в хорошую погоду в горах прямо на глазах происходят впечатляющие перемены. Кажется, что все вокруг оживает. Острия ледовых башен, похожие на огромные крокодильи зубы, начинают отламываться, а кое-где обрушиваются и целые башни. Камни с грохотом скатываются по морене, небольшие лавины то и дело шумно сползают с северо-восточного склона Эвереста. На каждую лавину, оставляющую за собой грязный темный след, я смотрю с удовлетворением: на этот раз везет. Боже мой, как важно для меня состояние снега! Ландшафт плывет в прозрачном голубом воздухе: голубизна снега на Эвересте, глубокая синева неба объемно подчеркнуты, как на диапозитивах. Из глубины пространства наплывают плотные белые облака. Время от времени они сгущаются в туман, который моментально заполняет все вокруг нас и расползается, непроницаемый, серый. Но уже через полчаса туман рассеивается, и обновленный мир снова блистает в прозрачном воздухе летнего дня.

Наблюдая за этими изменениями, я в какой-то степени начинаю постигать оптимистическую точку зрения буддистов на проблему смерти. Невольно вспоминаю Мэллори и его загадочную гибель на Эвере-

сте. Я вдруг понимаю, что он умер там для того, чтобы остаться жить.

В моем познании действительности ничто не играет такой большой роли, как картины природы. Природа – мой вдохновитель и мой учитель. Но только здесь, в этом походе, мне впервые удалось проследить как бы со стороны за переходами от внешних впечатлений к их осмыслению. На короткие мгновения я освобождаюсь от собственной оболочки и оказываюсь в состоянии ступить за пределы себя.

Считается, что при долгом непрерывном пребывании на высоте 6000 метров и выше организм человека необратимо разрушается. Я знаю эту истину и поэтому стараюсь не задерживаться. Завтра, 17 августа, я выйду отсюда, потащу свой рюкзак под Северную седловину. Весит он не так много, килограммов восемнадцать, но в нем есть все необходимое для одиночного восхождения: продукты, горючее на неделю, бивачная палатка, спальный мешок, матрац и фотоаппарат. Я оставлю этот рюкзак на 500 метров выше и таким образом смогу сэкономить силы и время для решающего штурма. Не знаю, найду ли я сейчас вещи, которые я спрятал под стеной еще в июле. На всякий случай снова беру все необходимое.

Подъем на Северную седловину представляет опаснейший этап моего одиночного восхождения.

Стена Чанг Ла, с перепадом высот почти 500 метров, подобно ледопаду Кхумбу на южной стороне Эвереста, разорвана трещинами и опасна обвалами сераков. Но самое главное – лавинная опасность. В 1922 году с этой стены лавиной была сброшена вся команда. Семь шерпов погибли. Мэллори и его товарищи спаслись чудом. А мне, одиночке, нужно думать не только о лавинной опасности, но и о том, чтобы без веревки благополучно перейти через трещины.

Чтобы надежно пройти между ледовыми башнями и разрывами льда, нужен многолетний опыт, ставший инстинктом. У меня нет рации, я совершенно осознанно хочу идти без всякого контакта с «землей». Не говоря уже о том, что Нена не смогла бы мне помочь, я сам не хочу, чтобы кто-то другой рисковал своей жизнью из-за меня, добровольно подвергаящего опасности собственную жизнь. Только в том случае, если нет никакого моста между «верхом» и «низом», никакой подстраховки, восхождение можно считать по-настоящему одиночным.

Как быстро я на этот раз иду. В высотных ботинках я поистине изящно преодолеваю 400 метров высоты. Сейчас стена Эвереста левее меня: я нахожусь в тупом углу, образованном склоном Чанг Ла и стеной Эвереста. Фирн настолько тверд, что рифления подошв оставляют на поверхности снега лишь тонкий

узор. Способ движения отличается от обычного альпинистского: это не лазание, когда используешь руки и ноги, это и не ходьба на двух ногах. Это ходьба на четырех, когда лыжные палки играют роль второй пары ног.

За предшествующие недели выпало громадное количество снега, но сейчас он осел и уплотнился. Повернув налево, выхожу на более крутой склон. Здесь начинаю делать остановки через каждые 50 шагов. Сдвигаю мои регулируемые лыжные палки, делаю их немного короче. Как точно запрограммировано мое тело! Все время одно и то же число шагов до остановки. По мере подъема их число не уменьшается – признак того, что я адаптировался к высоте наилучшим образом. К концу остановки недостаток кислорода в крови восполняется, свежих сил хватает снова на 50 шагов. Постепенно приходит чувство упругости в теле, уверенности, радостного задора. Во время остановок приятная усталость в голове, шумные вдохи и выдохи.

Еще не жарко. Хотя солнце на востоке стоит выше полосы облаков и его лучи почти перпендикулярно падают на 45-градусный снежный склон, в воздухе еще свежо. Если так будет и завтра, начну восхождение.

Чуть ниже Северного седла, примерно в 80 метрах от кромки гребня, в небольшой ледовой нише остав-

ляю свой рюкзак. Закрепляю его на ледобуре. Оборачиваюсь кругом, запоминаю место. Мне нужно суметь найти его ранним утром, возможно, еще в темноте.

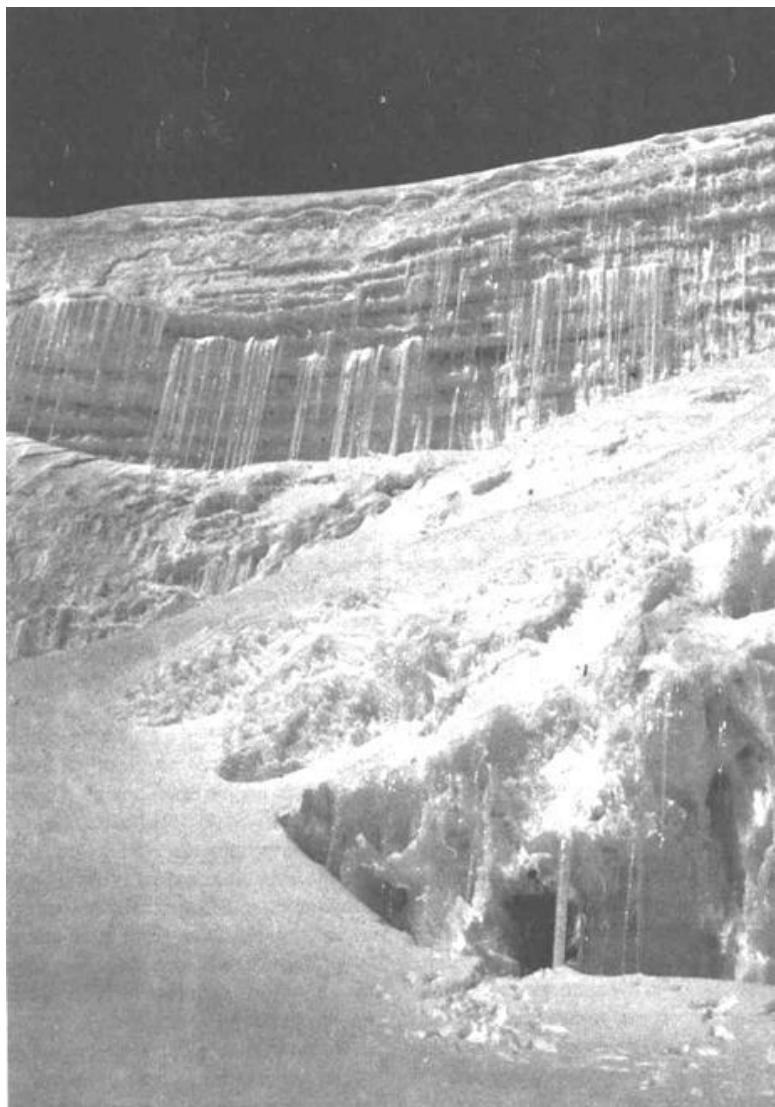
Теперь быстрее спускаться. Нужно отдохнуть, выспаться, напиться как следует, нужно также морально подготовиться к решающим дням.

Нена все время наблюдает за мной в телеобъектив своей фотокамеры.

«17 августа 1980 г. Я потрясена, как быстро поднимается Райнхольд в своих альпинистских ботинках в направлении Северного седла. Когда он в 8.15 надел рюкзак и отправился, чтобы проверить состояние снега и занести рюкзак наверх, я еще не осознала, что это не просто разведка. Душой он уже целиком на пути к вершине. Я думала, что он немного пройдет вверх и вернется. Я повернулась на другой бок и попыталась снова заснуть. Но час спустя, когда я высунулась из палатки и увидела, что он уже отмахал полпути к седлу и продолжает идти вверх, до меня дошло. Я наблюдала за ним, и у меня мороз побежал по коже. Как там опасно и как трудно находить проходы среди хаоса зияющих трещин!».

Через полчаса я снова в палатке с Неной. Мыслями и чувствами я уже там, на восхождении. Здесь, в палатке, мое тело, которое я готовлю к нескольким дням чудовищной физической нагрузки: пью, ем и сплю. В

палатке приятное тепло. И вход и окошко открыты. Теперь я уже полностью владею собой. Боязни больше нет. Наиболее опасный участок восхождения, подъем на Северное седло я уже прошел один раз, поэтому не поверну обратно, разве только застряну в снегу или заблужусь в тумане. Погода прекрасная, тумана не будет. Самообладание стоит мне много энергии. Я чувствую, как все во мне готово к старту. Даже ночью с трудом заставляю себя лежать спокойно. Только дважды выглядываю наружу: ясно, но воздух слишком теплый. Эверест в ночной синеве кажется волшебной горой. Без размышлений, без всяких «почему» я готовлю себя к великому броску.

Рюкзак, спрятанный под Северным седлом

Пора вставать. Еще толком не проснувшись, беру чулки, ботинки, брюки, верхнюю одежду. Каждое движение делаю быстро и уверенно, как будто оно заучено сотней повторений. Никаких шарений руками в поисках того или другого предмета. Перед палаткой расправляюсь, вдыхаю ночной воздух. И начинаю пройденный вчера путь. Быстро набираю высоту. Нена остается далеко внизу. Дохожу до ледовой пещеры и беру рюкзак.

«18 августа 1980 г. И вот он ушел! Один нежный поцелуй на прощание, и все. Таков уж он есть. Поцелуй Райнхольда полон для меня великого смысла. Я кричу ему вдогонку: „Я буду думать о тебе!“ Он или не слышит, или не хочет слышать. Его голос звучит отсутствующе, когда он переспрашивает: „Что?“ Он был немного встревожен, так как ночь была теплее, чем обычно, и он боялся, что снег может раскиснуть. То, что я кричу, для него уже неважно. Чтобы не задерживать его больше, я говорю просто: „Пока!“ И слышу в ответ: „Пока!“ И больше ничего. Какие приключения ожидают его? Какие перемены произойдут в нем, во мне?»

1300 метров

Вдруг снег обрушивается подо мной, мой налюбный фонарик гаснет. В отчаянии пытаюсь зацепиться. Напрасно. Проходят первые ужасные секунды. Совершенно темно, но мне кажется, что я все вижу: сначала кристаллы снега, потом сине-зеленый лед. «У меня нет на ногах кошек», — проносится в мозгу. Я понимаю, что происходит, и тем не менее остаюсь совершенно спокоен. Я падаю в пропасть, нахожусь в процессе падения, как в замедленном кино, ударяюсь то грудью, то спиной о стенки ледовой трещины, расширяющейся книзу. Чувство времени утрачено, а заодно и чувство глубины падения. Сколько это продолжается: секунды, минуты? Я совершенно невесомый, поток тепла пронизывает мое тело. Вдруг ощущаю опору под ногами. И одновременно понимаю, что я попался. Пожалуй, я останусь в этой трещине навсегда. Холодный пот выступает у меня на лбу. Вот когда я испугался. Первая мысль: «Если бы у меня была рация, я мог бы вызвать Нену». Может быть, она услышала бы меня. Но смогла бы она подняться на эти 500 метров, чтобы спустить мне в трещину веревку? Я ведь совершенно сознательно решил на одиночное восхождение без рации, и это не один раз обсуждалось перед выходом.

Ощупываю налобный фонарик, и вдруг становится светло – зажегся! Облегченно вздыхаю, но при этом не решаюсь шевельнуться. То, на чем я держусь, тоже не очень прочное. Тонкий, просвечивающийся снежный пласт ненадежно висит между двумя стенками трещины. Задираю голову вверх и всего лишь в восьми метрах вижу дыру, в которую я провалился. С черного кусочка неба на меня смотрят несколько далеких-далеких звездочек. Ужас исходит из всех моих пор, пронизывает мое тело своим дыханием, таким же ледяным, как эти отсвечивающие сине-зеленым цветом стены трещины. Так как трещина наискось сужается кверху, у меня нет никаких шансов выбраться из нее. С помощью налобного фонарика я пытаюсь осветить дно трещины: дна не видно. Черные дыры зияют слева и справа. Снежничек, задержавший мое падение, – величиной с квадратный метр. Я покрываюсь гусиной кожей и дрожу всем телом. Однако реакции моего тела резко противоречат спокойствию рассудка: мозг не боится нового падения в бесконечную глубину, он хочет только окончания, освобождения от всего этого. Но в то же время есть и надежда: авось все-таки выберусь. Я впервые переживаю страх как физический рефлекс, без психического давления. Все мысли сосредоточились на одной проблеме: выбраться наружу. Эверест перестал существовать. Чувствую

себя неповинным в этом пленении. Это искреннее чувство невинности необъяснимо, но я не упрекаю, не ругаю себя. Что уготовила мне судьба на этот раз, я не знаю. Я даю себе слово повернуть назад, если когда-нибудь увижу белый свет. Никаких больше восьмьдесят тысячников в одиночку!

Выступивший от страха пот замерз в волосах и на бороде. А между тем страх, сковавший мои члены, тут же исчез, как только я начал действовать, пытаюсь достать кошки из рюкзака. Каждое движение грозит дальнейшим падением в бездонную пропасть, кажется, что снег медленно сползает вниз.

Тут я обнаруживаю на долинной стенке (*долинная стенка, долинная нога и т.д. – для альпинистов это тот из двух предметов, который находится ниже по склону*) моей трещины полочку, небольшую кромку шириной в две ступни. Она ведет по косой вверх и полностью забита снегом. Это спасение! Осторожно, широко расставив руки, я падаю руками на прорезанную полочкой стенку. Какое-то мгновение мое тело представляет собой дугу между снежной пробкой и слегка нависающей стенкой надо мной. Осторожно переносу правую ногу, ставлю ее на ступеньку в снег, который карнизом намерз на нижней, долинной стенке трещины. Нагружаю ногу. Держит. Теперь ненадежный мостик частично разгружен. Каждое мое движе-

ние инстинктивно изящно, как фигура заученного танца. Пытаюсь уменьшить вес своего тела. Глубокий выдох, все тело подчинено новой позиции. На мгновение, на одно решающее для жизни мгновение становлюсь невесомым. Отталкиваюсь левой ногой от снежного мостика, руками поддерживаю равновесие, весь вес тела на правой ноге. Теперь можно сделать шаг левой. Облегченный вздох. Крайне осторожно перехожу – лицом к стене – направо. Правая нога ищет новую опору в снегу, левый ботинок с точностью до миллиметра поставлен в снежный след, который несколько секунд перед этим занимал правый. Карниз становится шире, он ведет по косой наверх, на волю. Я спасен!

Через несколько минут я уже наверху, ниже трещины, но в безопасности. Я как будто заново родился на свет. Я стою здесь с рюкзаком на спине, с ледорубом в руках, как будто ничего и не было. Некоторое время стою, размышляю: в чем была моя ошибка, приведшая к этому падению? По-видимому, я поставил левую, опорную ногу так, что она на пару сантиметров выдавалась над нижним краем трещины и соскользнула, когда я заносил правую на противоположный край. Сидя в трещине, я решил, что вернусь, прекращу восхождение, если благополучно выберусь. Теперь, когда я наверху, продолжаю подъем не заду-

мываясь, ничего не проводя через сознание, как робот, запрограммированный на восхождение.

Первые лучи солнца осветили Северное седло. Смотрю на часы: около семи. Сколько же я пробыл в трещине? Не знаю. Это событие уже улетучилось из моего сознания. Свою клятву спуститься я не воспринимаю всерьез, не думаю, как мне удалось себя обмануть. Я решительно иду вдоль нижнего края трещины, полностью сосредоточившись на вершине. Это смертельно опасное падение не имеет для меня ничего общего с Эверестом. Оно лишь увеличило мою бдительность до размеров, далеко превосходящих разумную норму.

Я знаю, это было единственное место, где можно перейти трещину, которая наискось прорезает всю 500-метровую ледовую стену под Северным седлом. Снежный мост, который сегодня чуть не стал для меня роковым, я нашел во время разведки в июле. Тогда он меня выдержал. Теперь он тоже не должен обвалиться, если не нагружать его середину.

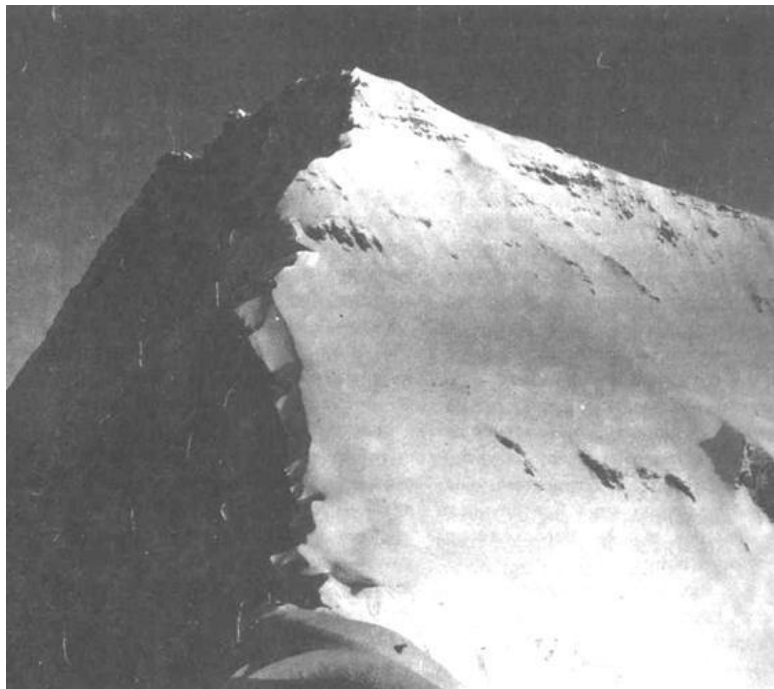
У меня нет с собой ни алюминиевой лестницы, ни веревки, с помощью которых большие экспедиции преодолевают подобные препятствия. Все, что у меня есть – это лыжные палки и титановый ледоруб. Со странным чувством возвращаюсь к моей дыре. Свежу вниз. Тьма непроглядная. Противоположный край

трещины смотрит на меня крутой снежной стенкой. Не раздумывая наклоняюсь вперед и забиваю лыжные палки ручками в склон по самые кольца. Итак, выше меня теперь есть две надежные точки опоры, искусственные зацепки. Теперь нужно сделать разножку над дырой, перешагнуть на противоположный, более высокий край трещины и удержаться там с помощью ледоруба и лыжных палок. Я так увлечен переходом трещины, что не думаю о спуске и не берегу ступени, как будто у меня есть другой путь. Сильно отталкиваюсь, прыгаю на другую сторону, быстро делаю несколько шагов от трещины и снова чувствую себя в безопасности. Все движения делаю быстро, но без суеты.

Светает. Далеко на востоке высится громадный массив Канченджанги. Больше отсюда ничего не видно. Над серо-голубым морем тумана расстилается небо, окрашенное во все цвета от голубого до красного.

Погода прекрасная, воздух колюче-морозный. Как хорошо, что я отказался от попытки восхождения в июле. Снег тогда был глубокий и рыхлый, размокший от муссонных дождей, в любой момент можно было ждать лавины. Теперь тоже не совсем безопасно – я не раз терял направление, идя к седловине, но сегодня, 18 августа, снег хорошо схвачен морозом, следы

от ботинок на нем едва видны. В верхней части крутовато, но снег плотный. А выше под ногами уже не фирн, а поверхностная корка, которая то и дело проламывается под ударами ботинок, и ноги погружаются в снег по щиколотки.

Вид с северного гребня на Северную вершину

На перевальной точке меня встречает сильный западный ветер, дующий прямо в лицо. Дыхание перехватывает, снег залепляет глаза. Некоторое время

стою на месте. Осматриваюсь, дышу энергично и часто. После этого равномерное дыхание восстанавливается. Ветер не проникает сквозь мою плотную одежду, но при каждом порыве меня сбивает с ног, швыряет и треплет. Я инстинктивно сгибаюсь, крепко держась за палки.

Иду точно путем англичан по северному гребню. Первые 500 метров он выглядит как крутой горнолыжный склон. Он слегка всхолмлен, крутизна примерно 30° . Его бесконечные фирновые массы обрываются на востоке карнизами. Утреннее солнце окрасило нависающие карнизы в алый цвет. В тени снег синий, тени колеблются в мягком свете восходящего солнца. На широком пространстве гребня как бриллианты сияют кристаллы снега. Солнце охватило самую макушку пика Пумори, широко раскинувшуюся вершину Чо Ойю. Рядом со мной Северная вершина Эвереста, она – как гигантский клин между днем и ночью. Вершина Эвереста также окрашена в алый цвет утра. Она так четко контрастирует с темно-синим небом, что я отчетливо вижу каждый скальный выступ на северо-восточном гребне. Там, под самой вершиной, в 1924 году в последний раз видели Джорджа Мэллори и Эндрю Ирвина.

От меня до первой ступени сейчас примерно два километра по прямой. С такого расстояния невозмож-

но разглядеть человека. Оделл, который находился намного выше меня, говорил, что видел обоих в течение пяти минут и не сквозь завесу тумана, а четко, в тот момент, когда туман разорвался и было хорошо видно. Он видел их на первой ступени, и можно не сомневаться, что это были люди. Я исключаю возможность оптического обмана, хотя я и сам, когда долго смотрю на первую ступень, склонен поддаться иллюзии и видеть черные движущиеся точки. Мэллори не взошел на вторую ступень. Он попытался это сделать, но отступил – это так же очевидно, как то, что я сейчас нахожусь здесь. Зачем ворошить события пятидесятилетней давности? Наверное, я сошел с ума, раз для меня там, наверху, и сейчас все еще разыгрывается трагедия 8 июня 1924 года. Ощущение того, что рядом со мной есть человеческая энергия, охватывает мое тело подобно ветру, подобно теплу солнечных лучей. Когда я двигаюсь, фигуры на склоне исчезают.

Я твердо ставлю каждый раз ногу, весь отдаюсь этому движению. Опираясь на лыжные палки, стараюсь идти как можно более равномерно. Пятьдесят шагов – остановка, пятьдесят шагов – остановка. Во время отдыха бросаю взгляд вверх, чтобы не потерять общего направления. Мне снова и снова кажется, что я здесь не один. Так же пристально, как я смотрю вверх, Нена следит за мной.

«Занимаюсь обычными делами, одновременно наблюдаю, как он поднимается все выше и выше. Я завидую ему во многом. Я предпочла бы смотреть отсюда и сюда, вниз, и на вершину. Еще лучше было бы идти вместе с ним. „Когда-нибудь, может быть“, – сказал он мне... Он становится все меньше и меньше, и чем дальше от меня уходит, тем больше я его люблю».

Нена еще не знает, что самое страшное у меня уже позади. Она не заметила моего падения в трещину. Это ведь случилось еще в темноте. Она следит за моим передвижением и фотографирует весь путь. Весь склон до Северного седла освещен солнцем. В свой телеобъектив Нена может видеть цепочку моих следов, похожую на жемчужную нить. Дыра, в которую я провалился, не прерывает ее, жемчужная нить продолжается и на противоположной стороне трещины. Теперь я поднимаюсь без помех и нахожусь сейчас на высоте более 7200 метров. Воздух быстро нагревается. Солнце целиком осветило Чо Ойю на западе и Северную вершину Эвереста. Только ее тень – как огромный черный провал в сияющей долине.

Можно не торопиться. За утро я поднялся на 700 метров. А всего на сегодня намечено пройти 1000 метров. Никогда еще в своей жизни я не поднимался на высоту 7000 метров так легко. Мне помогает не только прекрасное состояние снега, но и хорошее на-

строение. Тем не менее я не могу себе позволить переутомиться. Делаю остановки где придется, прежде чем общая усталость болью войдет в ноги. Спешить нельзя. Нужно экономить силы. Во время передышек мысленно прослеживаю путь вдоль северо-восточного гребня и далее к вершине: под плечо, потом по пологой части гребня ко второй ступени. Все, что вижу вокруг, кажется мне произведением живописи. Иногда сажусь передохнуть на туго набитый рюкзак спиной к склону, лицом в долину. Фотоаппарат вынимаю редко, больше щелкаю, так сказать, затвором своей памяти. Фотографировать самого себя – закреплять камеру на ледорубе, втыкать его рукояткой в снег, взводить самоспуск, отходить на десяток шагов, ждать щелчка, потом все убирать – эта работа всегда кажется мне смешной и ненужной. Однажды в видоискателе зеркальной камеры я обнаружил собственную тень. Я невольно рассмеялся, как смеются, когда в клоуне узнают своего приятеля.

Я уже полностью вошел в ритм, восхождение стало для меня успокоением, музыкой, наполняющей все мое тело. Опираясь на обе палки, я могу отдыхать и стоя. При ходьбе, особенно на неровном рельефе, они помогают мне поддерживать равновесие.

Со снаряжением, убогим по современным понятиям (я не полез бы с таким даже на Маттерхорн по

обычному пути), Мэллори, Нортон и Сомервелл 60 лет назад впервые в истории альпинизма пересекли на этом гребне границу 8000 метров. Джордж Лей Мэллори уже тогда считал, что, выйдя из базового лагеря у Ронгбукского монастыря, до вершины Эвереста можно дойти за шесть дней – после основательной подготовки и шестинедельной акклиматизации. Просто фантастика, насколько точно он смог в то далекое время предсказать раскладку времени. До базового лагеря я добирался через Лхасу и Шигацзе больше семи недель. На восхождении я уже четыре дня, и до вершины мне нужно еще два дня, если все будет хорошо и погода не испортится.

На высоте 7220 метров снова сажусь отдохнуть. Спешка на такой высоте сразу приводит к утомлению, а кроме того, я уже прошел то, что наметил. Поднимусь еще немного, пока есть силы. Далеко внизу видна ровная поверхность ледника Ронгбук. На западе (снова хорошая видимость) у горизонта лежит Непал, ближайшая ко мне его примета – зазубрина западного плеча Эвереста. Вдали тают гигантские горные цепи. Яркое послеобеденное солнце озаряет горы и долины. Самое сильное впечатление производит круто обрывающийся к леднику Ронгбук скальный бастион Чангцзе (так называется Северная вершина Эвереста по-тибетски). Великолепная пирамида Пумори кажет-

ся зловещей и фантастической. Именно так и именно здесь воплощается божественное начало. Направо тибетское плато, уходящее в необозримую даль. Редкие облака, легкие как паутина, стоят неподвижно. У меня здесь тоже тихо. Только далеко внизу, на Северном седле, носятся снежные вихри. Мне кажется, что этот перевал – скопище всех тибетских ветров.

Если смотреть вниз, то орографически слева от меня плавно спускается защищенный от ветра северный склон Эвереста. Направо уходит вниз северо-восточный склон. По обе стороны от меня крутые обрывы. Все выходы скал на северном склоне сейчас покрыты снегом, рельеф сгладился и выглядит более ровным, чем на самом деле. Горы кажутся миролюбивыми.

Теперь останавливаюсь чаще, но дыхание каждый раз быстро восстанавливается, и я чувствую себя отдохнувшим. С каждым метром вверх эта смена движения и остановок, утомления и восстановления сил происходит все чаще, удержать ритм труднее. У самой вершины, насколько я знаю по своему опыту, только усилием воли можно заставить себя переставлять ноги, вырвать тело из состояния летаргии. Я двигаюсь как черепаха. Тридцать шагов – отдых несколько минут, а через два часа большая остановка. Здесь, где воздух содержит всего треть нормы кислорода, я двигаюсь как шерпа: иду и отдыхаю, отдыхаю и иду. Я

знаю, что скоро сяду и мне будет относительно хорошо, и я лелею в себе это чувство минута за минутой. Мне нужно избегать сильного раздражения дыхательных путей. Бронхи, горло – мое наиболее слабое место. Я уже ощущаю хрипоту.

Вид на северо-запад

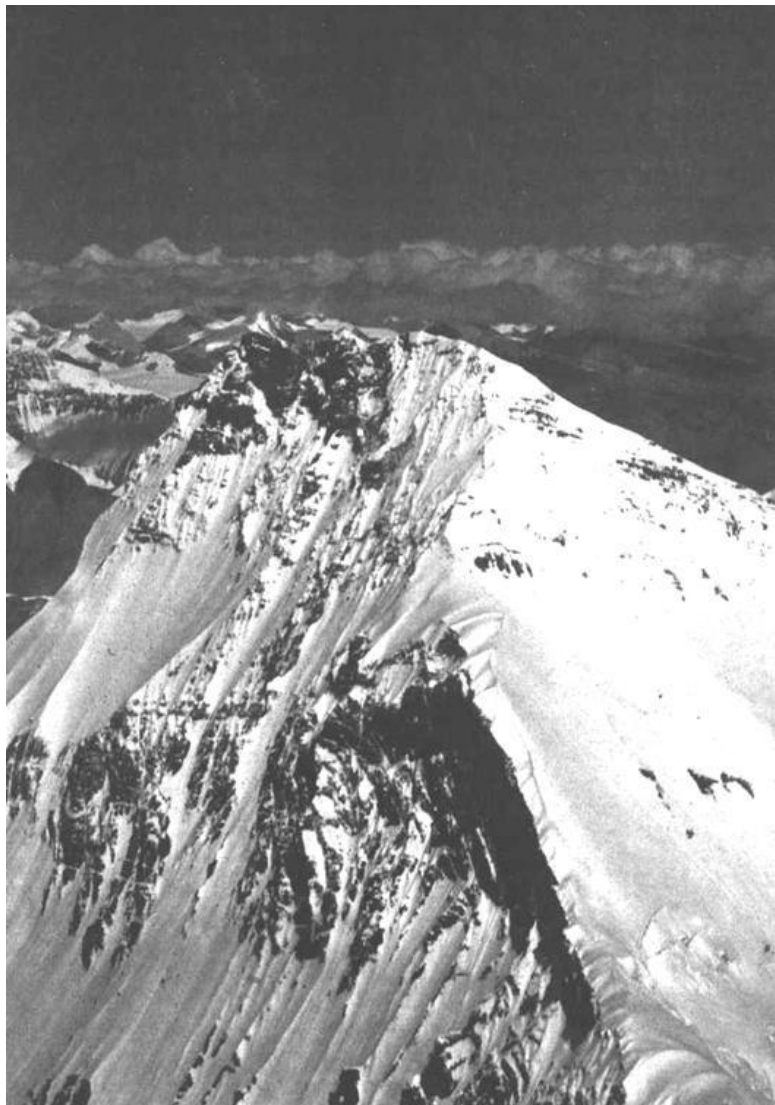
Вид на перевал Лхо Ла и далее на запад

Я вдвойне рад, что сегодня дует всего лишь слабый ветерок. Каждый крутой взлет берет теперь больше сил, чем я рассчитывал. Изучая склон снизу, я планировал до этого места пять остановок. А получилось их восемь или девять, и конца еще не видно. Вон там, где склон выполаживается, станет немного легче. Сяду только тогда, когда залезу, наконец, на вот эту плоскую балду. Вокруг меня пляшут в воздухе крохотные кристаллики снега. Блеск и сияние оживляют все вокруг. Свист и звон появляются и исчезают. Еще 80 ша-

гов?

Поднимаясь, смотрю только на свои ноги. Больше ничего не существует. Воздух пахнет пустотой. Это не отсутствие запаха, а именно запах пустоты и жесткости. Болит горло. На остановках повисаю на лыжных палках. Легкие раздуваются. На какое-то время забываю обо всем. Дыхание требует столько усилий, что нет сил думать. Шум в голове заглушает все внешние звуки. Медленно, с пульсом, бьющимся в горле, ко мне возвращается воля.

Дальше. Снова тридцать шагов. Как дразнит меня этот гребень! Или виноваты мои глаза? Все кажется таким близким. А еще так далеко идти. Еще одна передышка стоя, и вот я наверху. Поворачиваюсь кругом и падаю на снег.

Северная вершина

Сверху я снова и снова люблюсь раскинувшейся внизу страной, уходящей в бесконечную даль. В приглушенности ее красок есть что-то нереальное. Они подчеркивают впечатление далекости, недостижимости Тибета: этот Тибет лишь снился мне во сне, я не мог там бывать. А вот здесь я уже был раньше, здесь мне все знакомо. Пристально вглядываюсь в перемычку надо мной, мне кажется, что там селение. Тингри? Я вижу глиняные домики, обмазанные белой известкой, с черными дырами окон. Рядом с тибетскими молитвенными флажками развеваются красные полотнища. У людей застывшие лица. Жители Тибета больше не смеются так весело, как люди в горах Непала. Я вижу все так ясно, как будто это не воспоминание, а реальная действительность. Альтиметр показывает 7360 метров. Всего 9 часов. До Северного седла я дошел за два часа. Благодаря принятой тактике я сэкономил одну ночевку. Теперь иду медленно, нарочито медленно.

Местами ноги уходят в снег по лодыжки, продвигаться по снежным заметам стоит больших усилий. Стараюсь обходить участки с проламывающейся коркой. Если удастся – это для меня победа. Я не могу позволить себе выложиться. Мои мысли и чувства все более концентрируются на том, чтобы сэкономить си-

лы. Завтра и послезавтра будет гораздо труднее. Регулируемые лыжные палки оказывают здесь в самом деле большую помощь. Благодаря им вес тела распределен между руками и ногами. Равновесие поддерживается с помощью верхней части тела.

Северный склон Эвереста справа от меня представляет собой огромное белое пространство. Только кое-где темными пятнами выделяются на этой вертикальной ледяной пустыне отдельные скальные острова. Отчетливо видны следы лавин. Сначала я пойду по широкому северному гребню. Это и наиболее безопасный путь, и идти здесь легче: ветер в основном дул свежавыпавший снег.

И никаких признаков того, что здесь раньше проходили люди. Все погребено под толстым снежным покрывалом. Только один раз где-то на высоте 7500 метров замечаю в снегу красную веревку. Подхожу, достаю до нее. Она завязана на скальном выступе и выглядит как новая. Скорее всего, ее оставили японцы. Как и положено при экспедиционной тактике, японцы поставили здесь в мае высотные лагеря. На крутых участках они закрепляли перильную веревку, по которой спускались в базовый лагерь, когда погода портилась, а потом поднимались по ней вверх для дальнейшей обработки маршрута. При поддержке высотных носильщиков-китайцев они шаг за шагом про-

двигались к вершине.

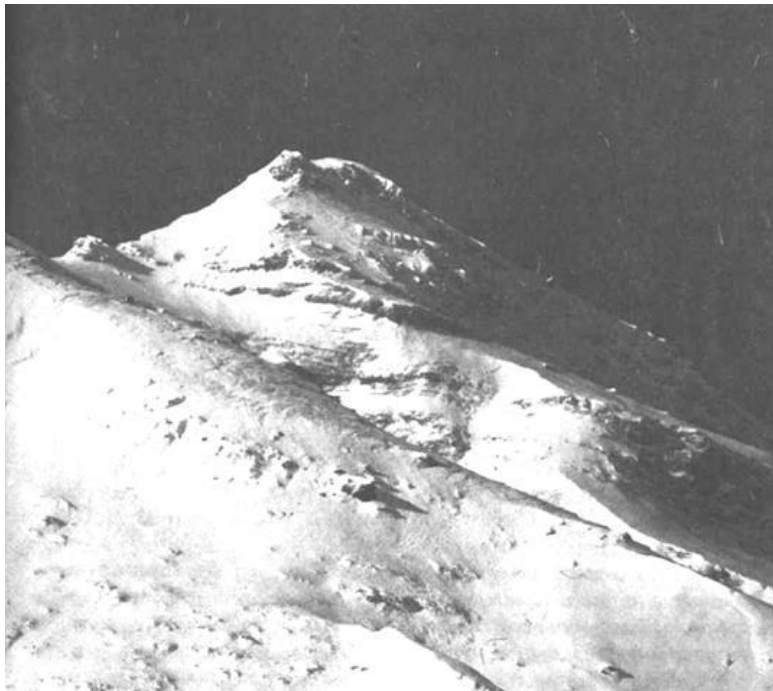
Точно такую же тактику применяли и мы, когда в 1978 году шли на Эверест с юга. Нас было одиннадцать альпинистов и более двадцати шерпов-носильщиков. Участники экспедиции менялись при сооружении лагерей. Только последние 900 метров до вершины Петер Хабелер и я шли без поддержки шерпов.

На этот раз со мной нет никого, кто помогал бы нести груз и устраивать бивак. Со мной нет товарища, с которым мы по очереди прокладывали бы путь в глубоком снегу; нет ни одного шерпы, который тащил бы мое снаряжение. Никого. Насколько все же легче идти вдвоем. Уже одно то, что кто-то есть рядом с тобой, морально поддерживает в горах. Идти одному несравненно труднее и опаснее, а главное – это психическая нагрузка, которая увеличивается в несколько раз. Все, что мне предстоит сделать, в том числе и спуск, сидит во мне как заноза, а во время остановок собственная фантазия раздувает страхи до галлюцинаций.

Как улитка, таскающая на себе свой дом, несу свой и я. Сегодня я поставлю его, переночую, потом сниму и снова понесу с собой, чтобы поставить на следующую ночь. Как у кочевников, у меня есть все. Запаса еды и топлива хватит на неделю. Разумеется, никаких дополнительных резервов нет. Через семь дней и ни

на день позже я должен вернуться назад. Брать вторую палатку было бы слишком тяжело. Нечего и говорить о кислородном аппарате, который увеличил бы груз вдвое. Восемнадцать килограммов на этой высоте – так много, что отрезки между остановками сокращаются до 20—30 шагов. Часто, слишком часто я сажусь на снег, перевожу дух. И каждый раз огромным напряжением воли заставляю себя встать и идти дальше. «Ну пройди еще немного, ну постарайся», – говорю я себе вслух, чтобы усилить эффект. – То, что ты сумеешь пройти сегодня, не нужно будет идти завтра». Очень помогает то, что я заранее определил для себя дневную норму пути.

Отсутствие спутника я сейчас не воспринимаю как одиночество, изоляцию. Лишь иногда мне становится нехорошо при мысли о том бесконечно большом напряжении сил, которое мне еще предстоит. Если бы со мной был друг, партнер, мы могли бы с ним меняться, прокладывая путь.

Верхняя часть северного гребня и вершина Эвереста

Физически я несу всю нагрузку один. Психически же я время от времени чувствую рядом с собой помощника. Вон снова кто-то идет за мной! Может быть, это часть моего собственного «я»? Или человеческая энергия другого «я» заменяет мне партнера? Так кто-то сопровождает меня до высоты 7800 метров.

Утапываю место для палатки, но оно мне не

нравится. Лучше поставить ее возле скалы и застраховать на скальных крючьях. Ветер усиливается. В нескольких метрах выше вижу идеальное место. Опять колеблюсь, опять вроде не совсем то. Может быть, на несколько метров ниже. Наконец, вот здесь совсем хорошо. Сначала нет сил ни распаковывать рюкзак, ни ставить палатку. Я стою и смотрю в сторону нашего верхнего базового лагеря. Там, должно быть, тепло.

Три часа. Пора готовить еду. Внизу замечая крохотную красную точку. Это Нена положила на крышу палатки спальный мешок, чтобы внутри было не так жарко. Или это сигнал для меня? Надеюсь, что она меня видит. Я не испытываю никакой тоски, просто знаю, что она внизу и ждет.

Подготовка первого бивака

Внизу досаждают не столько холод, сколько жара, хотя мороз на высоте нашего верхнего базового лагеря достигает по ночам 10° и более. Здесь сейчас, наверное, около 20° мороза.

Сухой воздух иссушает дыхательные пути. Вспоминаю, что у меня есть с собой маленький флакончик с маслом одного целебного японского растения. Беру две капли масла на язык. На некоторое время становится легче. Кроме аспирина это единственное лекарство, которое я принимаю в горах. Бедный кисло-

родом воздух действует на гортань как терка. Каждый вдох сопровождается болью в горле и чувством липкости во рту.

Я не спешу ставить палатку. Я очень устал и рад тому, что наконец-то принял решение остановиться на ночлег. Уже само сознание того, что больше никуда не нужно идти, восстанавливает силы. Разве меня гонит вперед что-то извне, а не я сам, говорил я себе. Я опять владею собой, возвращается четкость мышления. Снова приобретаю способность воспринимать мир, а не просто бессмысленно смотреть вокруг. Наслаждаюсь великолепным видом на ледник, на снега. Далеко внизу темная масса Северной вершины, своей формой напоминающая человеческую голову. За ней расплываются мягкие волнистые линии горных цепей, а дальше – тибетское плоскогорье, люди.

Я долго ищу на западе среди моря вершин покрытую льдом пирамиду Пумори, вершину более 7000 метров. Она отсюда смотрится небольшим белым бугром на краю Ронгбукского ледника.

Начинаю распаковывать вещи. Сначала на снег кладу рюкзак так, чтобы он не мешал и не упал вниз. После каждого самого незначительного движения делаю передышку, выпрямляюсь и смотрю наверх. Еще один небольшой взлет, потом огромная мульда и дальше выход на кант гребня. Теперь я со-

вершенно уверен в том, что раньше было лишь предположением: я дойду до вершины за следующие два дня! Мне кажется, что уже не будет никаких серьезных препятствий. Вторая ступень – единственный участок, который мог бы внушать опасения, но там давно уже набиты крючья и навешены веревки. Как хорошо, что я это знаю.

По-моему, впереди под снегом породы желтого цвета. Форма скальных островов свидетельствует о том, что геологически здесь произошел горизонтальный сдвиг пластов.

По моей раскладке в первый день надо было подняться вверх на 1200 метров. Я поднялся самое малое на 1300. На Нангапарбате в 1978 году в первый день удалось пройти 1600 метров, но там это был перепад 4800—6400, а это дьявольская разница – работать на высоте 6000 или 7000 метров над уровнем моря. Здесь, почти на 8000 метров, каждое движение мучительно.

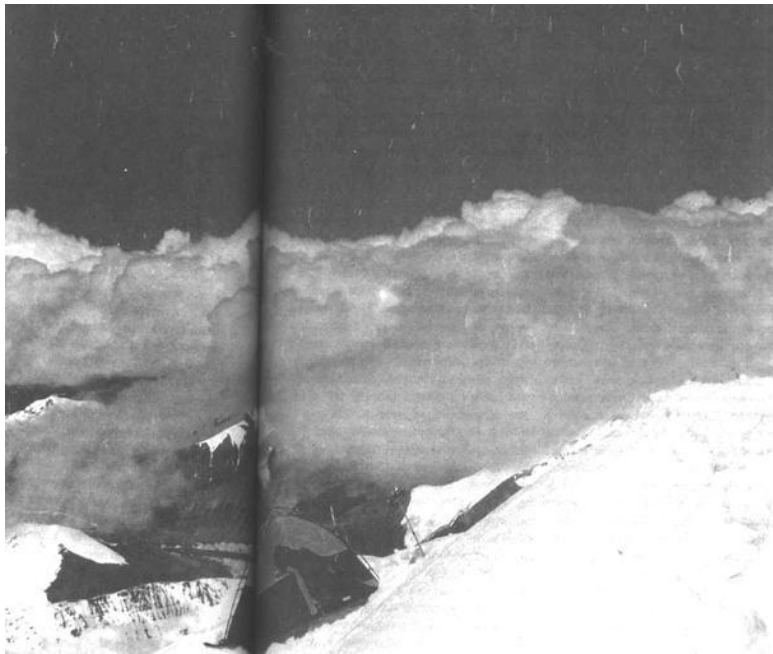
Моя крохотная палатка, выдерживающая штормовые ветры со скоростью до 100 км/час, не весит и двух килограммов и требует для установки совсем немного места. Она как раз такого размера, что я могу поместиться в ней с согнутыми коленями. Но уходит уйма времени, чтобы подготовить для нее место. Лопаты у меня нет. Ботинками ровняю снег, плотно утап-

тываю его. Палатка не должна стоять наклонно. Долго борюсь с ветром, пытаюсь натянуть полусферу палатки на металлические рейки. Наконец мне это удастся, чувствую удовлетворение. Растяжки креплю с помощью лыжных палок, ледоруба и единственного имеющегося у меня скального крюка. Потом кладу на пол пенопластовый матрац в палец толщиной, вталкиваю неразобранный рюкзак и залезаю сам. Некоторое время просто лежу. Ветер налетает равномерными порывами, швыряет ледяную крошку на стенки палатки. Ветер северо-западный, и это хорошо.

Надо готовить пищу. Надо. Снова приказ, который мобилизует все во мне и вокруг меня. Однако никак не могу собраться с силами: суeta с устройством бивака утомила меня. В последний раз вылезаю из палатки, набираю снега в маленькую алюминиевую кастрюльку и смотрю вниз, в долину. Я как бы оттягиваю время, чтобы не заниматься стряпней. Все пространство к югу от Эвереста забито облаками. Сильно похолодало. Ветер усиливается. Если бы Уилсон дошел до этого места, вдруг пришло мне в голову, он дошел бы и до вершины. Решительный и талантливый Уилсон должен был переносить одиночество мужественнее, чем я.

Дальнейший путь вверх кажется действительно легким, и Уилсон вполне мог его пройти, по крайней

мере до северо-восточного гребня. Не оттого ли я так хорошо понимаю этого безумца, что сам одержимый? Или в его упорстве я вижу поддержку своему романтическому стремлению что-то доказать? Не могу сформулировать точно, что это такое, меньше всего это можно объяснить логически. Когда я пытаюсь разобраться в своих чувствах, я кажусь себе безумцем, который для самовыражения играет на самом сокровенном. Ни на какой другой горе не отрешаешься так от всего на свете, как на Эвересте. С этой мыслью я залезаю внутрь палатки. Пространство вокруг меня стягивается до одного кубометра, и я быстро забываю, где нахожусь. Засунув ноги в спальный мешок, разжигаю горелку, ставлю топить снег. Пока что ем сыр, скатанный в маленькие шарики, грызу южнотирольский крестьянский хлеб. За этим занятием засыпаю. Когда просыпаюсь, первая порция воды уже теплая. Ем безвкусный суп. Снег растапливается бесконечно долго.

Бивак на высоте 7800 м

Я окружен таким спокойствием и в то же время так возбужден, что мне хочется кого-нибудь обнять. Хотя я с самого утра ничего не ел, голода не чувствую. Пить тоже не хочется, хотя потребность организма в жидкости здесь огромна. Я должен заставить себя выпить по меньшей мере четыре литра. Это для меня сейчас так же важно, как знание маршрута и данные о погоде.

Мысли снова возвращаются к Морису Уилсону, ко-

торый, не будучи альпинистом, отважился на одиночное восхождение на Эверест. Он ничего не понимал в высоте. Он снова и снова возобновлял попытки, несмотря на ужасные снежные бури и срывы. У меня же все есть, предстоящие альпинистские трудности вполне мне по силам, и тем не менее я с трудом верю в успех. Я все время уговариваю себя продолжать подъем, не возвращаться. Уилсон шел вперед как одержимый, шел, пока ноги несли его. Его влекла вперед вера в провидение. А мне нужно так много энергии, чтобы преодолеть страх и инертность. При этом я преследую цель, для многих альпинистов просто непонятную. Когда, наконец, я смогу жить, не ставя себе целей? Мое честолюбие и мой фанатизм мне самому мешают жить. «Fai la cucina», – сказал кто-то рядом со мной. «Позаботься о пище». Я снова думаю о стряпне и разговариваю сам с собой. Ощущение, возникшее несколько часов назад, что у меня есть невидимый спутник, усиливается. Я даже спрашиваю себя, как же мы разместимся в этой крошечной палатке. Кусок сухого мяса я разделяю на две равные части. Оборачиваюсь. Убеждаюсь, что я один. Говорю сейчас по-итальянски, хотя мой родной язык немецкий, а с моей подругой Неной, американкой, я вот уже три месяца говорю только по-английски.

Я знаю простой способ, как с помощью солнечно-

го тепла натопить снега. Лучше всего это делается по принципу теплицы. Специально для этой цели я взял с собой пластиковый мешок черного цвета. Наполняешь его снегом и подвешиваешь на шнурке в прозрачном пластиковом мешке. Но сейчас слишком ветрено, и во второй половине дня солнце уже затянуло пеленой. Так что я топлю воду в палатке на газовой горелке. Лежу в полусогнутом состоянии, меняя время от времени положение тела. Матрац тверд как камень. Ветер стал таким сильным, что всякий раз, когда я приоткрываю вход, чтобы зачерпнуть снега крышкой от кастрюльки, пламя горелки гаснет. Ночь будет неважная, думаю я. Но ветер в то же время признак хорошей погоды. Это меня утешает.

Чтобы получить один литр воды, нужна целая гора снега. Еще раз делаю суп из томатов, потом две кастрюльки соленого чая, готовить который я научился у кочевников: горсть заварки и две щепотки соли на литр воды. Здесь нужно много пить, если не хочешь, чтобы организм обезводился. Ведь вследствие обезвоживания сгущается кровь. Зная это, продолжаю топить снег и пью, пью.

Стряпня длится несколько часов. Я лежу, придерживаю кастрюльку, сую в рот то кусочек сухого мяса, то кусочек сыра пармезана. Нет ни малейшего желания покидать палатку. Буря усиливается. Стойка па-

латки скрипит. Ветер – это хорошо. Он снесет снег с гребня и сгонит муссонные облака, собравшиеся к вечеру. Вот только заснуть не дает. Ужасные порывы рвут палатку. Или это мне уже чудится? Дно палатки и спальный мешок поднимаются в воздух. Еще чуть по сильнее – и я буду сброшен в пропасть вместе с моим жилищем. Надо укрепить палатку. Снежная пыль проникает сквозь щели. Кухарить уже невозможно. Я укладываюсь, прячу руки в спальный мешок и жду. Можно было бы и заснуть, но при каждом сильном порыве ветра я непроизвольно открываю глаза. Я еще на месте? Такое напряженное ожидание тоже отнимает силы. Стенки палатки полощутся, буря завывает, ревет, давит. Взметающийся снег бьет по тенту.

Выглядываю наружу – в лицо мне ударяет шквал ледяной крошки. Воспринимаю это спокойно. Все вокруг погасло. Черные скальные острова передо мной как призраки. Эта буря в самом деле грозит сбросить меня отсюда вместе с палаткой. Тонкий слой льда покрыл изнутри стенки палатки, пальцы прилипают к металлу – я снова зябну. Остатки тепла мне все-таки удастся сохранить. Когда ветер утихает, снова засовываю обе руки глубоко внутрь мешка, застегиваю его изнутри, оставляю снаружи только лицо.

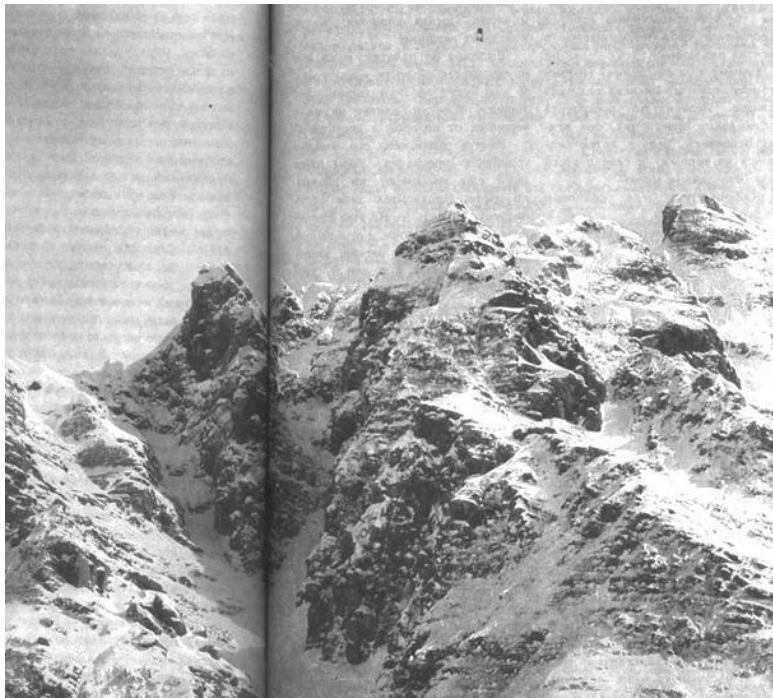
Ночь проходит сносно. Буря стихает. Когда я не сплю, бесконечной чередой тянутся мысли. Они пред-

ставляются мне чем-то вещественным, какой-то силой, направленной в одну точку, не находящей выхода, живущей своей собственной жизнью. Они стали элементом моего биополя, не зависящим от меня самого. Они не принадлежат мне, не нуждаются в моих понуканиях. Даже во сне. Они приходят и уходят вопреки моей воле. То же самое происходит с этой почти осязаемой силой вокруг меня.

Светит луна, а ночь все равно теплая. Я больше не мерзну. Может быть, это конец муссонной паузы? Что это бьет по палатке, все та же ледовая крошка или уже начался снегопад? Если пойдет сильный снег, я не смогу двинуться ни вверх, ни вниз. Это будет западня. При моей теперешней вялости я не знаю, чего мне больше хочется, хорошей погоды или снегопада. Что мне делать в случае лавинной опасности? Как долго смогу я здесь протянуть? Все эти вопросы, на которые я не знаю и не могу знать ответа, преследуют меня и во сне. Снова череда мыслей, не имеющих выхода. Конечно, там выше, лавинная опасность меньше, но зато этот сыпучий свежий снег. Он как трясина, совершенно не держит. А если я устану, я пропал.

В течение медленно наступающего утра ветер постепенно стихает. Это окрыляет меня. Нащупываю в спальном мешке газовую горелку, зажигаю ее. Через час пью тепловатый кофе, жую хлеб. Все эти незна-

чительные движения в тесноте и холоде палатки превращаются в физическое страдание. Окоченевшими пальцами вытираю непрерывно стекающие с потолка капли влаги. Распрямиться, встать во весь рост, заправить одежду – это роскошь, которой я здесь не имею. Для этого палатка должна весить по крайней мере в три раза больше, чем моя, сшитая мною специально для Гималаев. Заставляю себя еще раз взяться за стряпню. Комки сухого снега неприятно хрустят в руке. Проходит целая вечность, пока моя кастрюлька величиной с кулак наконец полна воды.

Северо-восточное плечо выше первого бивака

Еще с час лежу в мешке, в полном одеянии, пью и дремлю. Не хочется смотреть на часы. Открываю глаза и не могу понять, что сейчас: вечер или утро.

Где-то в глубине души просыпается беспокойство. Оно вдруг охватывает все мое существо, сжимает огромной рукой. Нет, это не страх. Это зовет меня к действию весь опыт моих горвосхождений. Все пере-

грузки за тридцать лет альпинизма. Все лавины, в которые я попадал. Вся усталость, накопившаяся за десятки лет, которая проявляется теперь в чувстве полного бессилия.

Ты должен идти! Выигранное время – это сэкономленные силы. Я хорошо знаю, что всякое может случиться. И я знаю, сколь велики будут мучения у самой вершины. Понимание всего этого не расслабляет меня, а наоборот, активизирует. Я должен идти и идти, несмотря на то, что каждое движение требует преодоления себя, а преодоление себя превращается в насилие над собой.

Почему я не спускаюсь? Потому что для этого нет никаких видимых поводов. Нельзя же прекратить восхождение просто так, без всяких оснований. Ведь я хотел подняться на вершину и сейчас этого хочу. Что движет мною?

Любознательство: где постоит Мэллори?

Спортивный интерес: один человек против горы Эверест.

Честолюбие: я буду первым.

Все эти побуждения сейчас не существуют, они улетучились. То, что гонит меня вперед, спрятано гораздо глубже того, что можно увидеть через увеличительное стекло психоанализа.

День за днем, час за часом, минута за минутой, шаг

за шагом я понуждаю себя к действиям, против которых восстает мое тело. С другой стороны, пребывание здесь можно вынести только в действии. Только дурное предзнаменование или болезнь, хотя бы самая легкая, могли бы стать достаточным оправданием для спуска.

Когда солнечные лучи касаются палатки и корка льда на ее внутренней поверхности начинает оплывать, я складываю вещи. Предмет за предметом, только в обратном порядке по сравнению с тем, как я распаковывал их вечером. В небольшом укрытии оставляю себе две баночки сардин, одну гильзу газа, половину супов и чая. Рюкзак становится немного легче. Скоро 9 часов. Погода хорошая. Завтра я буду на вершине!

Вылезаю из палатки, и ко мне возвращается обычная уверенность. Я как будто вдохнул космической энергии. Или это влияет на меня вершина, от которой я неотделим?

Воздух разрежен, его нежная голубизна прозрачна. Горы подо мной еще не имеют ни объема, ни цвета. Приказываю себе снять палатку, сложить ее. Но этот приказ идет уже не от головы, а от печени. При каждом вдохе легкие наполняются воздухом, а я сам — уверенностью. Нет никаких сомнений. Я продолжаю восхождение.

Первые 50 метров иду очень медленно, потом нахожу нужный ритм. Идется хорошо. Немного задерживаюсь на лавинном завале. Держусь чуть правее северо-восточного гребня. Склон становится круче. Снега здесь больше, чем было ниже.

Внезапно погода ухудшается. Тяжелыми клиньями потянулись через перевалы с юга грязно-белые массы облаков. Дно долины уже заполнили муссонные тучи. Подчиняясь инстинкту, иду направо. На Эвересте легко ошибиться с погодой. Что это: уже муссон или просто резкое ухудшение погоды, приближение бури? Кто попадал в ветры вблизи вершины, тот знает, что ветер может сбросить человека со склона как пушинку. Борьба с разреженным воздухом нервирует меня. Остановки становятся все длиннее. Медлительность. Неуверенность. Склон некрутой, всего каких-то 40° . Но выше 7900 любой склон дается с трудом. Утренний воздух пока чист. Над долиной Ронгбука все время образуются полосы облаков. Они уплывают на восток и скрываются за линией горизонта.

Сизиф на Эвересте

Сейчас надо восстановить ритм отдачи и накопления жизненной энергии. На больших высотах как бы нарушается внутренняя гармония. С помощью движений – ставится правая нога, нагружается, переносится левая нога, нагружается – в теле возникает энергетическое поле. Спустя некоторое время открываются затворы, снимается напряжение. Страх уходит, и увеличиваются токи жизни во всем организме – не поддающиеся измерению, непостижимые формы энергии.

Сегодня, 19 августа, я все утро иду гораздо медленнее, чем обычно, несмотря на эту удивительную силу. Как будто что-то сдерживает меня изнутри, как будто дело не в высоте, а во мне. Что-то происходит со мной, как только я начинаю двигаться.

Вчера шлось так легко. А теперь каждый шаг – мучение. Что же я так медленно иду? Рюкзак давит, хотя он стал гораздо легче. Чувствую себя потерянным, расстроенным. Что бы там ни было, я не могу внушить себе, что существует бог, который управляет этим миром и заботится о каждом из нас в отдельности. Никакого творца вне меня, вне природы не существует. Не помню, когда я освободился от религиозного чувства, знаю только одно: с тех пор мне стало труднее убеж-

дать себя в том, что я на свете не одинок, не брошен.

Снег стал глубже. Ноги погружаются в него с особенным звуком – кажется, что кто-то идет следом за мной.

Пора наконец понять, что я здесь один, абсолютно один. Когда я хриплю на остановках, на меня находит нечто вроде ностальгии. Тоска по уюту охватывает меня. При этом я полностью отдаю себе отчет в том, что все надежды на то, что кто-то меня ждет, – пусты, напрасны, как и страх перед одиночеством.

Прогнать чувство одиночества можно только активной деятельностью – двигаться вперед, интересоваться окружающим и изучать его. Как только начинаешь думать, запас энергии быстро истощается. На одной воле теперь не пойдешь. После расслабления очень трудно собраться с силами. Паузы теперь занимают больше времени, чем прохождение пятнадцати шагов. Шаги стали мерилom времени. Пространство и время слились.

Ох, как трудно справиться с самим собой, нести самому ответственность не только за свои действия, но и за решение продолжать подъем или спускаться. В особенности тогда, когда все тело пронизывает отчаяние перед предстоящим физическим напряжением. Я по собственной воле пошел на риск, и тем не менее я не могу, как Уилсон, положиться только на бога. На

кого же мне положиться? Во время движения вверх я как неживой. Меня поддерживает только мир вокруг меня: воздух, небо, земля, облака, бегущие, с запада. Ощущение движения вперед при первых шагах после отдыха. Восприятие собственной воли как чего-то вещественного на последних шагах перед остановкой.

Рельеф нетрудный, но, несмотря на это, он поглощает все мое внимание. То, что я в состоянии остановиться, в состоянии пойти дальше, дает мне силы думать о дальнейшем, хотеть жить. Не менее важным, чем это чувство владения собой, является чувство собственного мастерства. Удивительно, как часто я сам не замечаю этой стороны удовлетворения от занятий альпинизмом и говорю только о стремлении к вершине. Высотное восхождение требует от человека целого ряда навыков, знаний и изобретательности. Чем выше поднимаешься, тем больше становишься проблемой сам для себя. Умение разрешать проблемы такого рода и есть то, что отличает хорошего альпиниста от плохого.

Задачи альпинизма я вижу не в дальнейшем развитии его технической базы, а в обогащении человека новыми инстинктами и способностями. Наряду со стремлением к бесконечному совершенствованию не менее важно определение границ индивидуальных возможностей.

При моем черепашьем темпе я потерял способность правильно оценивать расстояние, пропало и ощущение времени. Не пора ли останавливаться на ночевку? Да, я тут писал, что одним из мотивов занятия альпинизмом для меня является развитие человека как такового. Понятие развития не имеет в этом контексте оценочного значения. Мое состояние не имеет стоимости. Ошибаются те, кто приписывает мне качество основной движущей силы сильное стремление к успеху. В наше время это может относиться скорее к людям, для которых важно пережить само физическое напряжение, а не процесс самопознания, как для меня. Тот, кто рассматривает свое тело как носитель успеха, не сможет понять ход моих рассуждений.

Я продвигаюсь выше — не подсчитывая, не оценивая, сколько пройдено, сколько осталось. Подъемы вверх, остановки, вдохи и выдохи целиком захватили меня, стали моим бытием. Импульс, толкающий альпиниста вперед, часто называют настырностью. Но я бы сказал, что это скорее любопытство или страсть. Сейчас все это для меня уже несущественно. Движение стало автоматическим. Пятнадцать шагов, остановка, дыхание, вися на лыжных палках. Усилия направлены внутрь, и тем самым вверх. Надежда, что бог поможет. Конечно, в моменты серьезной опас-

ности появляется нечто вроде защитной активности. Она служит для того, чтобы выжить, и спадает, когда угроза для жизни проходит. Сейчас мне ничто не угрожает. Все вокруг так мирно. Я больше не спешу. Быстрее все равно не получится. Я смиряюсь с этим, как с законом природы. Мой высотомер показывает 7900 метров. Но эти высотомеры имеют странное свойство: на большой высоте они становятся менее точными. Показывают, как правило, меньше действительного. Возможно также, что колеблется атмосферное давление. Погода все еще прекрасная, и я намерен идти дальше.

Пройдя вверх метров сто от места ночевки, убеждаюсь, что путь по гребню и опасен и изнурителен: снег местами доходит до колен, мульды занесены, а передо мной как раз огромной величины мульда. Велика и лавинная опасность. Тыкаю правой палкой в снег и прихожу в отчаяние: поверхностный слой твердый, но он легко пробивается, а внутри зернистый снег – возможен сход снежной доски. На таком снеге я, одиночка, быстро потеряю силы. Тут замечаю, что на северной стене снежные доски сошли. Какая счастливая случайность! Там теперь твердая подложка. Итак, туда! Недолго думая, начинаю траверсировать северную стену. Как будто так и было запланировано, я пойду в кулуар Нортонa, а на следующий день – далее к

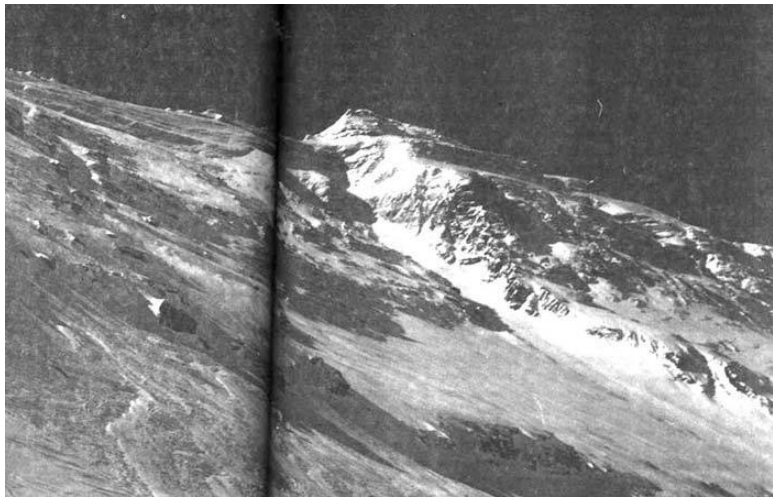
вершине. Решение принято неожиданно, из-за состояния снега.

Траверс северной стены занимает много времени, а набор высоты совсем небольшой, зато под ногами твердый снег прошлого муссона. Ледоруб здесь не нужен, иду, опираясь на лыжные палки. Мой рюкзак с палаткой, привязанной снаружи, чтобы просохла, все еще очень тяжел. На высоте почти 8000 метров просто держать на себе такой рюкзак – уже нагрузка. Без лыжных палок я бы качался, опрокидывался. Отдыхаю, стоя на карачках. Иду, сильно наклонившись вперед. Лыжную палку в левой руке, обращенной к склону, я укоротил. Уже давно не считаю шагов. Для фотографирования нет сил. В равномерном ритме – подъем – отдых – как улитка продвигаюсь вперед.

Меня тревожит погода. Ветра почти нет. Солнце печет. Серые массы облаков клиньями движутся с юга на север. Это муссонные штормы высылают своих вестников.

А я уверенно иду вперед. По-прежнему направо вверх. Держу направление прямо на вершину или на то, что я считаю вершиной, так как сама высшая точка отсюда скорее всего не видна. Нахожусь под верхней частью северо-восточного гребня, путь далее выкладывается. Обзор отсюда ограниченный: в одну сторону – нагромождение гор, в другую – облака. Север-

ная вершина выглядит плоской и маленькой. Она пересекает ползущий из долины туман. Любоваться горами я в силах только во время длинных передышек. Стою между северным гребнем и кулуаром Нортон на горном склоне, эта косая трапеция имеет два с половиной километра снизу вверх и километр в ширину. Как медленно я продвигаюсь вперед! Уже не считаю, сколько длятся остановки. С помощью лыжных палок кое-как удается пройти пятнадцать шагов, после которых несколько минут прихожу в себя. Кажется, что все зависит от работы легких. Чтобы продохнуть как следует, приходится останавливаться. Вдыхаю воздухом, выдыхаю ртом и носом. На остановках собираю всю силу воли, чтобы заставить легкие работать.

Северная стена

Только когда они начинают вздуться равномерно, исчезает боль, и я чувствую прилив энергии. Появляется сила в ногах.

Я собирался пройти по пути Мэллори и Ирвина, но вот вдруг принял решение идти по северному склону. Это вызвано не только тем, что на гребне сейчас много снега, но и тем, что они тогда потерпели крушение. Я нахожусь на единственно правильном пути к вершине. Отсюда хорошо виден северо-восточный гребень выше меня, но я знаю, что там ничего от пионеров найти невозможно. Итак, Мэллори и Ирвин лезли по этому гребню, по самому его канату, в

этом нет сомнения. Я убежден, что Оделл видел обоих на первой ступени, на том горбе, который выдается над линией гребня. Мне ясно теперь, что вторая ступень их остановила. В глубокой мульде выше меня в муссонном снегу погребены Мэллори и Ирвин. Вопрос об их участии для меня теперь ясен. Вспоминаю противоречивые описания обеих скальных ступеней северо-восточного гребня. Вот они передо мной – первая и вторая. Там продолжают жить Мэллори и Ирвин. Сцена их гибели разворачивается передо мной, как в театре, свободная от всех последующих наслоений и спекуляций. Не могу сказать, происходит это в действительности или в моем сознании, но знаю, что все это имеет прямое отношение ко мне. Вторая ступень вблизи смотрится как отвес. Снег на ней почти не держится. Нет, без крючьев и лесенок по этим скалам залезть абсолютно невозможно. И японец Като несколько месяцев тому назад использовал оставленные китайцами веревки.

Итак, Мэллори и Ирвин исчезли между первой и второй ступенями. Не дойдя до вершины. Не задаюсь вопросом, как они умерли. Ирвин и Мэллори, ставшие за несколько десятилетий легендой, для меня продолжают жить здесь. Разочарованные, изможденные, повернули они назад под второй ступенью.

В наступающей темноте трудности увеличились.

Они заставляли себя продолжать изнурительный спуск. Шли все медленнее. Их могла спасти только энергия, порожденная успехом. Узнать, как они умерли, можно будет только тогда, когда кто-нибудь найдет тела погибших или фотокамеру, которую они взяли у Сомервелла. Может быть, ответа не будет никогда. Для меня теперь нет сомнений, что эти двое не дошли до вершины.

После длительной остановки мое дыхание восстанавливается, становится равномерным. Но что это: кто-то разговаривает рядом со мной? Здесь есть кто-то? Снова только биение собственного сердца и собственное дыхание. И однако же они стоят здесь. В этом безмолвии каждый звук, любой шум, рождающийся в атмосфере, слышится как человеческое слово. Я часто прихожу в ужас: почему мне чудятся человеческие голоса. Может быть, это Мэллори и Ирвин? Из-за того, что меня в течение многих лет занимает тайна их исчезновения, я верю, что это их крики доносит до меня ветер. Итак, Мэллори и Ирвин действительно живы? Да, их дух живет здесь. Я чувствую его. Несмотря на усталость, пристально вглядываюсь в контур гребня передо мной. Вторая ступень придвинулась. Относительно легкий снежный желоб ведет к вертикальному расколу. Четко вижу пробку в его конце. Один вид второй ступени – реальное доказатель-

ство того, что Мэллори и Ирвин с их примитивным снаряжением не прошли ее.

Мрачная снежная пустыня то расширяется, то сжимается, но я не паникую. Я знаю дорогу. И следы сзади еще не занесены. Слегка снежит, но тепло. По огромным плавным увалам – два таких уже позади – приближаюсь к кулуару Нортонa. Я его не вижу, но ощущаю. Ни на секунду не сомневаюсь, что не забрал слишком высоко. Откуда эта уверенность в правильности движения – от усталости, сделавшей меня ко всему безразличным, или от чувства, что путь мне уже знаком?

Контрфорсы узнаются по более крупным скальным глыбам. Вижу только те, мимо которых непосредственно прохожу, остальные вниз и вверх от меня скрываются в тумане. Эти скальные острова служат мне ориентиром. Как дорожные указатели, они все имеют четкие очертания.

Туман вокруг стал совсем густым, солнце лишь временами пробивается сквозь него. Ориентироваться труднее. Иногда во время остановок тишина вызывает у меня страх. Когда безмолвие становится невыносимым, надо идти. Удары молотком во всем теле и загнанное дыхание после десятка шагов выбивают мысли об окружающей меня пустоте. Нет места никаким другим чувствам, кроме нескончаемого ощущение

ния боли. Я существую только как преодоление самого себя. На привалах буквально падаю. Повиснув на лыжных палках, с рюкзаком, навалившимся на затылок, я длительное время состою только из вдохов и выдохов. Потом возвращаюсь в действительность, с усилием делаю первый шаг. Дальше!

Иногда кажется, что мне уже не выбраться из этого снега. Однако присутствия духа не теряю. Все вверх и направо по северной стене. Весь склон – сплошное лавинное пространство. Сверху сыплется свежий снег. Начинают прыгать шарики града. Уговариваю себя, что это временная неприятность. «Два дня погода еще продержится», – говорю сам себе.

Бесконечно долго продолжается этот косой траверс с многочисленными остановками, следующими через равные интервалы. Сосредоточившись на тяжелой работе, я совершенно не заметил, что погода настолько испортилась, что впору поворачивать назад. Видимость полностью исчезла. Я валюсь и отдыхаю. Наверное, надо ставить палатку. Но здесь слишком ненадежно. Подвалит еще снега, может сойти лавина. Нужно ночевать на возвышении. Все это не проходит через сознание. Я действую инстинктивно.

Еще около часа, преодолевая мучения, тащусь вверх. На одном плавном поднятии, пересекающем стену, как огромный вал, я снова валюсь. Какое-то

время – лишь тяжесть, безразличие, неподвижность во всех членах. Разрываются облака. Показывается долина: серая, слегка заснеженная, она вскоре снова затягивается туманом.

И горы вдали, и склоны подо мной, и снежный щит в большом кулуаре – все кажется плоским, потерявшим объемность. Смотрю на часы: 3 часа дня. Осознаю, что я все еще метрах в 200 восточнее кулуара Нортонa. Потом смотрю на высотомер: 8220 метров. Это никуда не годится! Я недоволен не только высотой (надо было бы подняться до 8400 метров), но и тем, что устал сегодня больше, чем вчера. Идти дальше не могу. На то есть еще одна причина: неизвестно, найдется ли выше удобное место для палатки.

Ставлю палатку раньше, чем планировал – на одном скальном лобике нахожу почти ровное место размером 2x2 метра. Здесь нет опасности схода лавины: снег пойдет слева и справа от возвышения. Утапываю снег, то и дело отдыхая. Как только останавливаюсь, сразу же приходят мысли: как найти дорогу вниз, если погода не наладится? Думаю обо всех возможных неожиданностях – и сомнения перерастают в страх. Только когда работаешь, страх исчезает. Тревожит все: и самый легкий снегопад, и набежавшая тучка, и потепление. Что это: настоящий муссон или только боязнь муссона? Мне кажется, что наступает

ухудшение погоды. Если в течение этих дней я не спущусь, мои резервы быстро истощатся. Опасность лавин с северной стены и с Северного седла увеличивается с каждой минутой.

Час спустя на скальном пятачке стоит моя палатка. Она, как и прежде, растянута на ледорубе и лыжных палках. Здесь я защищен от ветра. В ней не страшна даже буря. Открытый рюкзак ставлю перед входом, матрац засовываю внутрь палатки. Кругом в избытке снега для приготовления пищи. Все готово для долгой ночи. Чувство облегчения овладевает мной.

В эту ночь я залезаю в спальный мешок во всем одеянии, в том числе и в моих громоздких двойных пластиковых ботинках, чтобы они не задубели от мороза. Одежда кажется мне чуждым телом. Пространство между кожей и одеждой заполнено неприятным удушливым воздухом, как будто закован в латы.

Пока я лежу в палатке – слишком усталый, чтобы спать, слишком слабый, чтобы готовить еду, – пытаюсь представить верхний базовый лагерь. Нена теперь, наверное, пьет чай. Или смотрит сюда? Кстати, прояснилось ли? Может, погода все же улучшится. Время бежит и слишком быстро, и слишком медленно.

Второй бивак

В этот вечер, 19 августа, Нена записала:

«Сейчас 8 часов вечера, в нашей узкой долине сумерки. Внезапно начался снегопад и так же внезапно прекратился. За весь день я ни разу не видела Райнхольда. Но я знаю, что он там, наверху, где-то в районе второй ступени. Завтра он пойдет к вершине. Авось погода снова улучшится. Из ниоткуда появляются тяжелые черные тучи, они клубятся, изливаясь снегом и градом. Что это может значить? Я непрерывно об этом думаю. Если эта непогода не прекратится, все пропало. Сколько выпало снега? Насколько велика лавинная опасность там у него? Насколько тяжело будет спускаться по свежевypавшему снегу? Сколько времени ему понадобится, чтобы спуститься от вершины до Северного седла? Как бы то ни было, я уверена, что Райнхольд все сделает правильно».

Как можно жить на этой высоте? Я не живу больше, я просто прозябаю, как растение. Когда все делаешь один, каждое движение стоит массы волевых усилий. При малейшей нагрузке сразу же ощущаю недостаток кислорода. Скорость мыслительной деятельности сильно снижена. Четкие решения я принимаю только после длительного размышления. Мысли перебиваются усталостью и ощущением боли при дыхании. Мои дыхательные пути как будто одеревенели, брон-

хи воспалены.

По-настоящему горячее питье приготовить невозможно, так как вода здесь не нагревается до 100°, но я все время топлю и топлю снег. Плошку за плошкой. Пью суп, соленый чай. Все равно пока еще слишком мало. Голода не чувствую, приходится есть через силу. Не знаю, что и съесть, чтобы не стошнило. Может быть, открыть сардины или что-нибудь еще? Каждая мелочь требует времени, сил и внимания. Каждое движение делается медленно и с трудом. Решаю поесть сыра с хлебом, цыплят в желе – сублимированный продукт, который я развожу в тепловатой воде. Пустую банку кладу под голову – для ночных нужд. Более получаса давлюсь пищей. Темнеет. Все эти мелкие операции на биваке в сумме стоят мне столько же энергии, сколько равномерный многочасовой подъем вверх. Ночевка в одиночку – уже сама по себе большое напряжение. Лечь спать здесь значит гораздо больше, чем просто лечь в постель, накрыться одеялом и уснуть.

Еще раз сажусь в спальном мешке. Сначала развязываю шнурки, расслабляю ботинки. Завтра у меня должны быть сухие ноги и мягкие ботинки. Меняю носки, снова надеваю ботинки и засовываю ноги в ботинках в спальный мешок. Мокрые носки кладу в сторону, потом вытягиваюсь, достаю рюкзак и кладу его под го-

лову под матрац вместо подушки. Кухонные принадлежности устраиваю так, чтобы завтра можно было готовить, не вылезая из мешка. Как-нибудь протянуть ночь (о хорошем сне нечего и думать) можно, только устроив голову повыше и вообще имея возможность шевелиться.

Движения в тесной палатке сбивают дыхание. Приходится делать глубокие вдохи. Пальцы онемели от мороза. В полудреме, в тяжелых видениях проходит ночь.

Утром чувствую себя таким же утомленным, как и вечером, к тому же еще и окоченевшим. Есть ли у меня еще желание идти вверх? Да. Я должен идти вверх! И при этом нет никаких сил, чтобы сдвинуться с места. По опыту знаю, что и в таком состоянии смогу идти дальше, но сейчас еще не хватает силы воли сделать первый, решительный шаг.

Когда я наконец открываю вход палатки, снаружи уже день. Золотисто-алый свет озаряет вершинную пирамиду. На востоке море облаков. Невольно вспоминаю о муссоне. Прошла целая вечность, пока натопилась первая плошка теплой воды. В палатке лед. Есть не хочется.

Набирая новые комья снега для варки, смотрю на кулуар Нортонa. Довольно круто. Дымчато-серые облака прилипли к склонам гор. Воздух блестит, как бы-

вает, когда он перенасыщен влагой. Я здорово промерз, несмотря на сносную температуру. На камнях и на швах палатки изморозь. Холод – это значит, никаких осложнений на Эвересте, связанных с муссоном. Наверняка наверху будет таять, если опустится туман и не будет ветра. Трех слоев одежды – шелк, сукно, тонкий пух – достаточно и на самой вершине.

Два года назад, в мае 1978 года, у нас было ночью до -40° . Теперь здесь самое большое – $10-15^{\circ}$ мороза. Это, конечно, не значит, что можно быть легкомысленным. Пока солнце не взошло, надеваю рукавицы, ботинки шнурую послабее. На этой высоте можно обморозиться уже при нескольких градусах ниже нуля. Думаю только о дальнейшем движении, отбросив сомнения и колебания. А что если сгустится туман? Еще пережить?

Нет, это бессмысленно. Да и поздно уже. Надо вылезать и идти. На этой высоте не отдыхаешь. Уже завтра я могу так ослабеть, что у меня не хватит сил на штурм вершины. Сегодня или никогда. Или – или. Или вверх, или вниз.

Пока топил снег, два раза считал пульс. Больше ста ударов в минуту. Чувствую себя совершенно разбитым. Связных мыслей нет. В голове только приказы. Ночь была сплошным мучением. Боль во всем теле. Слизь в горле.

Сегодня, 20 августа, все оставляю на месте: палатку, лыжные палки, матрац, спальный мешок, рюкзак. Беру с собой только фотаппарат. Полностью одетый, вылезая из палатки, натягиваю капюшон на голову. Голыми пальцами привязываю к ботинкам кошки. Вытаскиваю из снега титановый ледоруб. Все? Сейчас девятый час.

Без груза на спине идетя легче. Однако жалею, что не взял лыжных палок для равновесия. С ледорубом в правой руке чувствую себя даже увереннее, но на траверсах им пользоваться неудобно. Двигаясь прямо вверх, втыкаю в снег на уровне головы левую руку в рукавице и ледоруб. Иду как четвероногое. На остановках принимаю такую позу, чтобы верхняя часть корпуса отдыхала: становлюсь в снег на колени, кладу предплечья на ледоруб, а на них голову. Я еще в состоянии видеть перед собой крутой взлет, могу сориентироваться оценить трудности. К счастью, отсюда просматривается весь снежный желоб кулуара Нортонна. И пока я могу видеть и двигаться, я уверен в себе.

Один раз, когда я присматривал место для большого привала, вдруг увидел желтое пятно палатки. Что это: сгустившийся туман, обман зрения? Замечаю место и поднимаюсь на взлет справа от меня. Шаг за шагом. Ступенька за ступенькой. Вскоре я уже жалею, что со мной нет рюкзака, моего верного друга. Мне

недостает его. В течение двух предыдущих дней он был моим собеседником, вдохновлял меня, вел вперед, когда силы полностью покидали. Теперь я разговариваю с ледорубом. Однако в этом предмете я не чувствую друга. В воздухе снова слышны голоса. Не спрашиваю себя, откуда они исходят. Причиной этого ощущения, которое я впервые познал два года назад во время одиночного восхождения на Нангапарбат, является недостаток кислорода и, соответственно, недостаточное снабжение мозга кровью. Здесь, на Эвересте, еще в 1933 году англичанин Смит делился кексом со своим воображаемым спутником.

В движущихся облаках, полагаясь более на интуицию, чем на зрение, я шаг за шагом двигаюсь вперед. Иду в полутьме среди облаков, вихрей снега, то и дело узнавая отдельные места. Да, я был уже здесь однажды! Это ощущение невозможно вытеснить никакими упорными логическими рассуждениями.

В часе ходьбы от палатки крутые скалы высотой примерно в сто метров. А может быть, все двести?

Скалы засыпаны снегом, и это облегчает лазание: все время есть опоры для полных ступней, так что кошки не царапают по камню. Далее долгие часы полной выкладки, ощущения небытия, мобилизации, ослабления, напряжения воли, упадка сил, концентрации сил.

Выходы скал слева и справа от большого кулуара желтого цвета пересечены во многих местах белыми полосами. Часто все двоится у меня в глазах, и я не могу определить, куда идти дальше. Стараюсь держаться правее. Склон теперь такой крутой, что отдыхаю прямо там, где лезу. Пушистый порошкообразный снег лежит на полужесткой подложке. Почти целиком покрыты снегом все плиты, имеющие черепичное строение. Они надвинуты друг на друга и имеют такую же крутизну, как скаты кирхи. В том месте, где кулуар расширяется, приобретая форму груши, я выхожу из него направо и следую далее вверх по неострому гребешку.

Становится круче. Я уже не пружу, как локомотив, продвигаюсь осторожно вперед, с трудом отвоевывая каждый метр высоты. Ощупываю зацепки, иду отрезками. Такое лазание несложно но, откровенно говоря, неприятно. В некоторых местах нога не находит опоры в снегу, приходится добираться до скальной опоры. Здесь нельзя сорваться. Впервые за это восхождение у меня появляется чувство опасности срыва. Оно сродни чувству отяжеления тела. Такое осторожное лазание с напряженным вниманием увеличивает общее утомление. К тому же туман становится все гуще. Видно не более, чем на шаг вперед, один клочок белого снега. Иногда вдруг образуется окошко голубо-

го неба над гребнем. Дело идет медленно, с задержками.

Хотя каждый шаг требует огромного напряжения, я по-прежнему уверен, что дойду до вершины. Эта уверенность – мое спасение.

Уже одно то, что половина пути пройдена, прибавляет сил, служит стимулом дальнейшего движения. Временами силы полностью иссякают. Прохожу с десятков шагов, останавливаюсь, сажусь, перевожу дыхание – и снова могу идти. Мысли о погоде тоже стоят дополнительной траты энергии. Не переставая думаю о спуске. Нет более того деморализующего отчаяния, в которое приходишь, видя перед глазами бесконечно далекую вершину. Сейчас речь идет только о преодолении внутренних ограничений. Но с каждым вздохом они раздвигаются. Больше нет сомнений. Есть только сбившийся ритм, есть полное изнеможение, от которого я падаю на снег. Я иду хорошо известным путем. Вопреки всем препятствиям я мучительно пробиваюсь вперед. Нужно дойти! Не думаю ни о чем, разговариваю с собой, подбадриваю себя. Где мой друг рюкзак? Мой второй друг, ледоруб, здесь со мной. Вот мы с ним останавливаемся.

Путь по кулуару Нортонa логичен и не так труден, как мне казалось, когда я утром вышел. Его легко найти на обратном пути. Когда я выйду на гребень, уже,

должно быть, будет видна вершина. Если облака рассеются. Дальше, кажется, не круто.

Представление, что однажды я уже проходил здесь, также все время помогает мне находить верный путь. Ступень крутых светлых скал осталась позади. Продолжаю держаться правой стороны. Совсем недавно здесь сошла лавина. Снег держит хорошо. Под пологим гребешком он становится глубже, а мой темп, соответственно, медленнее. На локтях и коленях апатично ползу на кант гребня. Коши на ботинках, как якоря, впиваются в снег.

Залезаю на гребешок, слышу, как меж камней воет ветер. Этот скальный гребешок обрывается вниз отвесными бастионами. На какое-то время туман сгущается так, что ориентироваться зрительно становится совсем невозможно. Иду, придерживаясь гребня, там, где поменьше снега. Так целый час. До черной нависающей скальной стены, преграждающей путь. Какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что надо идти налево, там можно обойти препятствие. Потом снова сворачиваю направо. Сколько это тянется? Передо мной склон и склон. Время больше не существует. Я весь состою только из усталости и напряжения.

Мне кажется, что вершина близка, но гребень все не кончается и не кончается.

В следующие три часа я уже ничего не воспринимаю. Я – существо, бросившее себя в пространство и время. И тем не менее продвигаюсь вперед. Всякий раз, когда в разрывах плотных туч показывается голубое небо, я надеюсь увидеть себя на вершине. Однако впереди лишь снег да скалы. Они светло-зеленые, местами прошитые светлыми полосами. Они призрачно колеблются под тонким слоем облака. Долго иду косым траверсом, держась вверх вправо. Вот барьер отвесных скал преграждает путь к гребню. Обойду его справа, и там уже вершина.

Ступаю на кант гребня, останавливаюсь: карниз. Тогда я ложусь на снег. Гребень плоский. Где же вершина? Стеная, поднимаюсь снова. Ледорубом, руками, грудью пробираюсь по снегу, ползу вперед. Вперед направо. И все еще вверх.

Передышка. Полное бессилие, только гортань горит при каждом вдохе. Вдруг становится светлее. Оборачиваюсь назад: все видно до самой долины, до ее дна, где течет ледник. Захватывающе! В какой-то отрешенности делаю несколько снимков. Потом снова все затягивает серая пелена. Метет поземка.

Надо еще раз собраться с силами. Едва ли это мне удастся. Ни сомнений, ни радости, ни страха. Чувств больше нет. Осталась только воля. Еще несколько метров – умирает и воля, побежденная бесконечным

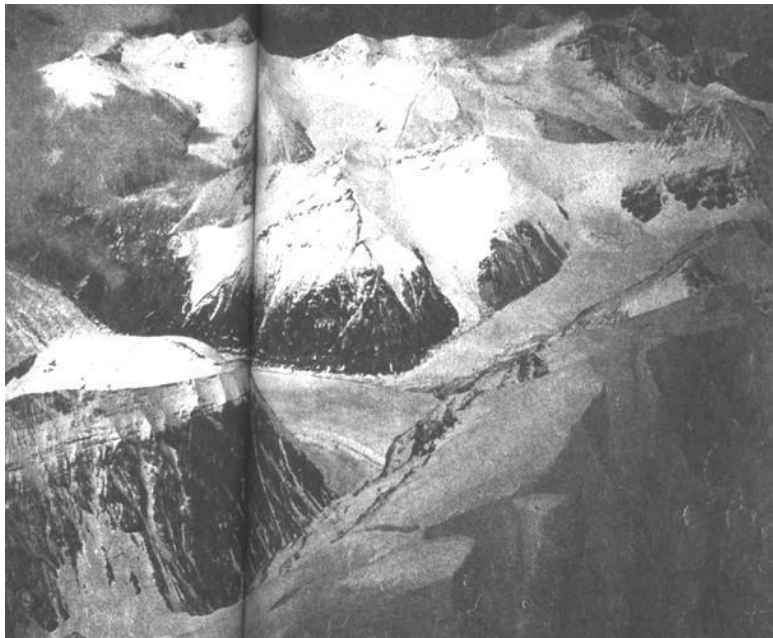
измождением. Теперь уже ни о чем не думаю, ничего не чувствую. Бессильно падаю, лежу.

Какое-то неопределенное время воли во мне совершенно нет. Потом снова делаю несколько шагов.

Осталось самое большое десять метров! Слева от меня гигантские карнизы. На мгновение в разрыве облаков далеко внизу открывается Северная вершина. Потом облака рассеиваются, и вверху – совсем рядом, достать рукой – под легким ветерком колышутся клочья тумана. Серость туч, чернота неба и сияющая белизна снега сливаются воедино. Они гармонируют друг с другом, как полосы одного флага. Я обязан дойти!

Надо мной только небо. Я это чувствую, хотя в тумане не видно ни неба, ни земли. Справа гребень все еще идет вверх. Но, по-видимому, это только кажется, мерещится мне. Никаких следов пребывания здесь людей.

Странно, что не видно алюминиевого штатива, установленного на вершине китайцами в 1975 году. Но вот и он. Дотрагиваюсь до него как до друга. Я прикасаюсь к своему антиподу, к силе, которая и снимает напряжение, и воодушевляет меня. В этот момент я вдыхаю воздух полной грудью.

Северо-восточный гребень вблизи вершины

В тумане, в клочьях бегущих облаков не видно уходящих вниз склонов. Кажется даже, что склон направо от меня все еще ведет вверх. Но этот штатив, это сооружение, поднимающееся из снега до высоты колена, здесь. Я на вершине.

В полубессознательном состоянии, чисто автоматически выполняя внутреннее задание, делаю несколько снимков. Внизу показывается кусок голубого неба. Снежные карнизы громоздятся над южным

склоном, это они приподнимают склон выше самой вершины. Опускаюсь на снег, от усталости тяжелый, кал камень. Отдохнуть хоть самую малость, забыть обо всем. Но здесь не отдыхают. Я выработан и опустошен до предела. Но вот снова в моей опустошенности начинает появляться какая-то энергия. Я снова заряжаюсь. В течение многих часов я только отдавал энергию. Теперь возвращаюсь к жизни, ощущаю прилив сил.

Последний бивак

Клочок выгоревшей ткани намотался на острие штатива, покрылся льдом и снегом. Отрываю его от металла. Надо бы еще пофотографировать, но пора спускаться. Еще полчаса – и мне конец. Отсутствие

видимости меня сейчас даже не огорчает, главное – нет ветра. Облака вздымаются снизу вверх так, как будто земля под ними пульсирует. От усталости не только отяжелело тело, но мозг отказывается перерабатывать воспринимаемое. Мои ощущения больше не различают верха и низа. Что, уже вечер? Нет, сейчас 16 часов. Пора уходить. Никакого ощущения величия происходящего. Для этого я слишком утомлен. И однако же этот момент приобретет для меня впоследствии особое значение, станет в некотором роде заключительным аккордом. Может быть, именно он укрепит во мне мысль, что я – Сизиф, что я всю жизнь могу катить вверх мой камень, то есть самого себя, не достигая вершины, поскольку не может быть вершины в познании самого себя.

Последние метры

Через три четверти часа я собрал силы, собрал их для спуска. Чуть посветлело. Мои следы еще видны,

это прекрасно. Насколько все-таки спуск с этой великой горы легче, чем подъем. Насколько меньше требуется физических сил, волевого напряжения. Часть энергии можно потратить на мысли и ощущения. Чувствую запах снега, вижу цвет скал, сильнее, чем на подъеме, пугаюсь отблесков молний в тучах на западе... Все вниз, вниз. Лезу – сначала лицом к склону, потом к долине, – мое передвижение похоже на бегство. Скорее бы оказаться внизу. Какой длинный и тягостный путь!

Сейчас главное мучение – это кашель. Он превращает жизнь в ад. К тому же я много часов ничего не ел.

Дохожу до палатки и рюкзака как раз перед самым наступлением темноты. В эту ночь сна почти нет. Не могу также заставить себя как следует приготовить еду. Растопил немного снега, пью. Ничего не ем. Тепло от пламени горелки, может быть, немного успокоит меня. Не выключаю горелку, но и не поднимаюсь, чтобы достать снега. Каждое движение стоит много энергии. При подъеме я черпал ее в движении вперед. Теперь этого стимула нет. Лежание в палатке похоже на смерть. Только сознание достигнутого успеха поддерживает меня.

Отдаюсь во власть апатии. Проходят часы – между сном и бодрствованием, между смертью и жизнью. Без каких-либо мыслей. Я еще не в безопасности.

Вдруг меня охватывает страх. Ждет ли меня Нена? Она ведь не знает, где я, не знает, что завтра я буду внизу. Может быть, и она не спит. Этой ночью она пишет в дневнике:

«20 августа 1980 г. Я уже привыкла к тому, что снегопад и непогода приходят и уходят. Но я не привыкла к тому, чтобы ночевать здесь одной. Ничего не могу делать, кроме как думать о тебе, пока ты где-то там, выше 8000 метров. Хочу надеяться, что ты там не страдаешь. Уже на высоте 6500 метров жизнь – мучение, а как же выше? Снегопад все усиливается. 21 час».

Нужно принять какое-то решение, но сосредоточиться не могу. Что это: горная болезнь или я уже сошел с ума? Как и вчера, снова пускаюсь в бегство. Покидаю лагерь без еды и питья. Палатка, спальный мешок, содержимое рюкзака – все остается. Вытаскиваю из снега и беру с собой только лыжные палки. Спускаюсь по диагонали вниз на восток. Выйдя на широкий гребень над Северным седлом, вглядываюсь в снежную чашу ледника Ронгбук. Палатки там нет. Или ее занесло снегом? Свежий снег под ногами сухой и пушистый. Он разлетается, когда я ступаю на него. Сегодня мороз. Как и на подъеме, воля притуплена. Чем дальше продолжается восхождение, тем менее важной представляется мне цель, тем безразличнее я

сам для себя. Ослабло внимание, притупились мысли. Теперь душевное истощение еще больше, чем телесное. Так приятно сидеть без движения. Это состояние опасно как раз своей приятностью: смерть от истощения, как и при замерзании – приятная смерть... Я иду по холмистому ландшафту гребня над Северным седлом, и мне кажется, что я возвращаюсь из царства теней. Расслабляюсь. Погружаюсь в усталость, в сознание, что я был на вершине. Я больше не сопротивляюсь, позволяю себе падать при каждом шаге. Только останавливаться нельзя.

Сколько дней с утра до вечера я преодолевал гофрированную пустыню северной стены; часами ветер бил мне в лицо острыми осколками льда; целую вечность пробивался я сквозь туман, который обманывал и разочаровывал. Каждый вдох был там мучением и в то же время подарком.

Теперь преобладает ощущение – выжил, спасен! То и дело я впадаю в то, что можно было бы назвать «пик свершения», «спасительная пристань». Как пилигрим, при виде конечного пункта моего паломничества я забываю все страдания путешествия.

Нена не знает, что скоро я буду на Северном седле. В эти дни и ей тяжело. Оставаясь в одиночестве, она заполняет свою тетрадь разговором с самой собой.

«21 августа 1980 г. Доброе утро, река. Спасибо, что

ты тут и составляешь мне компанию. Каркает большой черный ворон.

Десятый раз беру в руки телеобъектив. Уже несколько часов не занимаюсь ничем другим. С самого рассвета, так что уже глазам больно. Пыталась заставить себя некоторое время не смотреть. Не получается. Это как помешательство. Уже даже скалы начинают двигаться. Иногда вижу множество людей, спускающихся по северному склону. Или он спускается прямо вниз, или... Не хочу думать дальше. Великолепный теплый день. Ополаскиваю лицо в воде ледниковой реки. Райнхольд, пожалуйста, возвращайся скорей. Я плохо себя чувствую, мне надо уже спуститься вниз. Знать бы только, где ты. Чуть попозже набираю воды в ручье между мореной и ледником. Когда возвращаюсь от ручья, различаю в ярком дневном освещении что-то похожее на точку, темную точку, движущуюся по кромке Северного седла. От волнения я вдруг совершенно слабею. Нет ничего от обычной уверенности Райнхольда. Кажется, что с перевала спускается вниз пьяный, а вовсе не тот человек, который вышел отсюда четыре дня назад.

Я начинаю рыдать. Это он, это должен быть он! Бегаю туда и сюда, как сумасшедшая. Кричу ему, что я иду. Я знаю, что он не может меня услышать, но мне нужно говорить с ним. Быстро одеваюсь, спешу встре-

тить Райнхольда на леднике».

Высокая цена

Клубящееся море облаков над Соло Кхумбу ослепительно бело. Извилистая линия северо-восточного гребня стоит как стена между ясной погодой на востоке и муссоном на юге. С уверенностью лунатика спускаюсь я вниз. Только снег мне не нравится. Он студенистый и не имеет прочной связи с подложкой. Когда я на него ступаю, он сползает под ногой вниз, обнажая под собой гладкий лед. Наверное, я теперь менее бдителен: не предвижу на спуске с Северного седла никаких серьезных трудностей, и потому не подготовлен к ним. Когда я – еще в полубредовом состоянии – впервые поскользнулся, ноги тотчас же ушли из-под меня, и я упал. Я пытался тормозить, но не мог задержать скольжения вниз. С нарастанием скорости во мне пробудились новые силы. Как это бывало и раньше, истинная опасность мобилизовала мои способности ровно настолько, насколько это нужно, чтобы победить. Я сам удивляюсь, откуда вдруг взялось столько энергии, выдержки и везения.

Быстро встаю на ноги, вбиваю ледоруб как следует и по крутому снегу спускаюсь лицом к склону. Иду надежно, страхуя себя естественно и непринужденно. Нет более той скованности, которая произ-

вольно охватывает, когда боишься поскользнуться на хлипком снегу. Скованность сменилась плавной упругостью в теле, позволяющей сохранять равновесие. При всей усталости нет больше парализующей нервозности. Мною руководит инстинктивное владение рельефом – разновидность чувства надежности, порождаемая усталостью и опасностью.

Большую поперечную трещину, в которую я упал четыре дня назад при подъеме, обхожу справа, останавливаясь на краю опасного крутого сброса. Здесь может пойти лавина. Снег раскис под лучами утреннего солнца. Сейчас этот сигнал тревоги не воспринимается головой, он пронизывает мое тело разрывающей болью.

Подо мною пропасть глубиной в четыреста метров. После нее склон выполаживается, переходя в спокойное ложе ледника, как в свою подпорку уходит Эйфелева башня. Только легкие оттенки светлого и темного служат указанием на трещины, мульды и валы на леднике.

Медлитель нечего, спускаюсь дальше. Очень скоро пальцы на ногах онемели, а ноги устали настолько, что я сажусь на снег и сползаю на пятой точке. Организм совершенно обезвожен, хочется пить. Беру в рот снег, но он, как пыль, липнет к нёбу. Сижую. Потом заставляю себя собрать последние силы, бездумно

иду траверсом направо. Разверстая трещина вынуждает меня отступить. Надо было идти левее. Но теперь слишком поздно. Назад я уже не пойду. Я могу идти только вниз.

Тут я снова вдруг срываюсь. Сначала стараюсь притормозить ледорубом, но руки отказывают, и я скольжу вместе с комьями едущей вместе со мной лавины до самого низа стены. Некоторое время лежу без движения. Прихожу в себя на ровном поле ледника. Становлюсь на колени, снова ложусь на снег, снова пытаюсь подняться.

Со стонами, шатаясь, иду вперед, ноги не держат, падаю. Тут я бросаю все, зарываюсь лицом в снег, содрогаюсь всем телом. Я внизу. Я и счастлив, и в то же время в каком-то отчаянии. Вон по валу ледника идет Нена. Постояла, идет дальше. Да, это она. Я не могу больше кричать. Перед глазами темнота. Медленно, постепенно я расслабляюсь, возвращаюсь к жизни. Вижу свои маркировочные колышки, вижу первые морены – в меня проникает весь мир. Я вижу себя извне, со стороны этого мира. «Я здесь» означает теперь «я там». Я прозрачен, я из стекла, а мир вокруг меня – это прочная основа моего я.

Нена ничего не говорит. Или я ее не слышу? Непроизвольно перехватывает дыхание, я останавливаюсь. Пытаюсь сохранить равновесие. Хочется дотронуть-

ся до Нены. Я буду с ней и в то же время один, смеяться и плакать, хочется успокоиться в ее объятиях и остаться лежать на леднике. Не двигаясь, не говоря ни слова, стою я здесь, хрупкий, как электрическая лампочка. Достаточно одного-единственного слова, чтобы разрушить эту прозрачную нежность, эту сказочную оболочку – то, что от меня еще осталось. Я могу видеть себя сквозь все мои оболочки и знаю, что и для Нены я сейчас прозрачен.

Опершись на лыжные палки, некоторое время смотрю на нее. Потом меня прорывает. Вся огражденность исчезает. Я плачу. Как если бы все горизонты, все ограничения были преодолены. Все открылось, все эмоции освободились. Как далеко мне нужно было ходить, чтобы я наконец почувствовал себя таким раскрепощенным! Я сам теперь – открытое пространство. Чем больше я отрешаюсь от себя, тем больше мне хочется упасть на колени.

Нена сразу же берет меня под свою защиту на целые часы и дни. Теперь она принимает решения, она заботится обо мне, руководит экспедицией, ведет дневник.

«Мужчины считают, что они покоряют горы. Вон он идет по леднику. Медленно, с опущенной головой. Скользит по мне взглядом, ничего не сознавая. Лицо желтое, губы вздулись, растрескались. Такое впечат-

ление, что вернулась только часть от него. Этот самый сильный человек на пределе, выработан до самой души. На него жалко смотреть. Он обессилен до такой степени, что только победа могла дать ему силы вернуться живым.

Подхожу: «Райнхольд, как дела?» В ответ только всхлипывания. Я понимаю его. Я навсегда запомню это мгновение – такого сильного чувства близости я не испытывала никогда. Он ложится на снег, я склоняюсь над ним: «Все в порядке, Райнхольд. У тебя все в порядке. Лагерь близко». – «Где же тогда все мои друзья?» – «Я твой друг, я здесь, Райнхольд. Не бойся, мы идем в лагерь». – «Так где же лагерь?» Он смотрит на меня глазами, полными слез. Наконец встает. Я беру его рюкзак, даю ему одну лыжную палку.

Когда мы подходим к палатке и все опасности позади, Райнхольд опять падает. Да, он был на вершине, и люди снова будут говорить, что он покорил самую могучую гору земли. Да, он добился успеха, достиг своей цели – но еще большего успеха добилась гора. Она взяла свою цену от этого человека.

Я знаю, что и Райнхольд так рассматривает свои отношения с этой горой. Сколько дала, столько и взяла с него.

22 августа 1980 г. Совсем другой человек лежит теперь в палатке. Он дремлет и пьет целый день. Встать

у него нет сил. Мне все время кажется, что он прозрачен.

23 августа 1980 г. Как прекрасно сознавать, что кто-то ждет тебя, помогает тебе. Целый день тащим мы вниз в базовый лагерь, тяжелые рюкзаки. Отдыхая на камнях, считаем оставшиеся часы и километры. Какая же это радость – встретить внизу людей. Чен и Цао подают нам горячее молоко, устраивают настоящий пир из курицы и риса. Из потайных запасов извлекается бутылка французского шампанского. Алкоголь сразу же ударяет в голову. Ведь мы, проведя неделю на высоте, целый день голодные топали вниз. «Чертовски удачная идея это шампанское», – говорит Райнхольд, засыпая. Постепенно к нему возвращаются силы. Возвращается и его обычная резкость.

26 августа 1980 г. В июне в Лхасе мы с Райнхольдом постоянно ссорились и грубили друг другу. Мне все время хотелось противоречить ему. Это было бесполезно и только приводило к новым осложнениям. Когда он пытался от меня избавиться, я сильнее цеплялась за него. Теперь я понимаю, не надо обращать на него внимания, пусть поступает, как хочет. Его стремление к одиночеству так же велико, как и жажда любви. Райнхольд во всем неординарен.

28 августа 1980 г. Все запаковано, ждем нанятый джип, чтобы ехать вниз. Задержка начинает злить

Райнхольда, но зато у нас есть время на глупости. Райнхольд то с удовольствием проводит со мной время, то я снова не нужна ему. Меня это угнетает. На высоте 6500 метров после спуска с Джомолунгмы я была ему верным товарищем. Теперь же он совершенно недвусмысленно намекает на то, что ему безразлично, кто ждал его в лагере. И тем не менее я думаю, что нужна ему, так же, как и он мне.

29 августа 1980 г. Мы не ожидали, что нам придется выезжать из базового лагеря вечером на тракторе с прицепом. Пришлось собираться в такой спешке, что не было времени проститься с ручьем, травой, скалами. Когда заходящее солнце бросило свои оранжевые лучи на Эверест, мы уже были на пути в долину. И все-таки как прекрасно уезжать! Серо-голубая, холодная как сталь Нупцзе тонет в сумерках. Доезжаем до первого селения уже в темноте, квартиру ищем при свете двух тусклых карманных фонариков. Все жители деревни вышли поглазеть на нас. Райнхольд не выносит толпы, он раздражается, я пытаюсь успокоить его. Довольно резко он набрасывается на Чена, нашего офицера связи: «Ничего не организовано. За что мы платим бешеные деньги?» Китайская федерация альпинизма обязалась предоставить нам джип, позаботиться о нашем ночлеге. Ничего этого нет. Райнхольду ничего не стоило бы договориться непосредственно

с тибетцами, расплатиться своими деньгами, но это нам запрещено.

Когда мы наконец расположились на ночь под открытым небом и люди разошлись по домам, Райнхольд успокоился. Он расслабился и крепко уснул. А я все лежала без сна, уставясь в небо, следя, как одна за другой падают звезды. 30 августа 1980 г. У Райнхольда опять нашлась причина впасть в ярость. В базовом лагере мы неделю напрасно ждали джип, оплаченный несколько месяцев назад, пока нас не отвез этот вшивый трактор. Тогда нам говорили, что джип ждет на другом берегу реки. Когда мы переправились через реку, то никакого джипа там не обнаружили. Мы поняли, что брошены на произвол судьбы. Райнхольд снова реагировал очень бурно.

Трактор ползет по ухабистой дороге, шофер-китаец останавливается через каждую пару километров, чтобы купить себе то масла, то чая. Цао безуспешно пытается уговорить его поторопиться. Наконец он поехал быстрее, но лишь для того, чтобы отомстить нам. На одном длинном перегоне нас окатило грязью. Быстрее и быстрее гонит шофер свою машину. Мы уже в грязи и глине с головы до ног. Китаец ухмыляется. Райнхольд, кипя от злости, прыгает с прицепа, удержать его невозможно. «Я его убью!» – кричит он и бросается к кабине, чтобы вытащить оттуда водителя.

Не знаю, право, серьезно он это или нет, но мне показалось, что он собирается сбросить в реку всех троих китайцев. Водитель побледнел как мел, забормотал извинения. После этого наш экипаж поехал спокойно. Райнхольд снова стал милым и доброжелательным со спутниками. Таков уж он есть».

Понадобилась неделя, чтобы отдохнуть и по-настоящему прийти в себя. Теперь мы на пути в Лхасу. Останавливаемся в одном большом селении. Идет снег. Тибетцы, которые расценивают явления природы как действия богов, пугливо выглядывают из своих жилищ. Китайцы, в основном солдаты вроде нашего шофера, отобрали у этих людей стада и монастыри, но не веру. Снег, Ветер, Град, Дождь, Засуха, Жара, как и прежде, полностью определяют их жизнь.

В эту ночь мы замерзли в своем прицепе. С гор дует ледяной ветер. Пока солнце медленно пробивается сквозь толстый слой облаков, мы чувствуем себя неудобно. Через два часа встречаем приготовленный для нас джип. Ну, теперь езда будет более приятной. И погода изменилась. Это муссон с его вечными капризами. Тяжелые облака опускаются на холмы. Небо светлеет на западе и темнеет на востоке.

После спуска с горы я чувствую бесконечную тяжесть на душе. Хотя внутренний кризис прошел, но и сейчас я угнетен, как эти долины под муссонны-

ми тучами. Постепенно тяжесть проходит, вместе с внутренним освобождением возвращается хорошее настроение, появляется бодрость, даже ощущение телесного здоровья. Уже то, что можно расслабиться, – счастье. Мы едем на восток – мимо бесконечных горных цепей, каменистых пустынь, песчаных просторств. Этот бедный ландшафт, расцвеченный чудесными мягкими красками, представляется мне моим собственным отражением. Заходы солнца на западе, сверкающие гребни Главного Гималайского хребта на юге – просто невероятно, как многокрасочна здесь природа. Желтые, коричневые, красные, голубые полосы простираются передо мной до самого горизонта. Все совершенно голо, ни одного стебелька травы нет на этой высоте, лишь разноцветные лишайники. А как красивы и ярки минералы в выходах скальных пород! Здесь собраны все цвета солнечного спектра.

Спускаемся ниже. На высоте 5000 метров бесчисленные белые звездочки цветов, ковер травы между огромными глыбами светлых гранитов. Бабочки – махаоны, аполлоны; птицы, сурки, зайцы. После двух месяцев среди снега и льда все кажется мне необычным и прекрасным.

В деревнях пыльно и грязно. Старики, большей частью беззубые, седые, смотрят на нас равнодушно. Я

люблю эту страну теперь еще больше, чем перед восхождением. Сейчас сентябрь, лето кончилось. Погода все время меняется. Высоко в горах бушуют снежные бури. Голые холмы, которые солнечным летом упирались в голубое небо, теперь выглядят как гребни морских волн в сумерки. Безлесное пространство превратилось во вздыбленный, мрачный доисторический пейзаж.

Тибетцы смотрят на нас, как на духов, сошедших с гор, которых невозможно прогнать. Мы чувствуем, что мешаем им, нарушаем их покой.

Бросаю последний взгляд на Эверест. Мощный снежный флаг повис на его вершинном гребне. Этот крутящийся на ветру снег, обычное физическое явление, уже потерял для меня свой символический смысл.

Мысленно возвращаюсь в тот мир, пытаюсь повторить восхождение, но пережить тех чувств не могу. «Они умерли вместе со мной», – приходит мне в голову. Вопрос смерти и ее неизбежности никогда не доминировал в моем мироощущении. И сейчас он возник в связи с особым состоянием. Никогда еще я не подходил так близко к черте между бытием и небытием, между «я» и не «я». Ни одно восхождение не потрясало меня так сильно, как это. Мне кажется, что я переступил границу дозволенного, и этот прыжок мне

еще предстоит осмыслить.

«Ганьбэй, ганьбэй!»

Многодневная борьба за то, чтобы выжить, длительное пребывание в мире, враждебном для человека, изменили мой характер. Дикий пейзаж сделал меня еще большим индивидуалистом, может быть, даже эгоцентристом.

Широкие равнины проплывают в утреннем свете, словно поверхность океана. Впечатление все время меняется: эти высокогорные пространства кажутся то морем, то землей. Я погружаюсь в них, не сопротивляюсь, плыву с ними.

Едем на восток, в Шегар, потом в Лхасу, бывший «священный город». Чем дальше в глубь страны мы попадаем, тем доброжелательнее становятся небеса. Еще сегодня утром я проснулся с влажными от росы волосами, весь одеревенелый, дрожа от холода, вылез из покрытого коркой льда спального мешка. А здесь, в Шегаре, сухо и жарко.

Две темные фигуры гонят по пыльному переулку стадо овец. Наш джип продвигается со скоростью пешехода. Дети с заспанными лицами таращат на нас глаза, выглядывая из низких дверных проемов домов. Едем дальше, в Шигацзе. Я время от времени засыпаю на сиденье. Эта экспедиция уже начина-

ет расплываться в моей памяти. Постепенно забываются отдельные эпизоды. Так исчезают отдельные мазки кисти художника, сливаясь в цельную картину. В длительных переездах по горам время членится совершенно особым образом. Один день, заполненный бесчисленными впечатлениями, проходит быстро, другой медленно течет без заметных событий. Трехсоткилометровое путешествие, как и восхождение на вершину, есть одновременно и вечность и мгновение.

В Шигацзе я еще раз посещаю монастырь Ташилхунпо. Молодые ламы выглядят глубоко верующими. Интересно, как удастся осуществлять самоуправление в Тибете без поддержки ранее ведущего, а теперь изгнанного сословия страны. У одного из местных руководителей союза альпинистов я спрашиваю, зачем сейчас уговаривают далай-ламу вернуться в Тибет. Он не отвечает. Однако вечером на небольшом банкете в доме отдыха президент местной туристской организации, китаец, объясняет мне, что Тибету в качестве посредника нужен свой религиозный вождь, вот почему уже несколько лет ведутся переговоры о возвращении далай-ламы.

«Но как может далай-лама, — интересуюсь я, — помочь в управлении страной, если ни ламы, ни монастыри больше не подчиняются ему?»

«Доверие народа к далай-ламе еще не исчезло, и это доверие можно теперь использовать позитивно».

Что будет, когда он вернется в сказочную Поталу с своим 100 000 золотых статуй? Возможно ли восстановление в Тибете ламаизма?

Власти Лхасы устроили нам сердечный прием. Но когда от рассказа о восхождении я перешел к проблемам Тибета, они забеспокоились и поторопились закончить вечер. У них до сих пор еще не прошла тревога, вызванная недавним приездом в страну делегации далай-ламы.

Почему бы не поговорить об этом открыто, как говорят о моем сольном восхождении и о Джомолунгме? Или и здесь я обречен вести разговоры только на альпинистские темы, как в Европе? Для меня сейчас судьба верующих на Земле так же важна, как обстоятельства гибели Мэллори или мое состязание с Наоми Уэмурой. Ни один народ мира не давал мне такого полного успокоения в такое короткое время, как тибетцы. Их непоколебимая вера поражает меня, особенно после того, как я увидел множество разрушенных монастырей и храмов.

Я иду на банкет по темным улицам города. Целый час шагаю до Паркхора, чувствую себя странником, которого влекут вперед таинственная сила, тепло и спокойствие. Скоро полночь. Однако плотный поток

паломников все еще движется по часовой стрелке вокруг храма Джокханг, построенного 1200 лет назад тибетским правителем Сонгценом Гампо для прекрасной статуи Боддхисаттвы, привезенной женой Гампо, китайкой, из Китая.

Я совершенно оглушен. Паркхор – улица паломников, сердце древнего города, она не затихает ни днем, ни ночью. Монотонное пение молящихся заполняет все пространство. Две девушки из Кхама хихикают, когда я прохожу мимо. Одна высовывает язык (*Знак приветствия у тибетцев*). Я улыбаюсь им в ответ. Везде вертятся искусно раскрашенные молельные мельницы. Один кочевник окликает меня, просит продать светящийся камень, который я ношу на шее между двумя кораллами величиной с вишню. Я отказываюсь, ни за какие деньги я не продам его. Мне подарила его одна старая тибетка около Тингри, в нем слились небо, земля и моя жизнь. Тибетец улыбается, он понимает меня. Еще некоторое время он идет рядом со мной. Я растворился во всем этом, бормочу «ом мани падме хум», плыву в потоке, который превращается у храма Джокханг в живой молельный барабан.

На следующий день я заболел. Не столько от того, что мало спал, сколько из-за перепоя. Сначала пили маотай с китайцами, потом чанг в старом городе с тибетцами. Лежу в постели с ужасной головной болью.

Из моего окна видна Потала. Она парит над пыльной долиной как воздушный замок.

Что будет с ней? Сегодня местные деятели заняты самокритикой. Но почему начатый мною вчера разговор о стране был прерван? Иногда мне кажется, что здесь играют в меченые карты. Крестьяне и кочевники с недавних пор могут продавать излишки продуктов на рынке. Но почему мне запрещено покупать их? Может быть, эти уступки китайцев временные? С многочисленными маленькими свободами в страну снегов приходит надежда. Но страх пока остается.

Единственная ночь в Пекине

Лишь в Пекине удалось вымыться, впервые за два с половиной месяца. Потом закрыться и побыть одному. Все дни – одно сплошное пиршество. Я пожинаю плоды пребывания в мире, который больше не принадлежит мне. Через два дня вылетаем во Франкфурт.

На прощание те же вопросы. Зачем я пошел на Эверест во второй раз? Кто мне за это платит? Кого я представляю?

Людям интересно это. Меня спрашивают также, какие флаги я брал с собой. Для какой страны я лезу в горы. Я говорю, что я это делаю для себя, из собственных побуждений, собственными средствами.

«Я сам для себя родина, а мое знамя – мой носовой платок», – цитирую я мое любимое изречение. Китайцы не понимают этого. Они мыслят в рамках схем, согласно которым признается только коллектив и не признается индивидуум. Они качают головами.

В дипломатических кругах Пекина уже распространились слухи о том, что я отнюдь не первый одиночка на вершине Эвереста, в книге рекордов Гиннесса указано другое имя. Меня эти слухи не трогают.

10 сентября приземляюсь в аэропорту Мюнхена.

На вопрос, как мне удалось в одиночку покорить высочайшую гору мира, я отвечаю, подчиняясь обязанности официально сообщить о своем восхождении:

«С тактикой, применяемой большими экспедициями, я бы не имел шансов в одиночку покорить Эверест, я был бы уничтожен. Мне удалось это сделать только благодаря хорошей акклиматизации и малому весу рюкзака. У меня не было ни одного заранее поставленного высотного лагеря. Я нес с собой маленькую палатку, как улитка несет свой дом, и шел вперед так же медленно, как улитка. После ночевки я снимал палатку, нес ее в рюкзаке, снова ставил, и снова нес почти до самой вершины».

Я выступал перед журналистами, как будто отбывал какую-то повинность. Отвечал на вопросы при полном отсутствии взаимопонимания.

«Почему вы совершили восхождение в полном одиночестве?»

«Я и сейчас испытываю страх перед одиночеством».

«Может быть, это было лишь безрассудное стремление к рекорду?»

«Рекорд – это превышение технических и психических достижений в известных направлениях. Мое соло было броском в неизвестность. В неизвестность погодных условий муссонного времени, но прежде

всего в неизвестность возможностей человеческого тела и духа».

«Перестанете ли вы теперь заниматься альпинизмом?»

«Нет».

«Чем собираетесь вы жить?»

«Не знаю. Знаю только, что и в глубокой старости я смогу заработать себе на хлеб, и этого мне достаточно. Я хотел бы только с наименьшими издержками иметь по возможности больше свободы, больше ничего».

«Будет ли телефильм о вашем соло?»

«Разумеется, я не снимал фильм о своем восхождении. Это невозможно. Было достаточно трудно сделать даже пару-другую фотографий. Мне удалось это только потому, что я приспособил в качестве штатива мой ледоруб. Так что получилось очень мало удачных снимков».

«Что же тогда у вас есть?»

«Немного».

«А какой смысл этого мероприятия?»

«Я не могу этого объяснить, но я уже устал доказывать, что именно необъяснимое придает жизни смысл».

Еще до сообщения в «Штерне» «Квик» высказала свое суждение относительно этой экспедиции и моей

персоны:

«Какой смысл в том, что фанатик Месснер один, в рекордно короткое время, без кислородного аппарата поднялся на Эверест или куда бы то ни было? Что, он открыл новые пути, по которым впоследствии пойдут дальше? Сообщил научные данные о физиологии хорошо тренированного человека? Нет. Этот невероятно ловкий бросок ничего не принес, кроме сомнительной славы и все более высоких денежных доходов.

Месснер – отрицательный герой, его падения в трещину ледника ждут с таким же напряжением, как столкновения автомобилей в автогонках. Месснер при этом скорее трагическая фигура, чем блистательный герой... Он слишком поздно родился – все вершины уже покорены, почти все альпинистские маршруты пройдены. Сегодня гигант альпинизма для того, чтобы сказать новое слово, должен подвергаться недуманному риску и устанавливать рекорды, которые предвещают ужасающее будущее.

Горы как арена славы для эгоцентриков – вот последствие месснеровских одиночных восхождений. Но тысячи зрителей по-прежнему будут думать, что альпинизм – это детская игра, подобная другим играм. Альпинистский бум, не в последнюю очередь раздутый благодаря Месснеру, заставляет молодых людей с плохим снаряжением и без железных легких

их идола лезть на вершины и одним неверным шагом сводить счеты с жизнью.

Но и Месснер платит за свой успех. Жена ушла от него. А он сам становится – несмотря на все ухищрения – пугалом для людей. Поднимаясь на вершины, он теряет ценность как человек, бежит от цивилизации и от своих поклонников, все еще ждущих от него чего-то нового».

Что можно сказать на это? Разве я надеялся на понимание? И да, и нет.

После трех дней работы в редакции газеты «Штерн» и в BLV Verlag я на одну ночь поехал домой в Вильнёс. Эта долина в Южном Тироле – то место, куда я всегда должен возвращаться, с которым я неразрывно связан, в которое я врос, которое сформировало мой характер. Там по-прежнему тихо, ландшафты исполнены гармонии. Правда, год от года тихих мест становится все меньше, возникают новые селения, фаричные постройки. Может быть, когда-нибудь и эта долина будет окончательно застроена, и я вынужден буду уехать в Непал или в Тибет, если захочу побыть в местах, к которым я более приспособлен.

Я ночую в доме моих родителей и утром еду обратно в Мюнхен.

Не бегу ли я сам от себя?

А между тем плюнули в мой адрес и «Штутгартские

НОВОСТИ»:

«Сенсация перестает быть таковой, если она повторяется. Может быть, на этот раз это произойдет и с Райнхольдом Месснером», – написала газета 4.9.1980 г.

Действительно, чего я хочу? После 1980 года (Эверест без кислорода и Нангапарбат соло) новые сенсации уже ничего не прибавят к моей славе.

Вальтер Бонатти в 1965 году в возрасте 35 лет после прохождения северной стены Маттерхорна впервые зимой в одиночку сошел с альпинистской сцены. И мое высшее достижение в альпинизме уже сделано.

«Зачем тебе ходить еще?» Этот вопрос меня поражает, когда его задают друзья. Один из них, много лет назад переставший заниматься альпинизмом, стал жить «разумной жизнью», обзавелся женой и детьми, усердно работал и недавно умер от инфаркта.

Каждый должен вести тот образ жизни, который ему больше подходит. Я рожден не для поездок по городам с докладами и не для созерцания гор у себя на родине в Южном Тироле. По крайней мере я не могу так жить постоянно.

Я покупаю авиабилет до Катманду. 17 сентября я буду в Непале, чтобы там отпраздновать свое 36-летие. Нена уже вылетела туда из Карачи. На послемус-

сонное время у меня Лхоцзе, четвертая по высоте гора мира. Иду снова один.

Из тысяч писем беру с собой в самолет только одно – от Вальтера Бонатти. Он пишет о ценности человека как индивидуума. Итак, есть альпинисты, которые разделяют мою точку зрения.

Я рад. Откидываюсь на спинку кресла и смотрю в окно. Мимо проплывают облака. Спокойные сверкающие массы облаков парят в воздухе как ватное одеяло.

Я снова в пути – в движении, в изменении. Бездеятельность я обычно ощущаю как пустоту, и из этого чувства рождается страсть к приключениям, желание на что-то отважиться, дойти до границ своих возможностей. Счастье – это когда абстрактная идея и жизненные устремления совпадают. Новая вершина, новые пейзажи принимают реальные очертания.

На протяжении всего пути от Дели до Катманду смотрю в иллюминатор на заснеженный Гималайский хребет. За ним в дымке лежит Тибет, страна, которую я прошел в погоне за своей навязчивой идеей, как средневековый рыцарь за драконом. Я вспоминаю Гецара – героя тибетского эпоса. Отправляясь в преклонном возрасте в Кхам, чтобы умереть в уединении, он оставил тибетцам пожелание, а мне – тему для раздумий:

Пусть среди гор не будет ни слишком высоких,

ни слишком низких;

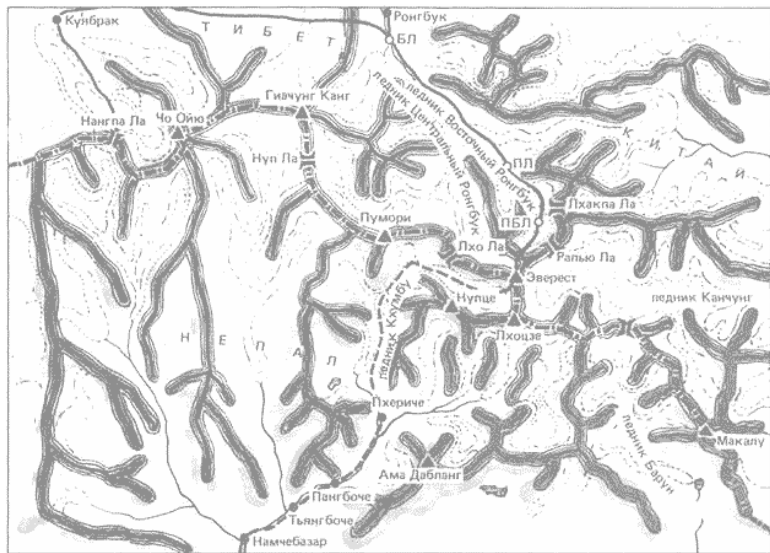
Пусть среди людей не будет ни слишком могущественных,

ни слишком немощных;

*Пусть не будет имущества у одних в избытке,
а у других в недостатке;*

Равнина пусть не будет совершенно плоской,

И все живые существа пусть будут счастливы!

— — — — — путь подхода и маршрут восхождения на Эверест с юга (Непал), 1978 г.

— — — — — путь подхода и маршрут восхождения с севера (Китай), 1980 г.

— ● — ● — граница между Непалом и Китаем

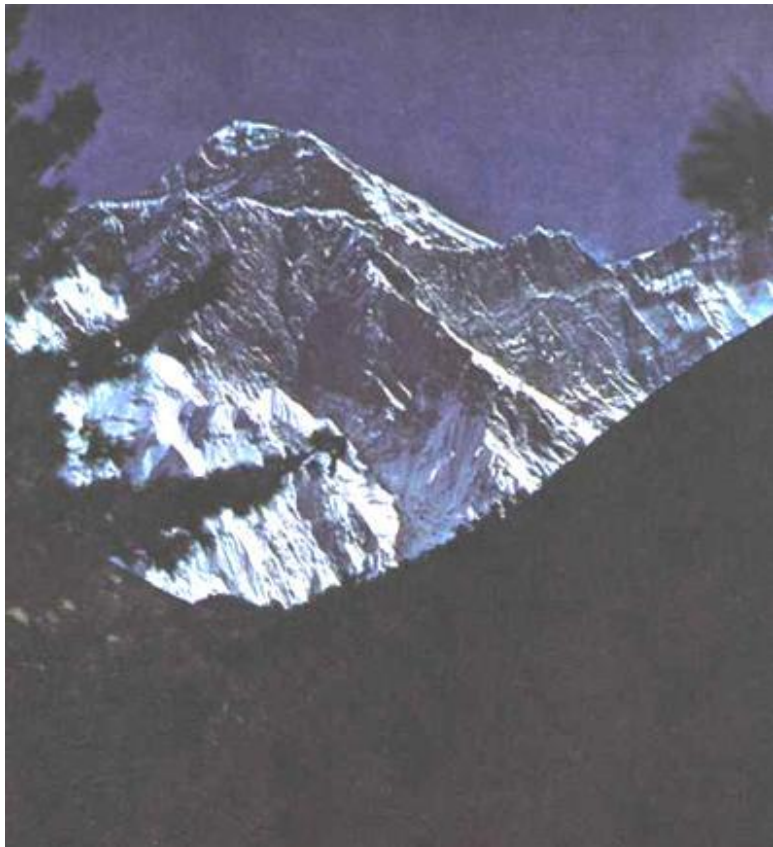
В 1978 и 1980 годах я изучил Эверест с юга и севера. Я поднимался на все его седловины: Северную,

Южную, Восточную (Рапью Ла) и Западную (Лхо Ла). С них мне удалось обозреть его наиболее крупные ледниковые бассейны и склоны и тем самым лучше почувствовать его историю. Если в 1978 году речь шла в первую очередь о бескислородном восхождении, то в 1980 году я поставил перед собой задачу, во-первых, взойти на высочайшую вершину в муссонное время и в одиночку, во-вторых, познакомиться с Тибетом и его народом и непосредственно пройти по следам первых британских экспедиций.

На том же месте, где находился базовый лагерь первопроходцев, я жил более двух месяцев (на карте это БЛ).

Оттуда я прошел до промежуточного лагеря на высоте 6000 м (ПЛ), а на 500 м выше был мой передовой базовый лагерь (ПБЛ), послуживший мне исходным пунктом для дальнейшего (уже полностью одиночного) движения на вершину.

С базового лагеря я совершил несколько акклиматизационных и разведывательных выходов на север, восток и юг. Я наблюдал жизнь местных крестьян, видел много кочевников со стадами яков.

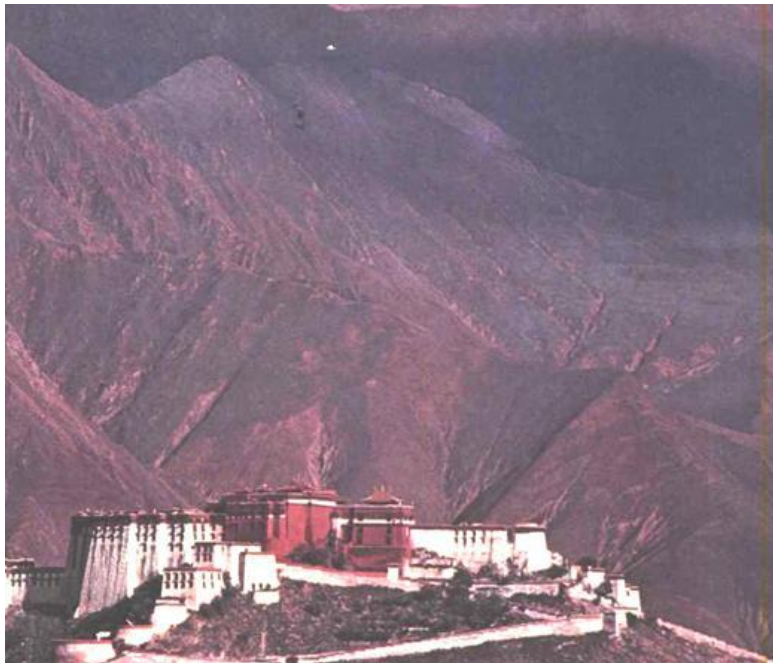

В 1978 году мы с Петером Хабелером поднялись на Эверест по нормальному маршруту. Эта фотография Эвереста, который, как маленькая пирамида, возвышается над грядой Нупце – Лхоцзе, была сделана в 1979 году во время возвращения экспедиции с Ама

Дабланга.

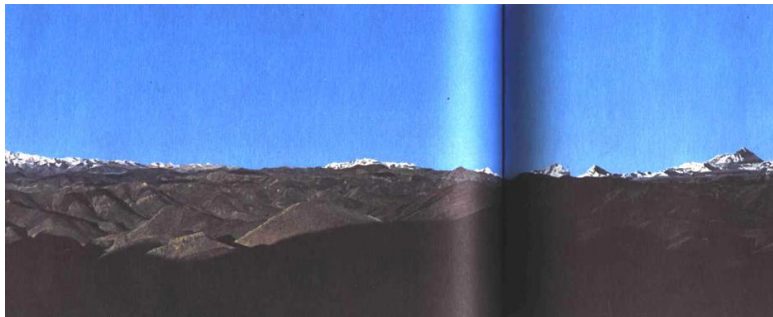
Вид на Эверест с севера. Снежные флаги на знаменитом северо-восточном гребне. Скальный массив покрыт муссонным снегом.

В 1980 году я получил разрешение подняться на Эверест со стороны Тибета. Таким образом исполнилась моя вторая мечта – я смог увидеть Тибет после культурной революции. Потала – некогда резиденция божественного владыки далай-ламы – реставрировалась. Тибетцы снова могли молиться.

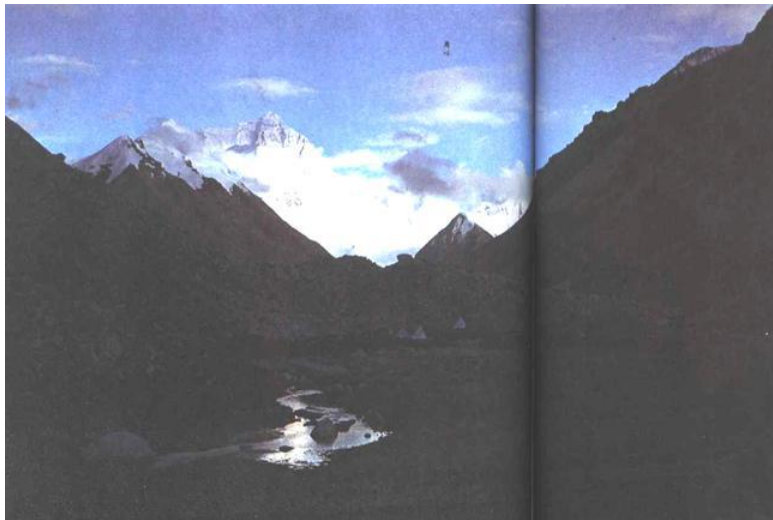
Большая часть драгоценных бронзовых статуй, принадлежащих тибетским монастырям, во время культурной революции была уничтожена. Некоторые из них тибетцам все же удалось сберечь, затопив в реках.

После акклиматизационного похода мы с Неной поднялись с двумя погонщиками и тремя яками в передовой базовый лагерь на высоте 6500 м.

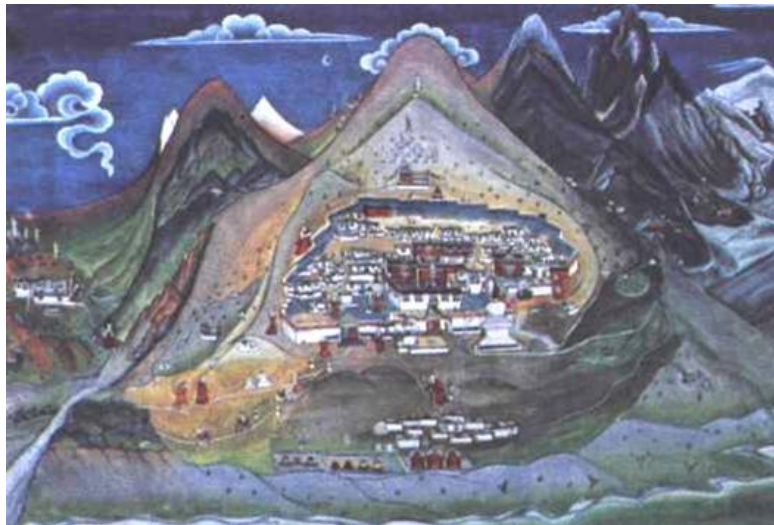
Летом 1980 года я поставил свой крошечный базовый лагерь на том самом месте, где в 1922 и 1924 годах находился лагерь англичан.

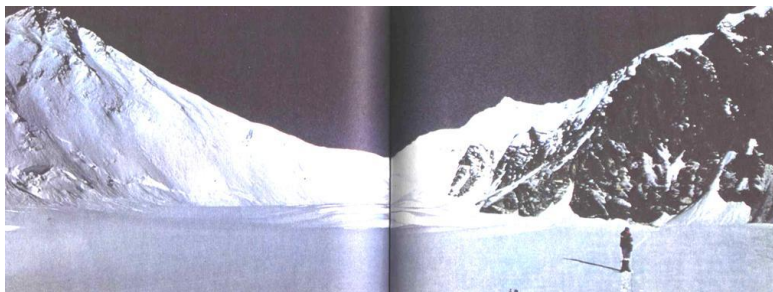
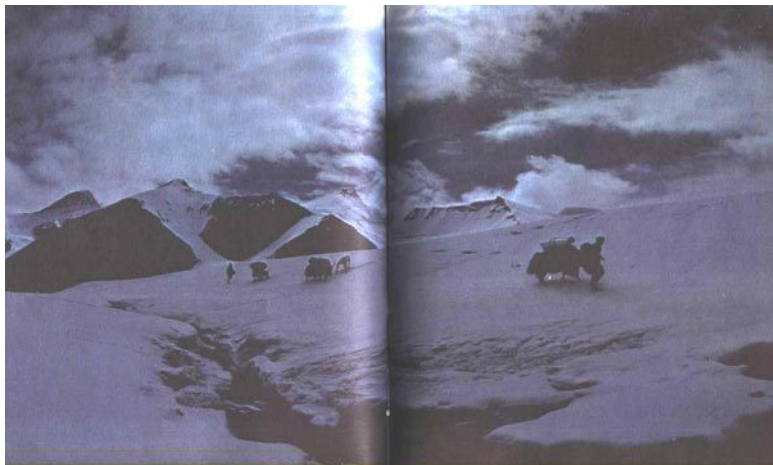
Эверест, возвышающийся в конце долины, сильно заснежен. Тепло, кое-где видна скудная зелень, вода еще не вся замерзла. Пирамида, воздвигнутая некогда в память о погибших в первых эверестских экспедициях, не сохранилась.

Под нависающей скалой я обнаружил эти реликвии – напоминающие о многочисленных отшельниках, живших в долине Ронгбука.

На этом наивном рисунке неизвестного ламы, сделанном на рубеже веков, изображен Ронгбукский монастырь в пору своего расцвета. Еще 50 лет назад здесь жили 400 монахов. В левой части рисунка – зимняя резиденция тогдашнего римпоче, справа вдали – Эверест.

16 августа мы с Неной во второй раз поднялись в верхний базовый лагерь под Северным седлом. Слева плавно поднимающийся северный гребень, по которому проходит маршрут моего предстоящего восхождения.

После десяти дней хорошей погоды – перерыва в муссоне – сложились прекрасные условия для восхождения. Стало холоднее, лавинная опасность уменьшилась.

На высоте 6000 м стоит наша крошечная палатка, промежуточная станция на пути в верхний базовый лагерь, расположенный на высоте 6500 м и заслоненный от ветра двумя сложенными из камней стенками.

Провалившись в трещину ледника, я решил пре-

кратить восхождение. Тем не менее пошел дальше, не думая об обратном пути. На этой фотографии видна Северная седловина.

Моя палатка, которую я ставил вечером и снимал утром, имела самонесущую конструкцию. Она натягивалась на пересекающиеся алюминиевые штанги, образующие полусферу. Это палатка моей конструкции, сделанная специально для этого одиночного восхождения.

Я был уже выше Северной седловины, когда первые лучи утреннего солнца осветили вершины Чо Ойю и Гиачунг Канг. Казалось, что прекрасная Пумори лежит ниже меня. Хотя на западе появились первые облачные массы, я еще не беспокоился о погоде. Я быстро шел вперед.

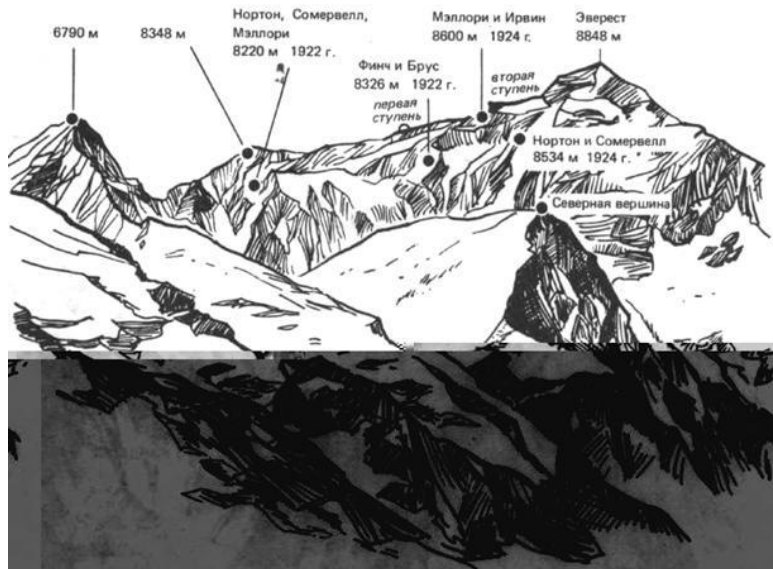
После первой ночевки на высоте 7800 м я нес палатку на рюкзаке, чтобы она просохла. Каждый лишний грамм веса в зоне смерти требует дополнительной энергии. Так как на северо-восточном гребне было много снега, мне пришлось траверсировать северную стену под первой и второй ступенями по диагонали слева направо почти до кулуара Нортон. Первая ступень выглядит на фото как крючок на фоне неба. Правее круто обрывается стена второй ступени.

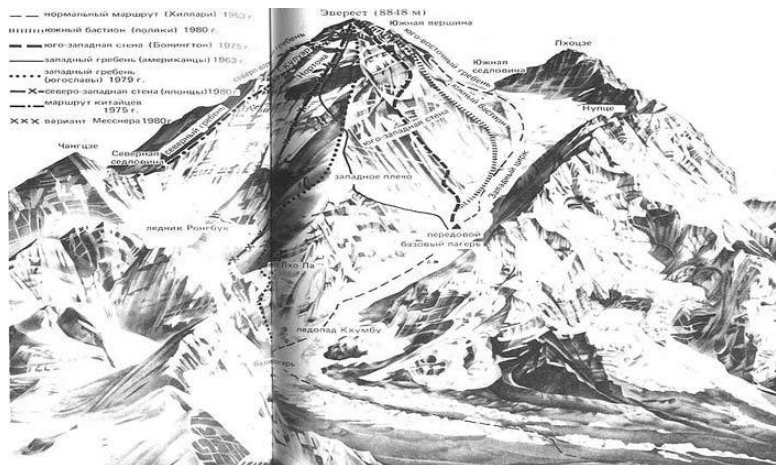

Утром 20 августа, после второй ночевки на высоте 8200 м, погода окончательно испортилась. Долины были забиты облаками, ориентироваться стало очень трудно. Я оставил почти все вещи на этом последнем биваке.

Вершина Эвереста была отмечена китайским геодезическим штативом, который поднимался из снега всего на высоту колена. Полностью истощенный, я просидел на вершине три четверти часа.

Эверест с непальской, южной стороны хорошо исследован, многократно покорен и не представляет в настоящее время загадки. Тибетская, северная сторона горы таит до сих пор много загадок. В 1980 году Эверест с севера был снова открыт для иностранных альпинистов. Я взойшел на него со стороны Тибета, один, без кислородного аппарата, в муссонный период.

Эверест – хроника и библиография

Эверест

Местоположение: Гималаи в непальском округе Коси в хребте Махалангур-Гимал, который представляет собой естественную границу между Непалом и Тибетом, являясь северной оконечностью Кхумбу-Гимала.

Координаты: 27°59'16" северной широты, 86°55'40" восточной долготы.

Высота: Главная вершина – 8848 м, Южная вершина – 8765 м, Северо-восточное плечо – 8393 м.

Первое геодезическое обозначение: пик-15. Непальское название – Сагарматха. Тибетское название – Джомолунгма («Богиня – мать снегов»). Область вокруг Чомолунгма по документам XIX века и, по-видимому, гораздо более раннего времени, называется Лхочамолонг («Страна южных птиц») и лежит, скорее всего, в группе Эверест – Макалу. Под Чомолунгмой в настоящее время понимается весь массив Эвереста или вся группа Эверест – Макалу в Кхумбу-Гимал.

Ч. К. Говард-Бери, руководитель первой эверестской экспедиции, слышал, как Эверест называли Чомо-Ури («Богиня – бирюзовая вершина»).

Карты. В отчетах эверестских экспедиций 1921, 1922, 1924 гг., а также экспедиции Раттледжа 1933 г. можно найти карты-схемы района. Сейчас имеются в продаже и могут быть рекомендованы следующие карты:

1) Blatt Nepal Ost. Карта Восточного Непала, 1:506 880 3-е изд., GSGS 1969, DMS (MoD) Лондон.

2) Туристская карта 1:126 720 района Ламасангу до Эвереста, 1975, Мандала Мапс, Катманду.

3) Mount Everest Region. 1:100000. RGS. Карта района горы Эверест. 2-е изд., 1975, Королевское Географическое общество, Лондон.

4) Khumbu Himal. Карта Кхумбу-Гимала. 1:500000, «Schneider-karte» 1965, FNH, Мюнхен.

5) Chomolongma – Mount Everest – Mahalangur. Чомолунгма – Эверест – Махалангур, 1:25000, 1957, Изд. Немецкого и австрийского альпинистских союзов, Мюнхен – Инсбрук. AV (DAV – OAV).

Эверест, высочайшая гора мира, более, чем любая другая, привлекает к себе внимание географов, альпинистов, журналистов. Европейцы увидели ее впервые в 1849 году. Первая попытка восхождения была предпринята спустя 72 года, первое восхождение со-

стоялось еще через 32 года. До 1949 года все экспедиции шли со стороны Тибета. Непал был закрыт для иностранцев. В 50—70-е годы состоялись успешные восхождения со стороны Непала. В 1979 году Тибет был снова открыт для иностранцев.

На сегодняшний день *(На конец 1981 года. Данные на 1988 год см. в «Эверестской хронике 1982 – 1988 гг.»)* вершины достигло более ста человек, шестеро из них взойшли без использования кислородных аппаратов, среди восходителей четыре женщины.

Были ли на вершине Мэллори и Ирвин уже в 1924 году – неизвестно, однако вполне вероятно, что Берк, кинооператор британской экспедиции, в 1975 году достиг вершины по юго-западной стене.

Пять альпинистов были на вершине по два раза. Гора покорена по восьми (если считать и варианты) маршрутам и один раз пройдена траверсом. В целом пройдено: от Западного цирка ледопада Кхумбу по юго-восточной стене – около 2225 м; от верхней части ледника Восточный Ронгбук – 2350 м; от Лхо Ла по Западному гребню – почти 2850 м; от средней части ледопада Кхумбу через Южную седловину – почти 3500 м.

Успехи и неудачи до 1981 года

Экспедицию на Эверест планировал еще в прошлом веке англичанин Юлиус Беренс (1827—1888), вдохновленный, очевидно, успешным восхождением на Монблан. Идея осталась нереализованной.

1892 год. В октябрьском номере журнала «Деятнадцатое столетие» опубликована статья Клинтона Дента под заголовком «Можно ли покорить Эверест?». Ответ утвердительный.

1893 год. Лейтенант Ч.Г. Брюс и капитан Ф.Э. Янгхазбенд в Шитрале обсуждают возможность восхождения на Эверест.

1899 год. Вице-король Индии лорд Керзон пишет Д. У. Фрешфилду о том, что пытается получить разрешение правительства Непала на восхождение на Эверест.

1904 год. Капитан К.Г. Ролинг ведет группу из Лхасы в Гарток и далее в Симлу. По пути они обозревают северные склоны Эвереста.

1905 год. В английском альпийском клубе обсуждается план наступления на Канченджангу или Эверест с участием Брюса и гуркхов.

1907 год. Газета «Таймс» сообщает, что министр по делам Британской Индии не дал санкции на вос-

хождение на Эверест. Газета публикует также состав планировавшейся экспедиции, идейным вдохновителем которой был лорд Керзон: руководитель – Брюс, участники – д-р Т.Г. Лонгстафф, д-р А.Л. Мамм, три альпийских проводника и шестеро гуркхов.

1908 год. Брюс разрабатывает новый план: подойти к горе со стороны Непала по долине реки Дудх Ко-си.

1909 год. Брюс впервые слышит от одного шерпы название Чомо Лунгмо.

1911 год. Лорд Керзон обращается к магарадже Непала за разрешением на восхождение на Эверест.

1913 год. Капитан Дж. Б. Ноуэл в одежде мусульманина отправляется из Дарджилинга с местным проводником по северо-западному Сиккиму к перевалу Лангу в Тибете. Когда их отделяет от горы всего 65 км, появляется отряд тибетских солдат и заставляет повернуть обратно.

1918 год. Королевское географическое общество возобновляет переговоры о разрешении на эверестскую экспедицию.

1920 год. Подполковник Ч. К. Говар-Бери, находясь в Индии, ведет переговоры с сэром Чарлзом Беллом, политическим комиссаром в Сиккиме, представляющим Великобританию в Лхасе, и с вице-королем Индии.

1921 год. Первая разведывательная экспедиция, руководитель подполковник Ч.К. Говард-Бери, девять участников. В пути умирает доктор А.М. Келлас. Исследованы возможные подступы к Эвересту с востока и севера, ледники Главный и Западный Ронгбук, откуда Дж.Л. Мэллори и Дж.Х. Баллок пытаются попасть в Западный цирк ледника Кхумбу, который видят с перемычки к северо-востоку от Пумори. Ледопад кажется им крутым и шансы достичь седловины между Эверестом и южной вершиной (Лхоцзе) – почти равными нулю. 24 сентября Баллок, Мэллори и Э.О. Хилер по леднику Кхарта выходят на ледник Восточный Ронгбук и поднимаются на Чанг Ла (Северная седловина, 6990 м).

1922 год. Вторая экспедиция: руководитель Брюс, тринадцать участников и пять гуркхов. Северная седловина достигнута с ледника Восточный Ронгбук. Мэллори, майор Э.Ф. Нортон и д-р Т.Г. Сомервелл достигли высоты 8225 м без кислородных приборов. Капитан Дж. Брюс – племянник руководителя и капитан Дж. И. Финч без кислородных приборов поднялись (27 мая) на высоту 8320 м (8323 м). При третьей попытке в лавине погибло семь шерпов. Впервые были опробованы кислородные аппараты.

1924 год. Третья (британская) экспедиция: руководитель Ч. Г. Брюс, десять участников и четыре гуркха.

В пути Брюс заболевает малярией. Руководство экспедицией берет на себя Нортон. Нортон и Сомервелл поднимаются на высоту 8540 м. Далее Нортон один доходит до 8570 м (8572 м) без кислородного аппарата. Этот рекорд держался до 1978 года. Э.К. Ирвин и Дж.Л. Мэллори предприняли попытку достичь вершины и не вернулись. Н.Э. Оделл видел их на высоте 8530 м.

1933 год. Следующая экспедиция: руководитель Х. Раттледж, четырнадцать участников, два офицера связи и пять гуркхов. Достигнута Северная седловина. П. Уин Харрис, Дж. Лонгленд, Л.Е. Уэйджер и пять носильщиков 30 мая доходят до высоты 8350 м. Примерно в 20 м ниже гребня, в 230 м восточнее «первой ступени» Уин Харрис и Уэйджер находят ледоруб. Он мог принадлежать только Ирвину или Мэллори. Уин Харрис и Уэйджер достигают высоты 8570 м. Этой же высоты на следующий день достиг Ф.С. Смайс, его партнер Э.Э. Шиптон вернулся раньше. Экспедиция Хаустона организовала первый облет вершины Эвереста на двух бипланах «Вестланд». Проводятся вертикальные измерения высот, фотографируется весь горный массив.

1934 год. М. Уилсон предпринимает попытку одиночного восхождения на Эверест через Северную седловину. Он идет по Тибету в одежде монаха, при-

творяясь глухонемым. Умирает от истощения в своей палатке под Северной седловиной.

1935 год. Небольшая разведывательная (пятая британская) экспедиция: руководитель Э.Э. Шиптон, восемь участников, в их числе Тенцинг Норгей. Группа поднимается на Северную седловину. Шиптон исследует Западный цирк ледника Кхумбу и устанавливает, что восхождение с южной стороны возможно. Х. У. Тилман и Э. Х. Уиграм приходят к заключению, что нижняя часть западного гребня от перевала Лхо Ла непроходима. На леднике Восточный Ронгбук найдено тело Уилсона.

1936 год. Шестая (британская) экспедиция: руководитель Х. Раттледж. Экспедиция вынуждена вернуться из-за раннего начала муссона.

1938 год. Седьмая малая (британская) экспедиция: руководитель Х. У. Тилман. Поднимается до 8300 м.

1945 год. Планируется экспедиция под руководством Шиптона. В 1946-47 гг. альпинисты в Тибет не допускаются.

1947 год. Канадец И. Денман предпринимает попытку одиночного восхождения. С Тенцингом Норгеем и Ангом Давой он тайком едет через Тибет до Ронгбука. Втроем они поднимаются до Северной седловины.

1950 год. Группа из пяти человек, которую возглавляет американец Ч.С. Хаустон, проходит от Катманду

в Соло-Кхумбу. Хаустон и Тилман выходят на ледник Кхумбу и изучают его мощный ледопад. Тилман высказывает мнение, что наиболее благоприятный для восхождения месяц – октябрь.

1951 год. Датчанин К.Б. Ларсен предпринимает попытку одиночного восхождения. Он выходит из Дарджилинга, направляется к долине Дудх Коси и Намче-базару. От Намчебазара через перевал Нангпа Ла, западнее Чо Ойю, попадает в Тибет и из Киетрака идет до Ронгбука. На Северной седловине шерпы оставляют его и спускаются вниз.

Британская разведывательная экспедиция: руководитель Э.Э. Шиптон. В Непале присоединяются новозеландцы Э.П. Хиллари и Х.И. Ридифорд. Проходят большую часть ледопада Кхумбу (до подъема в Западный цирк «Долину молчания») и выясняют возможности выхода на Южную седловину.

1952 год. Первая швейцарская экспедиция на Эверест: руководитель, д-р Е. Висс-Дюнан. Швейцарцы достигают (по Женевскому ребру) Южной седловины (7986 м). Р. Ламбер и сирдар Тенцинг Норгей поднимаются по юго-восточному гребню до 8600 м.

Вторая швейцарская экспедиция: руководитель Г. Шевалье. В послемуссонное время прокладывает маршрут к Южной седловине по склону Лхоцзе. С тех пор он стал обычным путем подъема. Достигает вы-

соты 8100 м.

1953 год. Десятая британская экспедиция: руководитель полковник С. Дж. Хант, четырнадцать участников, среди которых физиолог и кинооператор. Сирдар – Норгей Тенцинг. Р. С. Эванс и Т. Д. Бурдильон поднялись на Южную вершину Эвереста (8765 м). 29 мая новозеландец Э. П. Хиллари и шерпа Тенцинг Норгей достигли высшей точки Эвереста.

1956 год. Третья швейцарская экспедиция: руководитель А. Эглер. Две связки, Дж. Мармет – Э. Шмид (23 мая) и Х. фон Гунтен – А. Райст (24 мая) достигают вершины. Это второе и третье восхождения на Эверест.

1958 год. Китайская разведывательная экспедиция, в составе которой было два русских альпиниста, поднялась с Ронгбука до Северной седловины (*В составе этой экспедиции были советские альпинисты Е.А. Белецкий, А. И. Ковыркин и Л.Н. Филимонов. На Северную седловину разведка не поднималась (см. статью К.К. Кузьмина в сб. «Побежденные вершины» за 1958-1961 гг.).*

1959 год. Китайская экспедиция дошла только до Лхасы. Из-за восстания в Тибете маршрут изменили и направились на Мустагату в Синьцзяне (Памир).

1960 год. Первое успешное восхождение через Северную седловину по северному гребню. Экспедиция

состояла из 214 мужчин и женщин, китайцев и тибетцев. Три участника достигли вершины ночью, затратив на последние 300 м (от начала второй ступени) больше одного светового дня. На вершине были: Ван Фучжоу, Цюй Иньхуа и Лю Ляншань (*Третьим участником успешного восхождения был тибетец Ганьпо. Лю Ляншань заболел и остался на высоте 8700 м (см. статью, упомянутую в предыдущем примечании).* Несомненных доказательств пребывания на вершине не представили.

Индийская экспедиция (руководитель Г. Сингх) вынуждена была вернуться из-за сильного ветра и снежной бури, немного не дойдя до Южной вершины.

1962 год. Три американца и один швейцарец, обманув непальские власти, через перевал Нупла вышли на ледник Западный Ронгбук и поднялись (не имея на то разрешения) с ледника Восточный Ронгбук на Северную седловину. Они достигли высоты 7600 м.

Вторая индийская экспедиция достигла высоты 8450 м.

1963 год. Мощная американская экспедиция: руководитель Н.Г. Диренфурт. Разделилась на две группы. Одна связка из группы, которая шла с Южной седловины, уже 1 мая достигла вершины. Группа западного гребня достигла плеча, откуда две палатки с шестью участниками экспедиции были сброшены ураганом на

30 м вниз по склону.

Вторая связка южного маршрута 22 мая взошла на вершину. Через несколько часов после нее вершину покорили У.Ф. Ансолд и Т.Ф. Хорнбайн, шедшие по западному гребню с заходом на северную стену. Они спустились по юго-восточному гребню на Южную седловину. Это был первый и до сегодняшнего дня единственный траверс Эвереста (*Весной 1984 г. траверс совершили участники болгарской экспедиции. Весной 1988 г. — две группы из непало-китайско-японской экспедиции (см. «Эверестскую хронику 1982—1988 гг.»).*

1965 год. Третья индийская экспедиция: руководитель лейтенант запаса М.С. Коли. Вершины достигли 9 человек четырьмя выходами.

Правительство Непала запретило всякую деятельность на Эвересте.

Китайская разведка по северному склону (до 7500 м) и далее по восточному (*По северо-восточному*) гребню застряла в глубоком снегу.

1966 год. Вторая китайская экспедиция с Северной седловины. Эта экспедиция, в духе китайской культурной революции, была обречена на провал: маоисты шли без необходимого снаряжения.

1967 год. Китайская научная экспедиция в район северного склона Эвереста. Установка станции с из-

мерительной аппаратурой в предгорьях и на Северной седловине (7000 м).

1968 год. Китайская экспедиция (в апреле – мае) с Северной седловины не добилась успеха.

1969 год. Осень. Японская разведывательная экспедиция. Изучалась возможность восхождения по юго-западной стене из Западного цирка. Альпинисты достигли центрального кулуара на высоте 8050 м.

1970 год. Японская экспедиция. Она разделилась на две группы: восемь человек должны были пройти по юго-западной стене, шестнадцать – по юго-восточному гребню. Вершины достигли две связки из тех, кто шел с Южной седловины (четыре японца и один шерпа).

Японская горнолыжная экспедиция: тридцать четыре участника и восемьсот носильщиков. Миура спустился на лыжах; и с парашютами с Южной седловины в Западный цирк (2000 м). Спуск длился менее двух минут. В лавине погибли шесть шерпов.

17 мая японка Сетсуко Ватанабе, поднявшись на 8000 м, установила новый рекорд высоты для женщин.

1971 год. Международная экспедиция: руководитель Н.Г. Диренфурт, тридцать участников из тринадцати стран. Две группы: одна шла по юго-западной стене (до 8350 м), вторая – по западному гребню. Экс-

педия не достигла цели: умер майор Х.В. Бахугуна, среди участников начались болезни, конфликты получили широкую огласку.

Аргентинская экспедиция: руководители Х. К. Толос и К. Комесан. В послемуссонный период шла по южному маршруту, вынуждена повернуть обратно.

1972 год. Европейская экспедиция: руководитель д-р К.М. Херлигкоффер. Планировалось восхождение по юго-западной стене. Из-за разногласий пришлось отступить с высоты 8300 метров.

Британская экспедиция: руководитель К.Дж. С. Бонингтон, шла по юго-западной стене. Отказалась от восхождения.

1973 год. Большая итальянская экспедиция: руководитель Г. Монцино, шестьдесят четыре участника, сто шерпов, две тысячи местных носильщиков, три вертолета. На вершину взошли две группы (восемь человек) по обычному маршруту.

Большая японская экспедиция: руководитель М. Юас, сорок восемь участников. Это первое осеннее восхождение на Эверест. Экспедиция разделилась на две группы. Группа, идущая по юго-западной стене, поднимается до 8380 м. Группа южного маршрута достигает вершины одной связкой из двух человек без промежуточного лагеря выше седловины. На спуске имели холодную ночевку и обморожения.

1974 год. Испанская экспедиция в предмуссонный период прекращает восхождение.

В время восхождения французов по западному гребню лавина полностью сносит I и II лагеря. Погибают руководитель экспедиции (Девуазо) и пять шерпов.

Экспедиция из Китая в целях тренировки поднимается со стороны Ронгбука на Северную седловину.

1975 год. Японская женская экспедиция: руководитель Э. Хисано.

На вершину по обычному пути впервые взойшла женщина – Юнко Табей (с шерпой Ангом Тзерингом).

Большая китайская экспедиция: руководитель Шин Чжаньчун (*Руководителем этой экспедиции был Ван Фуджоу*), четыреста участников. Второе восхождение на Эверест с севера.

27 мая вершины достигают девять человек (восемь тибетцев и один китаец), среди них тибетка Пхантог (Паньдо). Вторая женщина на Эвересте.

Вторая британская экспедиция: руководитель К. Бонингтон. Успешно преодолевают юго-западную стену. Хэстон и Скотт достигают вершины в первой связке (24 сентября. Ночевка на подъеме на Южной вершине, 8760 м); П.Д. Бордмен и шерпа Пертемба – во второй. На спуске, примерно в 200 м от вершины, вторая связка неожиданно встречает М. Берка (*По другим источникам, Берка встретили в 50 м от вер-*

шины), который идет к вершине и предполагает догнать их на спуске. Берк покорил вершину 26 сентября. Больше его не видели. Это первое достижение вершины Эвереста одиночкой.

1976 год. Непало-британская (армейская) экспедиция: руководитель Т. Стритер. Два альпиниста достигают вершины с Южной седловины по юго-восточному гребню. Один участник погиб.

Американская экспедиция: руководитель Ф. Тримбла. Два альпиниста – Боб Кормак и Крис Чендлер взойшли на вершину с Южной седловины по юго-восточному гребню.

1977 год. Новозеландская экспедиция достигает только Южной седловины. Это первая экспедиция в альпийском стиле (без шерпов).

Южнокорейской экспедиции осенью удастся очень быстро взойти на вершину по обычному маршруту с Южной седловины. Вершины достигают Сан Дон Ко и шерпа Пемба Норбу.

1978 год. Большая ирано-китайская экспедиция проходит по северному гребню до 7500 м.

Австрийская экспедиция: руководитель В. Наирц. Впервые совершают восхождение на Эверест без искусственного кислорода Р. Месснер и П. Хабелер (5 мая). Наирц, пять альпинистов (среди них впервые немец Р. Карл) и один шерпа достигают вершины 3, 11

и 13 мая. Ф. Оппург совершает одиночное восхождение – второе одиночное восхождение на Эверест.

Немецкая экспедиция: руководитель К. Херлигкоффер. Французская экспедиция: руководитель П. Мазо. Экспедиции работают совместно. С 14 по 19 октября вершины достигают семь немцев, трое французов, одна полячка, один швейцарец, один австриец и трое шерпов. Все они поднимались с Южной седловины.

Второе восхождение без кислорода совершает Ганс Энгл 10 октября. Третье – шерпы Анг Дорджи и Мингма 17 октября. Англичанин и шерпы поднимаются вместе с другими участниками, которые, пользуясь кислородными аппаратами, прокладывают для них путь. Ганс Энгл утверждал, что без следов, проложенных Зеппом Маком, он не дошел бы до вершины. Третье женское восхождение совершила полячка В. Руткевич.

1979 год. Югославская экспедиция, очень сильная и дружная, проходит весь западный гребень в предмуссонный период.

Японская научная экспедиция идет с севера. В лавине погибают трое китайцев.

Международная экспедиция в послемуссонный период. Немецкая группа (руководитель д-р Герхард Шмац) благодаря хорошим отношениям между участниками сумела подняться на вершину несколькими

связками. При спуске Ханнелора Шмац и Рей Генет умирают от истощения.

1980 год. Польская экспедиция. Первое зимнее восхождение на Эверест. В феврале при сильном ветре и морозе одна связка поднимается на вершину. Это большая удача, но в Непале восхождение не было зарегистрировано как зимнее (зимние восхождения должны совершаться в декабре и январе).

Сильная японская экспедиция разделилась в Ронгбуке на две группы. Одной из них удалось первое полное прохождение северной стены. Вторая повторила классический маршрут по северному и далее по северо-восточному гребню. Ясуо Като – первый не шерпа, взойшедший на Эверест дважды.

Испанская экспедиция. В мае Эверест покоряют баски. Это первый успех испанцев на высочайшей вершине мира.

Польская экспедиция совершает первопрохождение по южному бастиону, расположенному между юго-западной стеной и юго-восточным гребнем.

В августе вершины достигает Р. Месснер в одиночку. Он идет из штурмового лагеря на леднике Восточный Ронгбук под Северной седловиной. Это вариант маршрута по северной стене.

1981 год. Британская зимняя экспедиция возвращается с перевала Лхо Ла.

Н. Уэмур отказывается от зимнего одиночного восхождения по обычному пути. До Южной седловины идет с поддержкой шерпов.

Французская военизированная экспедиция идет по классическому северному маршруту со стороны Тибета, возвращается, не дойдя до второй ступени.

Японская экспедиция проходит весь западный гребень. Вынуждена отступить почти у самой вершины.

Американская научно-медицинская экспедиция идет осенью через Западный цирк Кхумбу, по его правой части слева от Женевского ребра почти до Южной седловины. Ставит верхний лагерь на высоте 8075 м. Оттуда по юго-восточному гребню 21 октября на высшую точку поднимаются К. Копчиньский и шерпа Сондаре; 24 октября – К. Пиццо и Йонг Тенцинг. П. Хаккет поднимается в одиночку, так как сопровождающий его шерпа возвращается назад.

Малая новозеландская экспедиция проходит в альпийском стиле осенью ледник Кхумбу и его Западный цирк, поднимается по западному плечу и кулуару Хорнбайна. Из-за непогоды и истощения команда возвращается с высоты 7770 м. Американская группа осенью достигает высоты 6600 м по восточной стене, после чего из-за опасности схода лавин и снежных досок возвращается.

В течение последующих пяти лет Эверест подвер-

гается атакам с севера (Китай), востока (Китай) и юга (Непал). Особый альпинистский интерес представляют еще не пройденные восточный склон и северо-восточный гребень.

Эверестская хроника 1982—1988 гг.

№ п/п	Время про- вед.	Страна	Руководитель экспе- диции	№ воспе- да- ющей группы	Дата, фамилия, достигнутая высота. Возраст покорителя в скобках	Маршрут и его официа- льный номер	Дополнительные данные
1/2	3	4	5	6	7	8	9
64/25	1982 весна	СССР	Е. И. Тамм (55)	45 46 47 48 49	4.05.82 Владимир Баль- бердин (33), Эду- ард Мысловский (44), Михаил Туркевич (29), Сергей Бершов (34) 5.05.82 Сергей Ефимов (38), Валентин Иванов (41) 8.05.82 Казбек Валиев (30), Валерий Хрищатый (31) 9.05.82 Валерий Хому- тов (40), Юрий Голодов (38), Владимир Пуч- ков (41)	Первопрохожде- ние маршрута № 8 с Ю по левому к/форсу ЮЗ сте- ны с выходом на вершину по 3 гребню	
65	1982 весна	США	Лу Уиттакер	—	Перила закрепили до высоты 7900 м. Достигли высоты 8380 м	с С по большо- му центральному кулауру С стены с ледника Ронгбук	Было 3 попытки штурма верши- ны. 15.05.82 на высоте 8015 м сорва- лась с погибла Марты Хей — единст- венная женщина в экспедиции.
66	1982 весна	Велико- брита- ния	К. Боннингтон	—	17.05.82 Питер Бордин (31), Джо Таскер (33) ок. 8250 м	с С по СВ греб- ню с ледн. Ратю- Ла, маршрут № 9	6 участников. Попытка полностью пройти самый длинный СВ гребень. Заложили 3 нещеры. Штурмовую двойку видели в последний раз, ко- гда она пыталась преодолеть послед- ний выступ, претраждавший путь с высшей точки гребня.
67	1982 осень	Испания	Бельвис дель Рио	—	Достигнута высота 8550 м	с Ю по 3 греб- ню	При штурме погиб шерпа Ныма Лоржи (22).
68	1982 осень	Нидер- ланды	А. Ферийн- Стюарт	—	8.10.82. Л. А. Фос — 7850 м	с С по С склону	Экспедиция намеревалась проло- жить оригинальный маршрут по С гребню, но помешала п. п.

69/26	1982	Канада	Б. Мерч	50	5.10.82 Лорн Скреслет (32), шерпы Сондаре (29), Лхапка Дорджи (25)	с Ю по ЮВ гребню	Первоначальный маршрут по Ю ребру ЮЗ-завала был отбит до вершины
				51	6.10.82 Пат Морроу (29), шерпы Пем Дорджи (24), Лхапка Церенг (26)		тегибел Блейра Гриффитса (32) в ледовом обвале и шерпы Пасанга Сона (40) и Анг Чуддима (18) и Дава Дорджи (40) в лавине. Сондаре стал первым трехкратным покорителем Эвереста.
70/27	1982/83 зима	Япония	Я. Като	52	27.11.82 Ясуо Като (34)	с Ю по ЮВ гребню	Эверест. Второе зимнее восхождение на Эверест. Третье и последнее восхождение Я. Като на Эверест; на спуске он погиб вместе с Тошиаки Кобаяши, не дошедшим до вершины примерно 80 м, они были вынуждены стать на холодную палочку недалеко от Ю вершины. Ок. 21.00 Я. Като разговаривал с лагерем 2 в последний раз, после чего никаких известий от них не было
71	1982/83 зима	Франция Швейцария Бельгия	М. Метцгер	—	с 12.12.82 по 22.12.82 сооружено 2 лагеря на 3 гребне		Первоначальный план — ЮЗ стена оказалась опасным из-за ледовых обвалов. Восхождение по 3 гребню решили прервать после исчезновения Жана Буржуа, который во время очередного выхода почувствовал себя плохо, повернул назад и по ошибке спустился на С сторону в Тибет. После долгой одиссеи в Китае он 14.01.83 объявился на пресс-конференции в Катманду, когда уже никто не надеялся видеть его живым.
72/28	1983 весна	США—ФРГ	Г. Лензер, Ф. Эршлер	53	7.05.83 Гарри Роуч, Дэвид Бришад, Питер Джеймисон, Ларри Нилсон, Анг Рита	с Ю по ЮВ гребню	В составе экспедиции — 50-летняя Франк Уэллз (51), Дик Басс (53). Их цель — взойти на все наивысшие вершины всех 5 континентов. Их попытка не удалась.
				54	14.05.83 Гари Нептун, Джим Сейтс, Лхапка Дорджи		
73	1983 весна	США	Б. Крейг	—	Достигнута высота 7315 м	с С по 3 гребню	
74	1983 весна	Чили	—	—	—	с С по С гребню	без успеха.

№ п/п	Время проведения	Страна	Руководитель экспедиции	№ восходящей группы	Дата, фамилии, достигнутая высота. Возраст покорителя в скобках	Маршрут и его официальный номер	Дополнительные данные
1/2	3	4	5	6	7	8	9
75	1983 осень	США	Дж. Сано	—	Достигнута высота ок. 8550 м	с Ю по 3 гребню	Единственная женщина в команде Энни Уайтхауз — член штурмовой группы.
76	1983 осень	Франция	Я. Сеньер	—	Достигнута высота 8200 м	с С по 3 гребню	Было намерение совершить траверс 3 гребня по СВ гребню.
77	1983 осень	Испания	К. Бланк	—	—	с С по СВ гребню	Каталанская экспедиция. Без успеха.
78	1983 осень	Швейцария	Р. Нотгарис	—	Достигнута высота 7400 м	с С по С стене	Руководитель сломал ногу, после чего экспедиция закончила работу.
79/29	1983 осень	США	Дж. Моррисей	55	8.10.83 Луи Рейнхардт, Ким Момб, Карлос Булер	Маршрут № 9 с С по В стене с ледника Кангчунг	В день первого штурма три различные экспедиции достигли вершины по трем различным маршрутам.
				58	9.10.83 Дан Рид, Джордж Лоу, Джей Кассел		Американцы были первыми, протоптав следы для японцев на последних 100 м до вершины, что физически и психологически помогло японцам, поднимавшимся б/к.
80/30	1983 осень	Япония	Х. Кавамура	56	8.10.83 Хариучи Кавамура, Шоми, Сулзуки	с Ю вдоль Ю ребра с выходом на ЮВ гребень	Малая японская экспедиция: 4 альпиниста, врач и 2 шерпы. Штурмовая связка, поднимавшаяся б/к, имела в своем составе шерпу Пасанга Темба, который умер, немого не дойдя до вершины.
81/31	1983 осень	Япония	Х. Йоиноши	57	8.10.83 Хараюки Эндо (36), Хиронобу Камуро (32), Хироши Йоиноши (33)	с Ю по ЮВ гребню	Подъем б/к. Йоиноши и Камуро сорвались на спуске. Нобору Савагами не дошел до вершины (8500), вовремя вернувшись.
82/32	1983/84 зима	Япония	К. Такахаши	59	16.12.83 Нобору Ямада, Такаши Озак, Казунари Мураками, Наванг Йонден	с Ю по ЮВ гребню	10 участников, 10 шерпов. Участники акклиматизировались, взошли в октябре на Лхонце и проложили при этом первый путь на Ю седло. Затем руководителем было запрещено подниматься выше 6400 м (перебой в сердечном ритме).
83	1983/84 зима	Япония	К. Доджин	—	—	с С по С стене по кулуару Хорн-байна	Планировалась встреча супругов Казуоки и Мичико Такахаши на вершине. Но экспедиция с севера вообще не удалось подняться на вершину — были сильные обморожения и один смертельный случай.

84/33	1984 весна	НРБ	А. Аврамов	60	20.04.84 Христо Проданов	с Ю по З гребню с перевала Лхо	Х. Проданов впервые совершил восхождение в апреле, вошел в одиночку, на спуске пропал. Две последующие связки из-за п. п. спускались через цепь лагерей индейцев, поднимавшихся через Ю седло. Т. о. болгарские альпинисты совершили traverse З гребень — ЮВ гребень.
				61	8.05.84 Методи Садов, Ивай Волчев		Баченари Пал (28) стал пятой женщиной в мире, взойшедшей на Эверест. Один шерпа погиб в лавине, один умер от высотной болезни.
				62	9.05.84 Кирил Досков, Николай Петков		
85/34	1984 весна	Индия	Даршан Кумар Кхулар	63	9.05.84 Пху Дорджи	с Ю по ЮВ гребню	
				64	23.05.84 Дорджи Лхато, Сонам, Балзор, Баченари Пал, Анг Дорджи		
86	1984 весна	Великобритания	Б. Лейн	—	2.04.84 — 6840 м	с С по С стене с ледника Ронгбук по кулауру Хоринбайна	13 участников. Один участник погиб, 4 ранены в ледовом обвале. В эвакуацию участвовала команда П. Гансона.
87	1984 весна	Великобритания	П. Гансон	—	20.04.84 лагерь 4 (7800 м)	с С по З гребню; затем по большому кулауру С стены	Экспедиция изменила маршрут, т. к. З гребень был занят болгарскими альпинистами. После ухудшения погоды экспедиция свернула работу.
88	1984 весна	США	Т. Фитцсиммонс	—	19.05.84 — лагерь 7 — 8540 м 21.05.84 — Фитцсиммонс, Томпсон 8600 м	оригинальный маршрут с С по СВ гребню	19 участников, 6 носильщиков — работали только до С седловины. Это ограничило попытки штурма.
89/35	1984 осень	Австралия		65	3.10.84 Тим Маккартни Снейп, Грег Мортимер	с С по С стене правее большого кулаура, маршрут № 10	Первая малая австралийская экспедиция, кислородом не пользовалась. Э. Хендерсон не дошел до вершины 50 м из-за поломки кошки.
90/36	1984 осень	Нидерланды		66	8.10.84 Барт Фос (33)	с Ю по ЮВ гребню	8 участников. Единственная женщина Мурик возвратилась со штурма с высоты 8600 м, когда у нее кончился кислород.
91/37	1984 осень	СССР		67	15.10.84 Иосиф Псотка, Золтан Демьян, Анг Рита	с Ю по Ю к/форсу ЮЗ стены	15 альпинистов и 9 шерпов. Спуск через Ю седло. Сорвавшись со склона Лхоцзе, Псотка погиб.

№ п/п	Время проведения	Страна	Руководитель экспедиции	№ восходящих групп	Дата, фамилия, достигнутой высоты. Возраст покорителя в скобках	Маршрут и его оригинальный номер	Дополнительные данные
1/2	3	4	5	6	7	8	9
92/38	1984 осень	США	Лу Уиттакер	68	Фил Эршлер	с С по С гребню	Джон Роскелли, шедший на штурм б/к, до вершины не дошел.
93	1984/85 зима	Ю. Корея	Ин Хан Ох	—		с Ю по ЮВ гребню	б/успеха.
94	1984/85 зима	Франция		—		с Ю по З гребню	б/успеха.
95/39	1985 весна	Норвегия	А. Нессе	69	21.04.85 Кристиан Бонингтон, Ода Элиассен, Бьерн Мирер-Луид, Петерсба, Дана Нуру, Анг Лхалпа	с Ю по ЮВ гребню	Экспедиция установила ряд рекордов: максимальное число одновременно стоявших на вершине — 8 (29.04.85). Общее число взойшедших на вершину — 17, самый молодой покоритель вершины — Р. Басс (55). Установлены личные рекорды. Анг Рита в третий раз вошел на Эверест. Сондаре (34) — в четвертый. Р. Басс и Д. Брешиз осуществили свою мечту — взойти на высочайшие вершины всех континентов.
				70	29.04.85 Арне Нессе, Ральф Хойбак, Стеен П. Аасхейм, Хавард Нессейм, шерпа Сондаре, Пемба Дорджи, Анг Рита, Чо-ванг Ринзинг		Кристиан Бонингтон, помогавший в организации экспедиции, использовал персональный компьютер для ведения своего дневника, написания писем и финансовых расчетов. Компьютер был доставлен до лагеря II (6400), там он использовался с питанием от аккумуляторов и от солнечной батареи.
				71	30.04.85 Ричард Басс, Дэвид Брешиз, шерп Анг Пхурба		Экспедиция басков, б/успеха.
96	1985 весна	Испания		—		с С по С гребню	б/успеха.
97	1985 весна	Новая Зеландия		—		с С по З гребню	б/успеха.
98	1985 весна	Великобритания	Мал Дафф	—	Лагерь 4 — 7850 м Максимальная высота — 8380 м	с С по СВ гребню	б/успеха. Была найдена кинокамера Джо Таскера, пропавшего с П. Бординеном на этом маршруте в 1982 году.
99	1985 лето	Франция		—		с С по З гребню	б/успеха.
100/40	1985 лето	Испания	К. Бланко, А. Соре	72	28.07.85 Оскар Кадиак, Антонио Соре,	с С по С гребню	Экспедиция басков. Вторая за всю историю экспедиции в муссонный пе-

					Карлос Виллес, Самбу Таманг, Нараян Шрестха Анг Карма		риод с севера и вторая успешная.
101/41	1985 осень	Япония	К. Ягихара	73	30.10.85 Эцуо Акуцу, Сатоши Кимото, Хидеки На-зукэ, Теруо Са-зугаса, Мицуоши Сато, Куниаки Ягихара, Нобору Ямада	с Ю по ЮВ гребню	Ямада взойшел б/кислорода.
102	1985 осень	Индия	Дж. Сингх	—	Достигли высоты 8550 м	с Ю по ЮВ гребню и по ЮЗ стене	Погибло 5 человек из-за бури в районе Ю седловины.
103	1985/86 зима	Ю. Ко-рея	—	—	—	с Ю по ЮВ гребню	10 участников, б/успеха.
104	1985/86 зима	Ю. Ко-рея	—	—	—	с Ю по З гребню	17 участников, б/успеха.
105	1985/1986 зима	Ю. Ко-рея	—	—	—	с Ю по ЮЗ стене	11 участников, б/успеха.
106/42	1986 весна	Канада	Дж. Эльзинга	74	Шарон Вуд (29), Дуэйн Конгдона (29)	с С по С стене кулуаром Хори-байна	13 участников. На вершину вошли две женщины — представительницы североамериканского континента.
107	1986 весна	Польша	—	—	—	—	б/успеха.
108	1986 весна	Япония	—	—	—	—	б/успеха.
109/43	1986 осень	Швейцария	—	75	30.09.86 Эрхард Лоретан, Жан Труале	с Ю по ЮЗ контрфорсу	Маршрут пройден штормовой группой из 43 человек.
110	1986 осень	Франция — Швейцария	Фред Граф	—	—	с Ю по ЮВ гребню	Цель — одновременное восхождение на Лхоце и Эверест. Погибли 1 альпинист и 1 шерпа, после чего экспедиция закончила работу.
111	1987 весна	СССР	Иван Галфи (53)	—	Достигнута высота 8300 м	с Ю по ЮЗ стене	Экспедиция разделилась на 2 части, пытаясь пройти два маршрута по стене, но из-за п. п. попытки пришлось оставить. Кислородом не пользовались.
112	1987 весна	Швеция	—	—	—	с Ю по ЮВ гребню	15 участников. Причина неудачи п. п.
113	1987 весна	Испания — Италия	—	—	—	—	—

№ п/п	Время про-вела	Страна	Руководитель экспе-диции	№ восхо-дней группы	Дата, фамилии, достигнутая высота, Возраст покорителя в скобках	Маршрут и его официа-льный номер	Дополнительные данные:
1/2	3	4	5	6	7	8	9
114	1987 весна	США	—	—	Роджер Маршал (45) — погиб при попытке оди-ночного восхождения	с С по СВ гребню	83 жертва Эвереста.
115	1987 осень	Велико-британия	Рик Ален, Даг Скотт	—	—	с С по СВ гребню	Причина неудачи — п. п. Погиб шерпа Ныма.
116/44	1987/88 зима	Ю. Ко-рея	—	76	7 альпинистов	с Ю по ЮВ гребню	4-е зимнее восхождение на Эве-рест.
117/45	1988 весна	Не-пал — КНР — Япония	Бикрам Шах, Ши Чжань-чунь	77	5.05.88 Донцзи Цан-ган, Анг Лхапка, Нобору Ямада и 15.55 тибетца Да-черин (35), шер-па Анг Пхурба, тибетец Жиньцзи Пинцзо	с Ю по ЮВ гребню спуск по С	Умер японский врач Х. Мидзуко-ши (49). Ямада совершил 3-е восх. на Эверест. Церин Дондже поставил ре-корд пребывания на вершине Эве-реста, б/к — 99 мин.
				78	5.05.88 Накамура Сусу-мо, Накамура Соджи, Сетуса Теруо в 17.23 Ли Джисинь (25), Церин Дондже китаец, Анг Лха-кба (27), Набору, Ямада (38)	с С по С гребню спуск по ЮВ гребню	Большая экспедиция (252 участни-ка) посвящена юбилеям Китайской (30 лет) и Непальской (15 лет) аль-пинистских ассоциаций. Одновре-менный подъем с двух сторон. Обес-печен волонтерами С—Ю и Ю—С. С вершины велась прямая телеви-зционная передача с помощью японской техники (японская фирма — спонсор экспедиции).

Принятые сокращения

С — север, северный
Ю — юг, южный
В — восток, восточный
З — запад, западный
б/к — без кислородных приборов
п. п. — плохая погода

Споры и размышления

В феврале 1982 года в Лондоне встретились капитан Ноуэл, профессор Оделл и Райнхольд Месснер. Они долго беседовали об исчезновении в 1924 году Мэллори и Ирвина на северном склоне Эвереста. Это обсуждение, а также сенсационное сообщение из Китая дали новый материал к раскрытию «тайны Мэллори и Ирвина». Эту двойку последним видел 8 июня 1924 года на северо-восточном гребне Эвереста Оделл – альпинист высокого класса, геолог по профессии. В тот момент они проходили скальную ступень на высоте 8400 метров. Достигли они вершины или нет и как погибли, остается загадкой.

Оделл, которому сейчас 91 год, помнит все до мельчайших подробностей. Он убежден, как и многие историки альпинизма, что несчастие произошло на спуске с вершины. Однако ряд альпинистов, в том числе и Месснер, придерживаются мнения, что Мэллори и Ирвин не могли преодолеть вторую скальную ступень (second step) вершинного гребня. Оделл согласился с мнением Месснера о том, что видел обоих восходителей не на второй, а на первой ступени, однако он считает, что они могли обойти вторую ступень по снегу с восточной стороны. В своей книге Рай-

Райнхольд Месснер попытался показать, что несмотря на то, что в принципе такая возможность существует, достижение вершины без бивака немислимо. Во-первых, слишком мало времени, во-вторых, велики технические трудности. Ночевка же на подъеме измотала бы их вконец.

В 1933 году участники британской экспедиции нашли один из ледорубов этой двойки. Он лежал немного ниже и правее (орографически) первой ступени.

В 1982 году стало известно, что во время первого и долго оспариваемого китайского восхождения в 1960 году с севера по пути Мэллори и Ирвина китайские альпинисты нашли альпеншток, кусок веревки и две кислородные фляги. Они лежали выше второй ступени. Поскольку между 1924 и 1960 годами на второй ступени не было никого, кроме Мэллори и Ирвина, то эта находка свидетельствовала о том, что Мэллори и Ирвин (или только один из них) прошли или обошли вторую ступень. Таким образом, они прошли ключевое место на пути к вершине. Райнхольд Месснер, основываясь на известных документах, не считал Мэллори и Ирвина первовосходителями Эвереста. Он готов теперь пересмотреть свои выводы, если окажется, что следы Мэллори и Ирвина действительно обнаружены выше второй ступени. По его словам, такой энтузиаст, как Мэллори, пройдя вторую ступень,

не вернулся бы, не достигнув вершины по относительно легкому склону.

Благодаря находке китайцев можно было бы решить загадку Мэллори и Ирвина. Но до сих пор нет ни фото, ни самих найденных вещей. Почему китайцы обнародовали свою важную находку через 20 лет – новая загадка.

Восьмитысячники Р. Месснера

1. Нангапарбат

по Рупальской стене, первопрохождение, 8125 м
(Высоты вершин выверены по источникам, учитывающим измерения последнего времени.), 27.06.70

2. Манаслу

по ЮЗ склону, первопрохождение, 8163 м, 25.04.72

3. Хидден-Пик (Гашербрум I)

по С стене, 8068 м, 10.08.75

4. Эверест (Джомолунгма)

по ЮВ гребню, 8848 м, 8.05.78

5. Нангапарбат

повторно по стене Диамира, первопрохождение,
абсолютное соло, 9.08.78

6. К-2 (Чогори)

по гребню Абруццкого, 8611 м, 12.07.79

7. Эверест

повторно по С склону и кулуару Нортонa, абсолютное соло, 20.08.80

8. Шиша Пангма

8046 м, 28.05.81

9. Канченджанга

8586 м, 6.05.82

10. Гашербрум II

8035 м, 24.06.82

11. Броуд-Пик (Фальхан Кангри)

8047 м, 3.08.82

12. Чо Ойю

по ЮВ стене, 8201 м, 5.05.83

13. Гашербрум II

повторно, 25.06.84

14. Хидден-Пик,

повторно, 28.06.84

15. Аннапурна

8091 м, 24.04.85

16. Дхаулагири

8167 м, 15.05.85

17. Макалу

8463 м, 26.09.86

18. Лхоцзе

8516 м, 16.10.86

Цитаты в первых главах книги, выделенные курсивом, взяты из следующих книг, любезно предоставленных автору издательством Бенно Швабе в Базеле: Ч. К. Говард-Бери «Эверест – разведка 1921 года», Ч. Г. Брус «Эверест – наступление 1922 года», Э. Ф. Нортон «К вершине Эвереста – восхождение 1924 года». Глава «Морис Уилсон» представляет краткое изложение книги Д. Робертса «Я поднимаюсь на Эверест в одиночку – рассказ о Морисе Уилсоне», Лондон, 1975.

Список литературы об Эвересте

Ahluwalia H.P.S., Higher than Everest. Memoirs of a Mountaineer. Delhi: Vikas, 1973. (в рус. пер. «Выше Эвереста». М., Наука, 1983).

Blakeney, A.R. Hinks and the First Everest Expedition 1921. Geographical Journal 136, p. 333 ff.

Bonington Ch., Everest. South West Face. London: Hodder and Stoughton, 1973; Harmondsworth: Penguin, 1975.

Bonington Ch., Everest. The Hard Way. Harlow: Longman, 1980.

Boustead H., The Wind of Morning. The autobiography of Hugh Boustead. London: Chatto and Windus, 1971.

Brignone, Il Expedición en los Himalayas: Everest 1971. – Montana 15 (1971), p. 32 ff.

Bruce C.G., Mount Everest. Der Angriff 1922. Basel: Schwabe, 1924 (Orig.: The Assault on Mount Everest 1922. London: Arnold, 1922).

Bulletin der Indischen Botschaft. Bd. 15, Nr. 7, S. 5 ff.: Everest-Expeditionen.

Carr H. R., The Irvine Diaries: Andrew Irvine and the Enigma of Everest 1924. Reading: Gastons-West Col. Publ., 1979.

Chavalley G., R. Dittert, R. Lember, Avant-premieres

a l'Everest. Paris-Grenoble: Arthaud, 1953 (Engl. ed.: Dittert R., G. Cheval-ley, R. Lambert, Forerunners to Everest. London: Hamilton, 1956).

China Publication, A Photographic Report of the Chomolungma Scientific Expedition 66-68.

Chomolungma – Everest – Karte des Österreichischen Alpenvereins. —Jahrbuch des Österreichischen Alpenvereins 1957, S. 12.

Clark R. W., Six Great Mountaineers. London: Hamish Hamilton, 1956.

Corbett E. V., Great True Mountain Stories. London: Arco Publications, 1957.

Denman E., Alone to Everest. London: Collins, 1954.

Dias J., The Everest Adventure. Story of the Second Indian Expedition 1962. Delhi: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1965.

Donoghue, The Ascent of Mount Everest.

Dyhrenfurth G.O., Der dritte Pol. Die Acht-tausender und ihre Trabanten. Miinchen: Nymph-enburger, 1960 (I. Aufl.: Zum dritten Pol. Die Achttausender der Erde. Miinchen, 1952). В рус. пер. «К третьему полюсу». М., Гос. изд-во Геогр. л-ры, 1957.

Eggler A., Gipfel iiber den Wolken. Lhotse und Everest. Bern: Hallwag, 1956. (Engl. ed.: The Everest-Lhotse Adventure. London: Allen und Unwin, 1957).

Enzinck W., Der groBe Berg. G. I. Mallory und der

Mount Everest. Recklinhausen: Paulus. 1966 (Orig.: De grote klim).

Evans Ch., Eye on Everest. A sketch book from the great Everest expedition. London: Dobson, 1955.

Everest – A Guide to the Climb. Chartwell Press, 1953 (Faltkarte).

Everest – Ein Bildbericht der Schweizerischen Stiftung für alpine Forschungen. München: Nymphenburger, 1953.

Everest – Yuichiro Miura and the Japanese Everest Skiing Expedition. Tokyo: Bungeishu-nju, 1970.

Fellowes P. F. M. et al., Der erste Flug über den Everest. Die Houston-Mount Everest-Expedition 1933. Berlin: Fischer, 1934 (Orig.: First over Everest).

Finch G. I., Der Kampf um den Everest. Leipzig: Brockhaus, 1925; Berlin: Fischer, 1934 (Orig.: Climbing Mount Everest).

Flaig W., Im Kampf um Tschomo-Lungma, den Gipfel der Erde. Stuttgart: Kosmos, 1923.

Foreign Languages Press, Another Ascent of the World's Highest Peak – Chomolungma.

Freshfield D. W., The Conquest of Mount Everest.

Gosvami S. M., Everest: Is It Conquered? Calcutta: Gosvami, 1954. Gregory A., The Picture of Everest. London: Hodder and Stoughton, 1954. Gruda K., Mount Everest, auf Leben und Tod. Göttingen: Fischer, 1980.

Habeler P., Der einsame Sieg. Mount Everest 78. München: Goldmann, 1978.

Haston D., In High Places. London: Cassell, 1973.

Hedin S. A., Mount Everest. Leipzig, 1923.

Herrligkoffer K. M., Mount Everest, „Thron der Gotter". Sturm auf den höchsten Gipfel der Welt. Stuttgart-Salzburg-Zürich: Spectrum Verlag, 1972.

Herrligkoffer K. M., Mount Everest. 1972. – Himalayan Journal 33, p. 14 ff.

Herrligkoffer K. M., Mount Everest ohne Sauerstoff. Bamberg 1979. Bayerische Verlagsanstalt.

Hiebeler T., Abenteuer Everest. Durchs Sherpaland zum Chomolungma. Rorschlikon-Zürich-Stuttgart-Wien: Müller, 1974.

Hillary E., Ich stand auf dem Everest. Meine Erstbesteigung mit Sherpa Tensing. Wiesbaden: Brockhaus, 1956 (Orig.: High Adventure. London: Hodder and Stoughton, 1955).

Hillary E., Nothing Venture, Nothing Win. London: Hodder and Stoughton, 1975.

Hornbein T. F., Everest: The West Ridge. San Francisco 1965, Sierra Club Books. London: Allen and Unwin, 1966.

Howard-Bury C. K., Mount Everest. The Reconnaissance 1921. London: Arnold, 1922. (Dt. Ausg.: Mount Everest. Die Erkundungsfahrt 1921. Basel:

Schwabe, 1922).

Hunt J., Our Everest Adventure. The Pictorial History from Kathmandu to the Summit. Leicester: Brockhampton, 1954.

Hunt J., Mount Everest – Kampf und Sieg. Wien: Ullstein, 1954 (Orig.: The Ascent of Everest. London: Hodder and Stoughton, 1953).

Indian Mountaineering Foundation, First Indian Mount Everest Expedition, 1960.

Indian Mountaineering Foundation. Second Indian Expedition to Mount Everest, 1962.

Indian Mountaineering Foundation, The Indian Mount Everest Expedition, 1965.

Japanese Alpine Club (Tokyo), Official Report of the Japanese Everest Expedition, 1969/70.

Japanese Expedition to Mount Everest, 1973.

Kogel, Everestansturm, 1952.

Kohli M. S., Nine Atop Everest. Story of the Indian Ascent. Bombay, etc.: Orient Longmans, 1969.

Link U., Mount Everest. Der Kampf um den Gipfel der Erde. Munchen: Rother, 1953.

Lodge O. J., Why I Believe in Personal Immortality. London: Cassell, 1928.

Lowe G., From Everest to the South Pole. New York: St. Martin's Press, 1961 (First ed.: Because It Is There).

McCallum J. D., Everest Diary (based on the personal

diary of Lute Jerstad). Chicago: Fol-let, 1966.

McIntyre N., Attack on Everest. London: Methuen, 1936.

Malartic Y., Sherpa Tensing's Sieg am Everest. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1954 (Orig.: La conquete de l'Everest par le Sherpe Tensing).

Manchester Guardian, Half a Mile from the Summit of Mount Everest. Oct. 20, 1922.

Marshall H., M. Manner am Everest. Die Geschichte seiner Besteigung. Bern: Kummerly und Frei, 1956 (Orig.: Men Against Everest).

Mazeaud P., Everest '78. Paris: Denoel, 1978.

Messner R., Everest. Expedition zum End-punkt. Munchen: BLV, 1978.

Mollier Ch., Everest '74. Le Rendez-vous du del. Paris: Flammarion, 1975.

Monzino G., La Spedizione Italiana all'Eve-rest, 1973.

Morin M., Everest. From the First Attempt to the Final Victory. New York: J. Day Co., 1955.

Morris J., Coronation Everest. An Account by the Special Correspondent of The Times of the Everest Expedition, 1953. London: Faber and Faber, 1958.

Murray W. H., Das Buch vom Everest. Die Geschichte seiner Besteigungen 1921—1953. Miinchen: Nymphenburger, 1953 (Orig.: The Story of Everest. New York: Dutton, 1953).

Nairz W., Gipfelsieg am Everest. Expedition der Weltrekorde des Alpenvereins 1978. Wien-München-Zürich-Innsbruck: Molden, 1978.

Noel J.B.L., Through Tibet to Everest. London: Arnold, 1927.

Norton E. F., Bis zur Spitze des Mount Everest. Die Besteigung 1924. Basel. Schwabe, 1926 (Orig.: The Fight for Everest, 1924. London: Arnold, 1925).

Noyce W., Das größte Abenteuer meines Lebens – Triumph am Everest. Wien: Ullstein-Zsolnay, 1954 (Orig.: South Col. A personal story of the ascent of Everest. London: Heine-mann, 1954).

Noyce W., R. Taylor, Everest Is Climbed. Harmondsworth: Penguin, 1954.

Ohtsuka, Japanese Mount Everest Expedition 69/70. – Himalayan Journal 31, p. 100 ff.

Perlman E., Y. Miura, The Man Who Skied Down Everest. San Francisco: Harper and Row, 1978.

Programme, Ascent of Everest '53.

Pye D.R., George Leigh Mallory—a Memoir. London: Milford, 1927.

Ridgeway R., The Boldest Dream. The Story of Twelve Who Climbed Mount Everest. New York: Harcourt-Brace-Jovanovich, 1979.

Roberts D., I'll Climb Mount Everest Alone. The Story of Maurice Wilson. London: Hale, 1975.

Robertson D.A., George Mallory. London: Faber, 1969.

Roch A., Everest 1952. Geneve-Paris: Jeheber, 1952.

Rudolph F., Chomolungma und ihre Kinder Berlin: Sportverlag, 1978 (в рус. пер. «Джомолунгма и ее дети». М., Радуга, 1982).

Ruttledge H., Everest 1933. London: Hodder and Stoughton, 1934.

Ruttledge H., Everest. The Unfinished Adventure. London: Hodder and Stoughton, 1937.

Ruttledge H., Attack on Everest. New York: McBride, 1935.

Sayre W. W., Vier gegen den Everest. Die Geschichte der neuesten Kleinexpeditionen über die Nordflanke. Riischlikon-Zurich-Stuttgart-Wien: Muller, 1965 (Orig.: Four Against Everest 1962. London: Barker, 1964).

Schweizerische Stiftung für Alpine Forschungen (Zurich), Everest – die Schweizerische Expedition, 1952.

Seaver G., Francis Younghusband. Explorer and Mystic. London: Murray, 1952.

Shipton E. E., The Mount Everest Reconnaissance 1935. Himalayan Journal 7 (1936), p. 1-13; Alpine Journal 252, p. 1-14.

Shipton E.E., The Mount Everest Reconnaissance Expedition 1951. London: Hodder and Stoughton, 1952.

Shipton E. E., Up That Mountain. London: Hodder and Stoughton, 1943.

Shipton E. E., *The True Book About Everest*. London: Muller, 1955.

Shipton E. E., *Mountain Conquest*. London: Cassell, 1967. Shipton E. E., *That Untravelled World: an Autobiography*. London: Hodder and Stoughton, 1969.

Singh G., *Lure of Everest. Story of the First Indian Everest Expedition*. Delhi: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1961.

Smythe F. S., *The Adventures of a Mountaineer*. London: Dent, 1940.

Smythe F. S., *Camp Six. An Account of the 1933 Mount Everest Expedition*. London: Hodder and Stoughton, 1937, 1941.

Somerveli T. H., *After Everest. The Experiences of a Mountaineer and Medical Missionary*. London: Hodder and Stoughton, 1936.

Steele P., *Als Arzt am Everest*. Miinchen: Nymphenburger, 1974 (Orig.: *Doctor on Everest*).

Styles F. S., *Mallory of Everest*. London: Hamish Hamilton, 1967.

Styles F. S., *First on the Summits*. London: Gollancz, 1970.

Styles F. S., *On Top of the World*. London: Hamish Hamilton, 1967.

Tenzing Norgay, *After Everest: an Autobiography as Told to M. Barnes*. London: Allen and Unwin, 1977.

Thiir-Hanke H., Sieg iiber den Everest. Wien: Andermann, 1953.

Tilman H. W., Mount Everest 1938. Cambridge: University Press, 1948.

Ullman J. R. et al., Americans on Everest. The Official Account of the Ascent Led by Norman G. Dyhrenfurth. Philadelphia, etc.: Lippincott, 1963.

Ullman J. R., Kingdom of Adventure: Everest. New York: Sloane, 1947.

Ullman J. R., Man of Everest. The Autobiography of Tenzing Told to J. R. Ullman. London, etc.: Harrop, 1955. (Dt. Ausg.: Der Tiger vom Everest. Die Autobiographie Sherpa Tenzings. Wiesbaden: Rhein. Verl. Anst., 1956) В русск. пер. «Тигр снегов». М., «Московский рабочий», 1982.

Unsworth W., Everest. London: Allen Lane, 1981.

Wibberley L. P., The Epics of Everest. London: Faber and Faber, 1955.

Younghusband F., Der Heldensang vom Mount Everest. Basel: Schwabe, 1928 (Orig.: The Epic of Mount Everest. London, Arnold, 1926).

Younghusband F., Der Himalaya ruft. Berlin: Union, 1937 (Orig.: Everest—the Challenge. London: Thomas Nelson and Son, 1936).

